
Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Журнал «Свободная мысль – XXI»
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Н. В. КРАВЧУК

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА
ГЛАЗАМИ МАЛОРОССА

Очерк третий

РУСЬ РАСЩЕПЛЕННАЯ
XIII – XV ВВ.

МОСКВА
«АИРО–XXI»
2010

Серия
«АИРО – НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ. ТЕМЫ ДЛЯ XXI ВЕКА»
издается с 1999 г.

Николай Васильевич Кравчук,
Действительный член
Московского философско-экономического
Ученого собрания при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Дизайн *Сергей Щербина*

Н. В. Кравчук.

История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. [Текст] / Н. В. Кравчук. – М.: «АИРО–XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28)

В работе использован системный подход к описанию к истории «нашей цивилизации» на втором ее этапе, после того, как в первом очерке была введена концепция обобщенной суперсистемы (точнее, п-ЦЭСЭС-системы). Во втором очерке рассматривалась история Древней Руси как 1-ЦЭСЭС-системы, в данном – предыстория и обстоятельства рождения следующей, 2-ЦЭСЭС-системы

ISBN 978-591022-117-2

© Н. В. Кравчук, 2010 г.
© «АИРО–XXI», 2010 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРК ТРЕТИЙ:

Русь расщепленная. XIII – XV вв.

III.1. Введение	6
III.2. Русь ко времени монгольского нашествия	7
III.3. Нашествие татаро-монголов на Русь	14
III.4. Первые попытки возрождения государственности	22
III.5. Появление на исторической арене княжества Литовского	37
III.6. Рождение Великого княжества Московского	56
III.7. Наивысший подъем Великого княжества Литовского	65
III.8. Польша в X – XVI веках	76
III.9. Финальный этап русско-литовского периода	85
III.10. Русь и «Великая степь» в XV – XVI вв.	98
III.11. О некоторых особенностях феодального уклада	106
III.12. Приложение: М. Кошемчук. О национальной гордости малороссов: к 355-й годовщине Переяславской рады	111
<i>Литература</i>	122

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

РУСЬ РАСЩЕПЛЕННАЯ. XIII – XV ВВ.

III. 1.

ВВЕДЕНИЕ

«В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах»

Ф. Энгельс

В самом деле, прошло не столь уж много времени после выхода первой части работы [1] (состоящей из двух очерков), как появились и отклики на нее, в основном от друзей и соратников, из которых выяснилось, однако, что не всеми был понят метод, используемый нами. Причем главным препятствием на самом деле оказалась путаница в «технических терминах», в которых выражены основные идеи подхода, почему представляется уместным еще раз обратиться к некоторым уточнениям и разъяснениям касательно его.

Напомним – отправной точкой нашей работы [1] является тот *эмпирический* факт, который отмечался ранее целым рядом исследователей, начиная с нашего ученого Н. Я. Данилевского (см. его работу [2]), а именно – что никогда не существовало какой-либо единой (или даже «линейнообразной») истории человечества. Таковая на самом деле слагается – притом весьма нелинейным образом – из историй достаточно целостностных самих по себе объектов – разные исследователи именовали их то «цивилизациями», как это делал Дж. Тойнби, то «культурно-историческими типами», как наш Н. Данилевский, то просто «культурами», как О. Шпенглер. Причем надо сказать, что, в общем-то, соответствующие понятия далеко не совпадали друг с другом. Все это объясняется не просто предпочтениями авторов, но и их методами

исследования, как делающими акцент на определенных особенностях (или можно сказать – на некоторых «гранях») исследуемых объектов, откуда и проистекают разночтения. Причем разным у них было даже само число соответствующих объектов; см. обо всем этом в [1].

Мы же в качестве основного такого объекта исследования предложили так называемую *n*-ЦЭСЭС-систему Σ_n (этот термин является простым сокращением объемного словосочетания *цивилизационно-этническая социо-экономическая Суперсистема n-го порядка*), где *n* обозначает вещественное число из интервала [0, 5]. При этом характеристики, входящие в ее определение, достаточно неравнозначны – к примеру, таковые, относящиеся к этническим, цивилизационным особенностям ее, представляются более глубинными – в определенном смысле, нежели социально-экономические, или «формационные». Поэтому вполне возможно, что иногда следовало бы говорить об *n*-ЦЭСЭС-системе Σ_n как о Суперсистеме, *построенной* (или *базируемой*) на некоторой «цивилизации», или на Суперэтноте, хотя такой «верхний» элемент в общем-то оказывает обратное влияние и на базовый.

Замечание III.1. Представляется стоящим подчеркнуть здесь также и то обстоятельство, что в реальности никогда не существовало объекта, который можно было бы называть «*славянской цивилизацией*» (в смысле «*n*-ЦЭСЭС-системы» при $n \neq 0$), что подтверждается материалами настоящего очерка, к стати сказать. По-видимому, потенциальная возможность появления такой Суперсистемы была перечеркнута еще готским нашествием (которое началось в первом веке н. э. из района в устье Вислы, и дошло до устья Днестра к третьему веку; см. подробнее в [1]). Ведь как раз тогда произошло то разделение на западных и восточных славян, которое к концу первого тысячелетия было весьма жестко закреплено выбором религии – иначе откуда появилась бы, к примеру, та рознь между поляками и россами, которая проявляется до сих пор? Также и весь исторический опыт, в особенности опыт XX века, указывает также на сомнительность гипотезы Н. Данилевского (и других «славянофилов») о наличии некоего вечного «*общеславянского*» культурно-исторического типа, что в значительной мере нивелирует ту часть фундаментального труда [2], где так или иначе использовалась эта гипотеза.

Далее, в первом очерке уже подчеркивалась та роль, которую играют специфические процессы *взаимодействия* между Супер-

системами, и особенно между такими системами Σ_{n1} и Σ_{n2} , для которых $n_1 \neq n_2$. Да и более того – там утверждалось, что во многом именно подобного рода «столкновения» между таковыми являются движущими силами истории. Но сами же Суперсистемы, собственно говоря, являются предметом изучения Метаистории (о чем говорилось в [1]), будучи разными «Вселенными» в объемлющем их Универсуме – человечестве, если использовать физическую терминологию. И здесь мы хотим также подчеркнуть особо, что каждой отдельной Суперсистеме Σ_n присуще и свое «социальное время», которое совсем не обязано быть в точности согласованным с неким «универсальным временем».

А в данном контексте из этого обстоятельства вытекает, что использование обычного деления всемирной истории на Древнюю, Средние века, и Новую историю, адаптированного к сугубо европейской истории, оказывается по сути своей некорректным, что заметили уже упомянутые выше авторы. И как нам представляется, именно такое неясное предположение привело к тому, что Древняя Русь обычно *a priori* рассматривалась как «феодалное государство», с чем согласиться мы не можем (аргументацию см. во втором очерке). На самом же деле содержанием **древней** истории для нашей цивилизации как раз и является таковая Киевской Руси, а вот «Средние века» для нее начались только в XII – XIII веках, и именно с этого момента мы начнем изложение в данном очерке.

Притом еще раз подчеркнем то обстоятельство, что история Южной Руси (позднее – Малой Руси, а затем – Украины) входила и входит – как неотторжимая часть – в историю всей «нашей цивилизации», хотя возможно, что предпочтительнее было бы говорить о «цивилизации росссов» (см. [1]). И прежде всего, по той очевидной причине, что именно ее территория была центром (сердцевиной) Древней Руси, которую позже стали именовать Киевской Русью – нашей первой 1-ЦЭСЭС-системы, которая, как мы помним из предыдущего очерка, родилась весьма быстро по историческим меркам. Впрочем, довольно коротким оказалось и время жизни этого социально-этнического организма – ведь от Вещего Олега до Батыева погрома минуло менее четырех столетий... Причем погром этот как раз и подвел жирную (и кровавую) черту под первым этапом нашей истории, после чего еще на четыре века наступили «темные века» в истории Южной Руси – темные в буквальном смысле слова.

Действительно, даже в советской школе, бывшей на несколько порядков выше нынешней, об этом последнем периоде – вплоть до Освободительной войны – говорилось очень немного, а история «цивилизации росссов» концентрировалась практически исключительно на истории Северо-Восточной Руси. Это, в общем-то, и понятно, ибо впоследствии как раз там сформировалось ядро 2-ЦЭСЭС-системы – *новой* «русской православной цивилизации», которая к XVII веку приобрела форму мощного государства Российского. Впрочем, сие обстоятельство можно объяснить и тем, что большинство письменных источников того периода дошло именно из самого этого региона, в отличие от таковых для Южной Руси – там приходилось полагаться большей частью на источники чужеземные, и при том достаточно тенденциозные, как правило.

Но тем не менее, историческая наука уже к концу XIX века получила возможность в основном заполнить лакуны, собрав материал, позволивший понять всю сложность истории этого края. А затем и осознать неизбежность последующего процесса – воссоединения Малой Руси с Великой, в результате которого как раз и завершилось метаисторическое «смутное время» *новой* Суперсистемы, позволив перейти этому социальному организму к завершенной форме «универсального государства» (по А. Тойнби). Может показаться, что так ведь могло и не случиться, сложись как-то иначе история Южной Руси, да прояви ее народ меньше мужества и упорства? По сути именно это и утверждают множасьщиеся в наше время так называемые «альтернативные версии истории» – порождение давно обанкротившегося течения релятивизма в истории. Одной из наших задач здесь как раз и будет исследование этого вопроса.

Еще раз обращаясь к нашей методологии, следует напомнить роль взаимодействий различных этносов в процессах классообразования, и в параллельных им процессах появления соответствующих государственных структур (см. [1]). Нынче нам представляется, что для прояснения их сути стоило бы провести аналогию с явлениями фазовых переходов в физике, для чего напомним такие известные явления, как быстрая конденсация охлажденного пара в капли воды – при внесении в него мельчайших инородных частиц, либо практическое мгновенное замерзание переохлажденной воды, если в ней наличествуют микроскопические примеси. В рассмотренном же во втором очерке случае Древней Руси варяги как раз и сыграли роль таких инородных частиц.

А в этой части мы убедимся, что подобные процессы проявляются и при появлении на свет нового феодального уклада в рассматриваемой здесь ситуации. Точнее, появился он после взаимодействия Суперсистем разных порядков, или «поколений» (т. е. опять-таки находящихся в разных «фазах», если использовать приведенную выше аналогию). И новую ситуацию тут породило именно Батыево нашествие, на чем настаивал и Лев Гумилев ([3]), хотя по большому счету это относится главным образом к Северо-Восточной Руси, тогда как в Юго-Западной сложилась хотя и подобная, но все же иная ситуация.

Однако сперва, по нашему мнению, и там и тут результаты таких взаимодействий проявлялись в неких «ростках» – попытках возрождения государственности, которые стали произрастать в разных местах, причем везде по-разному, и по-новому. А там, где не удалось тогда возродить таковую, тому имелись не только субъективные, но и вполне объективные причины – чаще всего потому, что нельзя было слепить то, что распалось уже и раньше, что уже отжило свое, а необходимы были новые порядки, а точнее – новый уклад. И в местах, где такая новизна не смогла развиваться, где не оказалось внутренней «подпитки», процесс заглох, как убедимся ниже.

Но даже там, где такое «новое» смогло проявиться, оно пришло неожиданно – от тех, считавшихся во время расцвета Древней Руси «дикими», литовских племен жмуди, литвы, ятвягов и пр. Правда, к началу XIII века эти племена проделали значительную эволюцию, и побуждали их к этому опять же соседи – в первую очередь Древняя Русь, но также и западные таковые – Польша, а затем и немецкие «псы-рыцари». Имеются в виду Тевтонский да Ливонский католические рыцарские ордена, перенесшие в начале XIII века свою «крестоносную миссию» с Ближнего Востока на Прибалтику.

Хотя «Дранг нах Остен» этих орденов в северо-восточном направлении был остановлен Александром Невским, юго-восточное все еще представлялось им перспективным. Тем более что литовские племена были языческими, давая тем самым «оправдание» католическому прозелитизму да рыцарскому «миссионерству», во всяком случае, перед «просвещенным» Западом. Но тут оказалось, что сей «вызов» породил соответствующий «ответ», как раз и побудивший эти племена к ускоренному развитию государственности и выдвижению именно тех вождей, которые проявляли

необходимые качества в решении задачи выживания – а ведь именно так стоял тогда вопрос.

И тут судьба подарила литовцам весьма ценных союзников как в лице тех русских княжеств, которые остались вне влияния «монголосферы» после Батыева погрома, так и остатков тех из них, которые были разгромлены в Южной Руси. Все это и результировало впоследствии в появление нового центра государственности, названного позже Литовско-Русским княжеством, история которого не слишком широко известна, хотя она является существенной частью истории Южной Руси. Причем более пристальный взгляд показывает, что даже в рассматриваемый период нельзя рассматривать историю Руси *по отдельности* – как, например, историю Украины и России, что стало ныне модно делать даже в академических кругах.

В этой связи хочу отметить совсем недавно вышедшую (на украинском языке) книжку «Очерки истории России» [4], изданную Институтом всеобщей истории РАН. Автор присутствовал на представлении ее в Киеве, и сразу же высказал сомнение в том, что возможно полно изложить эту тему без учета цельности нашей цивилизации и ее истории, указав на конкретные пробелы, возникающие при этом. И самое существенное из замечаний заключалось в том, что без рассмотрения истории Литовско-Русского княжества с XIV по XVI век история наша становится неполной*) историей «цивилизации россов», но на этапе ее «расщепленности». Потому одной из главных задач для нас здесь будет рассмотрение таковой, как части *единой* истории нашей общей, что данный очерк и призван, среди прочего, обосновать эту точку зрения – во всяком случае именно так он задумывался несколько лет назад, причем основное внимание в первоначальном замысле мы предполагали уделить именно Южной Руси – как будто она оставалась еще центром цивилизации, хотя это было уже не так.

Впрочем, дело еще и в том обстоятельстве, что, как уже отмечалось, история Северо-Восточной Руси изучена «вдоль и поперек», т. е. достаточно детально, а вот история Южной обычно рассматривалась лишь как некий придаток ее. По нашему же мнению, она была почти столь же важной, хотя и менее видимой,

*) После краткой дискуссии академик А. Чубарьян, представляющий авторский коллектив, по сути согласился в этом со мной, и обещал учесть замечания при подготовке второго издания – на русском языке.

так что следовало учесть и объяснить это обстоятельство. Но затем, уже после выхода в свет [1], и последующего ее обсуждения, выяснилась необходимость в более широкой трактовке истории – не только *всей* Руси, но также и ее внешнего окружения – с тем, чтобы уяснить более точно и причины, и масштабы происходящих вокруг нее событий, начиная с тринадцатого века и кончая началом шестнадцатого.

Причина такого ограничения – в том, что именно к последнему моменту уже проявились несколько феноменов, которые, несмотря на первоначальную разнесенность их в пространстве, оказались тесно связанными. И даже не просто связанными, но завязанными историей в один тугой узел, который можно было либо развязать, либо разрубить, как то продемонстрировал некогда Александр Македонский*). В рассматриваемом нами случае история избрала последний вариант, чему будут посвящены последующие главы.

Но перед этим надо проследить генезис каждого из феноменов и понять, в каком состоянии он подошел к упомянутой узловой точке, как и взаимоотношения между ними. Теперь перечислим основные феномены, имеющие касательство к нашей теме, и ответствующие этому задачи.

Основной из главных задач здесь будет: проследить процессы возникновения и развития великого княжества Литовского, его отношений с Русью, с одной стороны, и с Польшей (да и вообще с Западом) – с другой. А затем понять причины и обстоятельства все нарастающего со временем сближения Литвы с Польшей, приведшего в конце концов к их слиянию (1569 году) в единое государство Речь Посполитую, ставшее форпостом западной цивилизации (сперва как 2-ЦЭСЭС-системы) на востоке Европы. Это означало, что граница между западной и нашей цивилизациями рывком подвинулась на восток, что не могло не иметь геополитических последствий для второго феномена.

А он заключался в том, что на востоке в рассматриваемый период возникла и быстро развивалась сердцевина новой 2-ЦЭСЭС-системы, или «русской православной цивилизации» в виде Московского государства. Родилось оно в результате как победы над татаро-монголами, так и (пока эпизодических) столкновений с представителями западной цивилизации. А развитие его в XV –

*) Хотя – ирония истории – в результате его деятельности возник не один исторический узел!

XVI веках происходило столь бурно, что это привело к «болезни роста» новой цивилизации, выражением которой и стало известное «Смутное время». Мы толкуем это словосочетание в расширительном метаисторическом смысле (см. в [1]), и потому датируем его начало 70-ми годами XVI века, т. е. выделенным нами моментом, а окончание – лишь серединой XVII века.

Третьим феноменом оказалось «переформатирование» натиска с юга – от золотоордынского к *исламскому* турецко-татарскому, который достиг к указанному моменту особой интенсивности, особенно в отношении Южной Руси (которая оказалась вскоре в составе Речи Посполитой).

В результате именно Южная Русь оказалась на разломе сразу между тремя цивилизациями – западной, исламской и русской православной. И тут все упомянутые выше феномены (или лучше тут будет сказать – «вызовы») индуцировали соответствующий «ответ» – равно как и породили те силы, которые смогли дать его, а впоследствии и вообще разрубить узел, завязавшийся на просторах Южной Руси.

Конечно, кроме вышеупомянутых трех, были немало и других «вызовов» в те времена, но все они так или иначе связаны с цивилизационными разломами. Таким образом, метаисторический подход позволяет нам понять в целом логику исторического развития нашей цивилизации, максимально освобождая исследование его от разного типа случайных факторов.

Обстоятельствам дальнейшего развития будут посвящены следующие главы, а здесь мы опять же будем существенно использовать материалы тех южнорусских историков, которые уже упоминались во введении к [1], и более-менее правильно (хотя далеко не исчерпывающе) трактовавших историю Южной Руси – по крайней мере, определенные ее периоды. Мы довольно широко цитируем их здесь еще и с целью выбить оружие из рук не слишком добросовестных нынешних национал-«историков».

III. 2. РУСЬ КО ВРЕМЕНИ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

«Тринадцатый век, без сомнения, является наиболее сложным столетием русской истории»

Л. Гумилев

В общем-то с такой констатацией Льва Николаевича трудно не согласиться, однако все же мы расширили бы временные рамки «наиболее сложного» периода нашей истории вплоть до середины XVII века. И вот почему: в эти рамки, во-первых, входит падение первой «цивилизации россов» (точнее – 1-ЦЭСЭС-системы; см. первый очерк в [1]), а именно – Древней Руси, притом не просто падение, но ужасающий разгром, в результате которого, как казалось современникам, вообще уничтожен наш Суперэтнос. Однако вскоре выяснилось, что он лишь разделился на части, которые продолжили свое существование как бы совсем отдельно друг от друга на протяжении четырех веков... Причем только к концу этого сложного периода обнаружилось совершенно явно то важное обстоятельство, что развитие этих частей шло вовсе *не по расходящимся*, но *параллельным* траекториям. И повторимся – первым фактом, проявившим это с полной очевидностью, как раз и стало *воссоединение* Малой Руси с Великой в результате очень тяжелой Освободительной войны 1648 – 1654 годов, после чего наша новая «цивилизация» – уже как 2-ЦЭСЭС-система ([1]) – не просто продолжила, но и заметно ускорила свою историческую поступь.

Приведенное рассуждение носит метаисторический по своей сути характер, потому дополним утверждение о сложности данного периода еще и аргументами иного типа, а именно – весьма убедительными цифрами, которые приводил в свое время известный русский историк С. М. Соловьев. Оказывается, как он подсчитал – с 1055 года по 1492 год произошло 245 нашествий и нападений

на Русь внешних врагов – причем 200 из них пришлось как раз на период с 1240 по 1492 год, т. е. случались они почти каждый год! Более того, как легко убедиться, это число превосходит в 4,5 раза число нападений за предыдущие два века, которые тоже были весьма бурными (как мы убедились в [1]).

Третий же аргумент, поддерживающий утверждаемую нами сложность, содержится в том, как-то не отмечаемом четко обстоятельстве, что в рассматриваемый период развитие Руси оказалось зависящим сразу от нескольких соседних (практически от всех, впрочем) государственных образований – чего не было в период предшествующий. Напомним, что после Святослава Великого, его сына Владимира да внука Ярослава, в ближних окрестностях Древней Руси не существовало достаточно сильных противников, могущих нанести ей заметный ущерб, за исключением половцев. Да и те, хотя и проводили систематические набеги на окраинные южные земли Руси, но как их возможности, так и тактика, да и планы, были хорошо известны. Более того – с ними было и «сотрудничество» – часто не самого лучшего рода, однако так или иначе все проходило без катастрофических последствий.

Таким образом, можно бы думать, что до начала XIII века большинство из удельных раздоров да междоусобиц потому-то и были *внутренними*, что на горизонте не просматривалось серьезной угрозы, которая могла бы сплотить тогдашнюю «элиту», и как раз по этой-то причине и не прекращались княжеские «разборки», причем главным образом ведь между близкими родственниками (о чем шла речь в конце предыдущего очерка; см. в [1]). Впрочем, мы также отметили в предыдущем очерке социально-экономическую подоснову этого явления, ибо наличные условия производства, вместе с неразвитостью средств сообщения, предопределяли с самого начала рыхлость устройства Киевской Руси, которая никогда не была централизованной державой, как это иногда приходится слышать, но скорее некой «федерацией княжеств». Причем это громадное пространственное образование (впрочем, и население Руси составляло тогда около шести миллионов человек, чего было совсем не мало по европейским меркам) строилось главным образом на фундаменте *этнокультурной общности*.

Потому понять сей феномен можно, лишь представляя его как 1-ЦЭСЭС-систему, социально-экономический уклад которой являлся «прото-рабовладельческим», представляя собой, по нашему убеждению, некую (достаточно мягкую) разновидность марксового «азиатского способа производства»; сердцевина же ее сосредота-

чивалась сперва вокруг Киева. При этом спорные моменты в нашей истории, как-то: особая роль дружины при князе, отсутствие частной собственности на землю и связанное с этим отсутствие феодальной иерархии (или «феодальной лестницы», известной в западноевропейской истории), в т. ч. особый порядок наследования власти («левственный»), приобретают естественное понимание именно в таком контексте.

Особая же роль великого князя Киевского состояла в персонализации им не только рода Рюрика, но тем самым по сути и всего господствующего класса, а выделенная при этом роль дружины как целого – в особого рода классовой сплоченности. Но парадоксальным образом успехи, достигнутые Русью при этой системе, включая отношения «на равных» с крупнейшими державами современности, способствовали... ее ослаблению! Это было следствием влияния тем или иным образом идеологических и государственных установок упомянутых держав, стоящих на более высоком – феодальном – уровне социально-экономического развития. В частности, большую роль в этом сыграло принятие новой идеологии, а именно – христианства – монотеистической религии, приспособленной к реалиям именно феодального общества (на этом мы еще остановимся специально).

Внешне казалось, что оно усиливало позиции великого князя, начиная с самого Владимира, но ведь уже после его сына Ярослава, разделившего, напомним, земли на уделы сыновьям, сама система государственности стала давать сбои. И к середине XII века произошел фактический переход Киевской Руси на уровень «конфедерации» удельных княжеств, указывая на назревшую необходимость в новом, феодальном укладе. Однако заметим при этом, что удельные властители крупных княжеств по инерции продолжали в своих землях практику великокняжеского правления, в т. ч. относительно собственности на землю, и тем по сути предотвращали возможность превращения своих дружинников и соратников в *независимых* бояр, известных из позднейшей истории. При этом пограничные уделы подошли к переходу на новый уклад ближе остальных, как мы убедимся ниже на примере Галицко-Волынской земли. Неизвестно, однако, сколько бы еще продолжались бесплодные удельные распри, и к чему бы они могли привести, если бы не вмешательство внешних сил.

Дело в том, что Азия, как оказалось, таила в своих глубинах потенциал, в том числе и людской, далеко не исчерпанный преды-

душими «великими переселениями народов». Скорее наоборот – он накопился за полтысячелетия и перешел в качественно новое состояние, как раз и породившее татаро-монгольское нашествие – последнее глобальное таковое (в пределах тогдашней ойкумены, конечно). Но прежде чем перейти к этой теме, давайте сперва остановимся подробнее на структуре Руси к началу XIII века.

Замечание III.2. Также важно отметить, что уже к тому времени центр Древней Руси неуклонно смещался на Северо-Восток, на ту (еще недавно *Залесскую*) Русь, даже добраться до которой ранее было непростым делом, о чем в начале XII века свидетельствовал сам Владимир Мономах, несмотря на то, что там уже давно проживало славянское племя вятичей, имелись там и такие города, как Муром, Ростов да Суздаль. И как мы уже отмечали в конце второй главы, еще с XII века сюда устремились массы переселенцев из центральных, а особенно из южных районов Киевской Руси. В [1] уже говорилось (на страницах 90 – 91) о тех многочисленных названиях городов, сел и рек, которые они принесли с собой из прежних мест, но здесь подчеркнем особо, что это-то как раз и подтверждает массовость процесса, поскольку очевидно, что подобные названия могли прижиться только при наличии компактных групп переселенцев из соответствующих (прежних) мест обитания. О том же свидетельствует сохранение сказок, былин, легенд и песен времен Киевской Руси в центральных, а особенно в северных и восточных районах Руси аж до XIX – XX веков – для этого опять же необходима была определенная и достаточно массовая среда! Следует подчеркнуть и роль географических факторов Залесской Руси – сюда, в эти леса и болота, просто не доходили те степняки-кочевники, которые были соседями в те времена. Но в то же время наличие множества рек позволяло достаточно интенсивное общение и обмен товарами с соседями, притом не столь уж и близкими. Однако главным для нас здесь есть то обстоятельство, что наличие описанного процесса уже тогда как раз и подчеркивает не случайность возвышения этого региона в последующем (и это следовало бы учитывать «альтернативщикам»).

А вот в Южной Руси таких условий для сохранения исторического и культурного наследия не было – прежде всего из-за исчезновения громадных масс людей во время монгольского нашествия, тогда как последующее заселение было неравномерным и не слишком-то массовым, да и шло оно из очень разных регионов. Впрочем, и так понятно, что в последующие четыре века сохране-

ние там древнего наследия и самобытности было очень и очень непрым делом – в условиях, когда главной задачей многих поколений было простое выживание! И только к XV веку там сложились и достаточные массы людей, и минимальные условия для развития культуры, как увидим в последующем изложении.

Далее стоит подчеркнуть, что хотя удельно-вечевой период обычно было принято характеризовать как период упадка, на деле-то это относится прежде всего к *политическому* аспекту истории – ибо к тому времени Древняя Русь стала уже не более чем конфедерацией более-менее связанных (а то и независимых) крупных княжеств и земель, хотя по европейским меркам они соответствуют целым (и немалым!) государствам. И действительно, в начале этого века их насчитывается более десятка, а именно: Владимиро-Суздальское, Полоцко-Минское, Турово-Пинское, Смоленское, Галицко-Волынское, Киевское, Переяславское, Черниговское, Тмутараканское, Муромское и Рязанское княжества. Важную роль играли и две независимые республики – Новгородская и Псковская, с центрами в соответствующих городах.

Замечание III.3. При всем том число городов на Руси выросло за два предыдущих века более чем в три раза (составляя уже около трех сотен), причем теперь они были не столько административно-опорными пунктами, как ранее, сколько стали важными торгово-ремесленными центрами – так менялась социально-экономическая база. При этом не только в Новгороде и Пскове, но и в других крупных городах очень важную роль опять стали играть вече, при этом будучи уже собраниями не только лишь горожан и жителей пригородов, но и всех окрестных селений. Города же все больше становились главными культурными и религиозными центрами соответствующих земель – в них строились каменные храмы и княжеские дворцы, искусно спроектированные да изукрашенные. Причем инфраструктура городов на Руси зачастую была более развитой и продуманной, чем в Западной Европе того времени; к примеру, в таких городах, как Новгород, Владимир, Галич, Чернигов и другие, уже был водопровод и каменные мостовые! Число ремесленных специальностей там перевалило за 60, достигая при этом очень высокого уровня, в т. ч. и в художественном отношении. Купечество же крупных городов активно участвовало во внешней торговле, будучи известными во многих государствах Азии и Европы.

Эти сведения взяты нами в основном из третьего тома «Всемирной истории» [5] (1957 года издания), однако там есть и такие

утверждения, с которыми ныне трудно согласиться, к примеру с таковым о «развитом феодальном укладе» Древней Руси. Крупными землевладельцами тогда были – напомним – в основном лишь князья да приближенные к ним «бояре»-соратники (но еще не «вотчинники»), притом в разных княжествах и дела-то в этом отношении обстояли по-разному. Так, процесс разложения княжеской власти и усиления роли боярства наиболее далеко зашел в Галицко-Волынской земле, как и в «аристократических республиках» Новгорода и Пскова. Впрочем, именно такой рост крупного землевладения по сути и способствовал удельной раздробленности, создавая предпосылки для феодального уклада, который тогда все-таки не родился – это произошло уже в последующий период, однако породил свою «смуту» для Древней Руси (см. [1]).

Стоит остановиться теперь несколько подробнее на Ростово-Суздальском княжестве, как сыгравшем очень важную роль в последующей истории. Оно обособилось от Киева в 30-х годах XII века, когда княжил там (1125–1157) Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха, имевший сильные позиции также и в Новгороде, Муроме да Рязани, откуда и пошло его прозвище. Кроме того, надо также сказать, что он в течение двадцати лет пытался овладеть Киевом, но удалось ему это лишь в 1155 году, где Юрий и княжил два года – аж до своей смерти в 1157 году. Но с тех времен и Ростово-Суздальское княжество переживало заметный подъем, там строились новые города и росли старые, в этой связи упомянем Владимир-на-Клязьме (ставший вскоре столицей княжества), Дмитров, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Звенигород, и др. Тогда же была основана и Москва – первое упоминание о ней в летописи относится к 1147 году. Большую роль в этом княжестве играла также торговля с Востоком – по Волге (Впрочем, и с Западом тоже).

Сын Юрия – Андрей Боголюбский (1157–1174) продолжал объединительные тенденции отца, он снова взял Киев в 1169 году штурмом, который именно тогда впервые был сильно разрушен. А главным «достижением» этого похода была шапка Мономаха, которую Андрей увез с собой; при этом он видимо понимал, что там на престоле ему не усидеть, а потому решил если не уничтожить, так ослабить соперника, и впоследствии Киевом управляли в основном разного рода ставленники. Однако жесткая политика Андрея породила сопротивление даже среди ближних «бояр», и в результате он был убит ими в 1174 году. Но все же через три года

престолом княжества овладел его брат Всеволод «Большое Гнездо» (1177–1212), который силой подавил сопротивление «боярской» оппозиции, и продолжил прежнюю централизаторскую политику.

При нем, а затем и при его сыне Юрии (1212–1237), строились новые крепости-города, такие как Устюг и Нижний Новгород (1221), а более старые тоже расширялись – к примеру, сам Владимир не уступал тогда Киеву по численности населения, имея свыше 40 тысяч человек за крепостной стеной, которая по длине своей превосходила киевскую на треть! Само же княжество Владимиро-Суздальское включало в себя девять более мелких, и влияние его постоянно расширялось в бассейнах Волги, Камы и Северной Двины (выше мы уже упоминали о роли речных «артерий»), куда шли русские колонисты. Так что как раз тогда и закладывались предпосылки того, чтобы именно эта земля позже стала центром новой Руси – Великой. Причем следует отметить и то, что князь Юрий Всеволодович не проявил себя ни как политик, ни как военачальник, что проявилось вскоре при монгольском нашествии. Младший же брат его Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) проявил тогда большую гибкость, изъявив покорность хану, и получил от него «ярлык» на княжение.

Отметим сразу касательно Новгорода, что боярская (без кавычек) республика образовалась там после крупного анти-княжеского восстания 1136 года, когда всю власть взяло на себя вече – вроде как древний общенародный институт. Но скоро им – а потому и властью – овладели на несколько веков фактически бояре да крупные купцы, причем последние из-за их определяющей роли в экономической жизни, главным образом во *внешней* торговле республики Новгород. О Галицко-Волынской земле речь будет идти ниже, а тут упомянем еще Полоцко-Минскую землю, которая обособилась (опять же во многом из-за географического фактора) от Киевской Руси довольно рано – при Брячиславе, сыне Владимира Красно Солнышко, а особенно – при его внуке Всеславе Брячиславиче (1044–1101), известном как рачительный правитель. При нем это княжество контролировало значительные территории в Прибалтике, в т. ч. литовские земли, которые впоследствии были потеряны. А еще позже рядом образовалось Литовское княжество с Миндовгом (1230–1264) во главе, и роли их поменялись, о чем скажем ниже.

Однако мы сразу же хотим выделить особо тот важнейший исторический *факт*, что история Древней Руси вплоть до самого

монгольского нашествия была *единой*, несмотря на то, что ее «...делали группы восточнославянских или русских племен, обособившихся по областям, но как будто бы не обнаруживающих того глубокого распада на два русла, которое усматривается позже» ([6], с. 88), как отмечала не раз упоминавшаяся нами в предыдущем очерке Александра Яковлевна Ефименко. А вот последующее монгольское нашествие резко изменило всю картину, и мы переходим к описанию этих новых обстоятельств.

III. 3. НАШЕСТВИЕ ТАТАРО-МОНГОЛОВ НА РУСЬ

«...есть еще временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как Гунны, Монголы, Турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, ... скрываются в прежнее ничтожество»

Н. Данилевский

Отметим, что как о процессе образования «империи» Чингисхана в начале XIII века, так и о походах его на юг и на запад, написано достаточно много, и нет смысла пересказывать здесь все детали (мы отсылаем интересующихся этим к [3] и [5]). Однако стоит-таки внести определенные уточнения, которые позволяет принятый нами метод. И прежде всего отметим, что часто используемый и ныне к делу и не к делу термин «империя» совершенно неадекватен в данной ситуации, поскольку имелось в наличии лишь номадическое *предгосударственное* образование (о каковых шла речь в [1]), которое правильнее всего следовало бы называть исторически принятым термином «орда» Чингисхана – как построенное во многом усилиями именно этого несомненно талантливого полководца и организатора.

И уж тем более нельзя утверждать, что «у монголов еще до XIII века сложились раннефеодальные отношения» (это цитата из третьего тома «Всемирной истории» [5], с. 514). На самом же деле Орда изначально представляла собой лишь союз племен, находящихся на стадии далеко зашедшего разложения родового строя, а по сути – на этапе «военной демократии», как это предполагал Л. Гумилев. При этом главную роль в управлении ею играли кровнородственные связи, а не сколь либо развитая административная система, которая и позволила бы говорить о полноценной государственной структуре. Да и тот же Гумилев подчеркивал, в частности, то обстоятельство, что «хан был отнюдь не самодержавен, а напротив – не мог не считаться с нойонами – главами примкнувших

к нему племен, и со своими богатырями. Таким образом, войско надежно ограничивало волю хана» ([3], с. 124).

В принятой же нами терминологии (и в согласии с мнением Н. Данилевского, см. эпиграф) это можно выразить утверждением, что Орда была Суперсистемой поколения номер n , где $n \geq 1/2$, но < 1 , и будем писать короче – *1/2-Суперсистема*, которая двигалась к архаической рабовладельческой системе, имеющей «азиатский способ производства» в смысле Маркса. Причем та жестокость, которой отличались монголы по отношению к иноплеменникам (и ужасающая современников из более развитых социумов), как раз и есть еще одним подтверждением того, что в Орде недалеко отошли от родоплеменного сознания, когда иноплеменники и людьми-то вовсе не считались – это была просто часть враждебного данному племени окружения. Более того, по мнению Ф. Энгельса, «все, что вне племени, было вне закона. При отсутствии заключенного по всей форме мирного договора царил война между племенами, и эта война велась с той жестокостью, которая отличает человека от остальных животных» ([7], с. 90). И не удивительно, что такого рода Суперсистемы как правило, оказывались неустойчивыми и быстро (по историческим меркам) распались, не порождая нового социального качества, что и произошло потом в рассматриваемом случае.

Действительно, Л. Гумилев в этой связи совершенно верно констатировал, что в «монголосфере» лишь столетие спустя после завоевательных походов «произошла реставрация до-чингисовских социальных форм... восторжествовали традиции родо-племенного строя» ([8], с. 460). Причем настолько, что и до начала XX века само монгольское общество практически не вышло за рамки «(ранне-?)феодальных отношений»! А вот Русь после столкновения с этой Суперсистемой уже к XV веку перешла в качественно новое состояние 2-ЦЭСЭС-системы, в чем убедимся ниже, так что в рассматриваемом случае результаты такого «столкновения» для участвующих в нем сторон оказались весьма несимметричными.

Но в самом начале XIII века, с 1206 года (года своего образования) Орда быстро набирает силы, пополняется новыми участниками союза племен – благодаря и хитрости, и жестокости, и другим приемам, использованным Чингисханом. Он ввел новую организацию войска, скрепив его воистину железной дисциплиной, да и испытал его сразу же при разгроме соседних племенных

союзов, частью включив их в свой, чем заметно усилил его. А затем Орда начинает экспансию (ибо иначе быстро распалась бы, как это уже бывало прежде) в южном направлении – на Китай, ранее бывший очень опасным для номадов соседом.

Еще раз подчеркнем – Орда тогда могла существовать и развиваться только в условиях войны с соседними, намного более развитыми и богатыми странами, что быстро осознал Чингисхан. Первой крупной жертвой нового регионального хищника стало Цзинское государство в Северном Китае, управлявшееся тогда чжурчженями-чужеземцами, завоевавшими его несколько ранее. Покорение же монголами этого государства в 1215 году принесло им не только громадную добычу в виде разного рода товаров и драгоценностей, но дало главное: владение современной на то время техникой, в частности – той, что применялась для осады крепостей, равно как и тактикой, базировавшейся на ее применении.

И следующий их поход был направлен уже на запад – сперва на Среднюю Азию в 1219 году, тоже находившуюся тогда не в самом лучшем для войны состоянии. В результате к 1221 году монголы овладели крупнейшим государством региона – Хорезмским ханством, взяв основные его крепости, при этом разграбив и разорив его дотла. Но на этом они не остановились, а пошли дальше – как на запад, так и на юг – в Северо-Западную Индию (где, впрочем, не достигли успеха). А вот тумены двух лучших военачальников Чингиса – Джебе-нойона и Субудэй-багатура, обогнув с юга Каспийское море, пронеслись через Грузию и Азербайджан как смерч – с аналогичными же последствиями, и вышли на Северный Кавказ. Там они сперва столкнулись с аланами (осетинами), а затем и с половцами, часть которых кочевала в тех степях, разбив и тех и других. В конце концов монголы дошли до Крыма, захватив при этом достаточно укрепленную крепость Судак, а затем в 1223 году двинулись на север – с целью добить половцев.

Но там, на реке Калке, они впервые столкнулись с русскими княжескими дружинами, пришедшими на помощь половцам, хотя последние по сути уклонились от сражения. Да и среди самих русских князей царил самый настоящий разброд – они абсолютно не представляли себе ни мощи нового противника, ни его возможностей, так что посчитали возможным победить его поодиночке – как ранее били половцев... По сути, организации русско-

го войска в целом не было, чем тут же воспользовались монголы, тем более что имели во главе лучших своих полководцев. Так что в результате получился такой разгром, которого Русь давно уже не знала, да и жертвы были огромными – по сравнению с прежними столкновениями с кочевниками!

Но и монголы тоже понесли немалые потери, так что их наступательный порыв наконец-то иссяк, а потому повернули назад, точнее – на восток. А при переправе через Волгу их – впервые неожиданно – подстерегли болгары-мусульмане и нанесли монголам поражение, причем снова же с большими людскими потерями.

Однако вскоре обнаружилось, что сей «блиц-визит» был только лишь началом, так что новый враг снова появился в Европе через 14 лет – разгромив сперва в Азии племенной союз тангутов (в 1227 году), а затем, в 1234 году покорив и центральный Китай, вместе с Пекином. Так что теперь уже монголы, укрепив тылы, выступили с гораздо большими силами во главе с внуком Чингисхана – ханом Батыем, и начали они с того места, на котором остановились ранее, а именно – из совершения мести булгарам. Кстати, тогда не только болгары, но и их соседи – буртасы да башкиры – выступили против монголов, потому все они были силой приведены к покорности, причем столица первых – город Булгар – был полностью разрушен в 1237 году. Касаясь численности монгольского войска в тот момент, то известны различные его оценки – от нескольких сот тысяч до 30 – 40 тысяч – по Л. Гумилеву. Думается, однако, что истина посредине, а если вдобавок учесть то известное обстоятельство, что монголы рекрутировали в свое войско часть покоренных ими кочевых народов, то у Батыя при походе на Русь было никак не менее 80 – 90 тысяч воинов.

Надо признать, что из поражения на Калке русские князья уроков не извлекли, так как не известны ни какие-либо серьезные попытки объединения сил против столь грозного врага, ни даже попытки изучить его тактику и силы. А ведь новый враг нашел способ преодолеть географический фактор, который приносил Северо-Восточной Руси защиту от степных хищников – реки и болота. Монголы-то в родных местах хорошо были знакомы как с тем, так и с другим, а также – и с сибирскими морозами! Поэтому они пошли на Русь именно зимой 1237 года, причем брали русские города и княжества последовательно – по одному, и ясно,

почему всюду одерживали победы – здесь проявила свою гибельную сущность удельная система «самостийных» княжеств. Потому она и скончалась вместе с монгольским игмом – хотя сами-то монголы потом всячески поддерживали такое устройство!

Сперва пала Рязань, затем подошла очередь Владимира, и более того – в последующей битве на речке Сити зимой 1238 года была полностью разгромлена рать князя Юрия Всеволодовича, оказавшегося полностью неадекватным сложившейся ситуации. – В отличие от простого рязанского боярина Евпатия Коловрата, проявившего собственную инициативу и мужество, дав такой бой монголам, что память о нем осталась на века! Затем героически сражались Коломна, Москва и Торжок, да и другие, но самый большой героизм проявил маленький Козельск, семь недель сопротивлявшийся ордынцам, однако «...никто из русских не пришел на помощь этому городу», как отметил Л. Гумилев ([3], с.151) – таково было моральное состояние русичей в столь решающий момент!

Тем не менее, эти очаги сопротивления так измотали монгольское войско, что оно полтора года «отходило» от сражений, уйдя в низовья Волги, и только зимой 1239 года нашествие возобновилось. Теперь Батый опустошал в основном Южную Русь, сперва взяв Чернигов, а в сентябре 1240 года и Киев – после месячной осады его. В результате чего от громадного города осталось не более 200 домов, а населения так практически и не осталось, что было засвидетельствовано папским послом Плано Карпини, проезжавшим через Киев несколько лет спустя. Далее, имеются летописные сведения и о том, что часть монгольского войска направилась на север по правому же берегу Днепра, но в районе Чернобыля попала в такие болота, где их конница не только увязла, но и стала тонуть в болотах! Поэтому Батый изменил направление и пошел на запад, на Волынь, куда имелись хорошие дороги.

А после разгрома Галицко-Волынского княжества (о чем будет идти речь позже) Батый разделил войско на две части – одна с Субудаем пошла на Польшу и Силезию, и в известной битве при Лигнице разгромила «бронированное» польско-немецкое войско (что имело очень важные для последующей истории последствия – для Руси). А довольно таки распространенная в Европе легенда о том, что чешское войско под предводительством Я. Штернберга якобы нанесло поражение монголам в Моравии, ничем не подтверждается – см. об этом в [4]. Другая же часть (с Батыем) продолжила

преследование половцев, которые ушли ранее в Венгрию – видимо, помня об общем с венграми кочевом прошлом – но ничего не выиграла при этом. Потому они ушли дальше, в основном на Балканы, и монголы в погоне за ними, под водительством Субудая, дошли до Адриатического моря, посеяв страх и ужас как в совсем близкой уже Италии, так и вообще во всей Западной Европе.

Однако, к счастью для последней, в 1242 году они резко повернули назад, что диктовалось борьбой за власть в Большой Орде после смерти хана Угэдэя – с одной стороны, а с другой – теми потерями, которые монголы понесли на Руси и опасениями появления там новых Евпатиев Коловратов! Действительно – ведь главный удар пришелся именно на Русь, после чего наступательный порыв монголов исчерпался, так что до Европы по сути докатилось лишь эхо в форме разрозненных несистематических ударов. Это мнение поддерживается также и известной точкой зрения А. С. Пушкина, выражаемой им неоднократно. Так, в 1834 году он писал: «Долго Россия была совершенно отделена от судеб Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов, остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной, издыхающей Россией, а не Польшей, как еще совсем недавно утверждали европейские журналы». Да и позже, в конце 1836 года, Александр Сергеевич по сути подтвердил свое мнение в письме к П. Чаадаеву, известному западнику: «*Это Россия, это ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие. Татары не осмелились пересечь наши западные границы и оставить нас в тылу... Таким образом, нашим мученичеством энергическое развитие католической Европы было спасено от всяческих препятствий*».

Но для наших предков нашествие монголов показалось чем-то вроде Апокалипсиса – конца времен, как свидетельствуют материалы, приведенные в [4]. Тем более, что этому имело и убедительное материальное подтверждение – из 74 известных городов на Руси монголы разорили 49, притом настолько основательно, что 14 из них так и не были восстановлены, а 15 из них превратились в небольшие селения... Причем в первые 50 лет после нашествия на Руси не было построено ни одного города, а каменное строительство возобновилось здесь лишь к середине XIV века!

Да и Батый-то со своим войском вовсе не ушел в далекую Монголию, но остановился на нижней Волге, со ставкой в городе

Сарай, и таким вот образом из прежнего улуса Джучи-хана (отца Батгя) образовалась в 1243 году Золотая Орда. Именно ее близость к Руси побуждала к предельной осторожности тех русских князей, которые еще остались на своих местах, и выдающуюся роль тут сыграл Александр Ярославич, будущий Невский, о котором речь еще будет впереди.

Но закончим эту тему, снова процитировав слова Л. Гумилева: «Грандиозный поход Батгя в 1237–1242 гг. ... был всего лишь большой набег, а не планомерное завоевание, для которого у всей Монгольской империи не хватило бы людей» ([8], с. 413). Правда, затем Гумилев приходит к довольно таки спорным выводам, с которыми вряд ли можно соглашаться, тем более что имеется и другое мнение, принадлежащее А. Ефименко в данной связи: «в Южной Руси... было не то опустошение, какое постигло Русь Северную. Татары, спеша на Запад, шли по Южной Руси сплошным потоком, не оцепляя окрестную страну своими загонами и, следовательно, оставляя территорию без того общего, повсеместного опустошения, какому подверглась Северная Русь» ([6], с. 82), которое явно есть более убедительным. Тем более что отмеченное ею обстоятельство как раз и способствовало тому, что первые попытки оправиться от поражения наблюдались именно в Южной Руси, как мы сейчас увидим.

I. 4. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

«Отчуждение (Запада и Руси – Н. К.) началось в XIII веке после того, как Россия попала под татарскую власть; владычество татар над Россией было, однако, временным, потому что татары были степные кочевники, которые никак не могли себя чувствовать дома среди русских полей и лесов.

Длительные потери России, как результат этого временного завоевания ее татарами, вызваны отнюдь не татарскими завоеваниями, а ее западными соседями. Потому что это они воспользовались выгодой, когда Россия лежала распростертой в бессилии, чтобы урезать ее владения и присоединить к Западу западные окраины ее в лице Белоруссии и западной части Украины»

А. Тойнби

Нам представилось поучительным начать этот параграф высказыванием выдающегося британского(!) историка, причем сделанным им через сто лет после критических слов Н. В. Гоголя о возможности «спасения России в европейской цивилизации» (см. эпиграф к первому очерку). Но нашими нынешними историками как-то не отмечается то обстоятельство, что однажды Русь – по крайней мере, Южная Русь – уже попыталась найти такое «спасение» там, и получила из этого опыта исторический урок.

А нам-то уж никак не следует забывать о нем – хотя бы в силу приведенного выше напоминания А. Тойнби (которое взято из его книги «Мир и Запад»; см. также [9]). По-видимому, дело в том, что он смотрел на Русь не изолированно, а по сути как на часть общей картины взаимодействий различных суперсистем, проходящих на нашей территории, и тем более будет естественным и нам поступить так же ...

Касательно положения, сложившегося в Южной Руси после Батгьева погрома, то конечно, в 1240 году татаро-монголы попросту смели не только Киев, не только все более-менее заметные

города и поселения в степной и лесостепной части ее, но и все элементы государственности. Это понятно по той простой причине, что они ведь «очистили» территорию и от населения, да так основательно, что несколько десятилетий там царило запустение, о чем свидетельствовал не только упоминавшийся уже П. Карпини, но и другие путешественники – как с запада, так и с востока! Это знали и монголы – не зря ведь они, уходя в свои степи, оставили в Причерноморье лишь один туман, да и его темник Куремса вовсе не принадлежал к военной «элите» монголов, надо сказать; это знали и соседи. Впрочем, они знали все от тех, кому удалось уцелеть и убежать от монголов.

Касательно же последствий сего погрома, то А. Ефименко констатирует: *«Нашествие варваров со всеми своими ужасами и последствиями скрывает от нас на некоторое время историческую сцену, особенно в той ее части, на которой шла до тех пор самая интенсивная жизнь, – в Руси Приднепровской. Когда туман, облекавший собою более или менее всю Русскую землю, совершенно рассеивается, мы усматриваем на нашей территории два больших разветвления русской народности, как бы поглотившие собою прежние племенные особенности, народности южнорусскую и севернорусскую»* ([6], с. 88).

Такой «романический» прием с введением «тумана» позволяет Александре Яковлевне как бы обойти существеннейшие вопросы, вроде следующих: **когда** „рассеивается туман“, упомянутый ею? И что происходило под покровом этого тумана неведения? По нашему же убеждению, говорить о двух народностях имеет смысл, только дав ответ на эти, и подобные им вопросы. А до того, нам представляется, правильнее было бы говорить об истории Руси Северо-Восточной, и таковой Руси Юго-Западной, но в общем-то все еще пока о *русичах*, или *россах*, поскольку вопрос с народностями не так прост!

Впрочем, и сама Александра Яковлевна неявно предложила некий ответ на эти вопросы, заметив, что вряд ли корректно говорить о каком-либо полном исходе населения из территорий, принадлежащих или примыкающих к Киевскому княжеству, то ли на запад, то ли на север. А то обстоятельство, что в летописях до конца XIII века вовсе нет упоминаний об этой территории, она объясняла существованием *«самоуправляющихся городских общин, без князей и верхнего сословия, которое действительно могло быть уничтожено нашествием, скромно продолжавших*

свое незаметное существование под татарским покровительством, не проявляя себя никакими делами, интересными для летописца...» (там же, с. 89).

Однако таковые могли существовать в реальности разве что в природных условиях лесистого да болотистого Полесья, которые и сами по себе способствовали изоляции. Впрочем, именно это и подтверждается другим наблюдением нашей исследовательницы: *«еще до нашествия татар города по Тетереву и Горыни (так что снова встречаемся с древлянами? – Н. К.), пользуясь ослаблением власти великого князя киевского, выделились из состава княжеских земель и сложились в союзы автономных общин»* (там же, с. 89). Но ведь эти обстоятельства, по нашему мнению, скорее проявляют опять-таки некий шаг назад, к еще не забытому, да не столь и давнему прошлому... Потому понятно, что в этой земле *«историческая жизнь снова начинается для них только тогда, когда ход событий опять затягивает их в государственную жизнь»* (там же, с. 89), а это случилось не так скоро.

Впрочем, еще двадцатью пятью годами ранее ее предшественник и учитель В. Антонович нарисовал несколько более взвешенную, на наш взгляд, картину. Так, хотя он и заявлял, что *«обще-принятое мнение о запустении ее (Южной Руси – Н. К.) в это время есть не более чем исторический мираж»* ([10], с. 535), но несколько ниже совершенно определенно утверждает: *«...мы должны признать несомненный политический упадок Киевской области. Упадок этот был результатом событий, предшествующих монгольскому нашествию»* (там же, с. 538).

Замечание III.4. В любом случае надо признать, что под «покровом тумана» на Южной Руси произошли такие существенные изменения в характере собственности, в частности, и на землю. После падения княжеских династий под ударами орд Батые те представители господствующего класса (иногда и удельные князья), которым ранее владение «давалось в пользование» волей князя, получили де-факто его в полную собственность, в т. ч. числе с правом передачи в наследство и взимания натуральной ренты с крестьян на этой земле. Таким образом, когда «туман стал рассеиваться» в XIV веке, уже реализовалась тенденция преращения их в бояр-вотчинников, которая наметилась еще в XII веке, а отсутствие централизованной власти способствовало ее закреплению как «старинных» и «давних» прав, по форме действительно близким к древнерусским таковым. Вот это-то и следует

иметь в виду в дальнейшем изложении, включая и ту целую историческую картину, нарисованную Антоновичем, которую мы считаем уместным привести тут, с самого начала: *«В этом состоянии политического бессилия Киевская область прожила XIII-е и большую половину XIV-го столетия. Она не только потеряла значение первенствующего, старшего княжения, но, среди раздробившихся русских областей, занимала место второстепенное, незаметное. Но в XIV столетии в судьбе Руси случился новый исторический поворот, начертанный и для Киева новую политическую роль на новом поприще. В это время разъединенные, ослабевшие русские земли начинают вновь объединяться в более крупные и прочно связанные политические организмы. Стремление это происходит одновременно на двух окраинах русского мира: между тем как в Северо-Восточной Руси, благодаря настойчивой и предусмотрительной политике владимирских и московских великих князей, возникает новое, сильное Русское государство, Юго-Западные русские земли находят точку опоры в Великом княжестве Литовском»* ([10], с. 539).

В. Антонович написал это в 1882 году и, как видим, он не считал нужным даже и упоминать тот «промежуточный вариант», которому уделила столь значительное внимание А. Ефименко четверть века лет спустя! А именно – она подчеркнула особо, что *«после нашествия монголов историческая жизнь Южной Руси сосредоточилась в Волыно-Галицкой земле»* ([6], с. 82 – 83). И давайте будем объективными – действительно, как раз там-то и проявилась **самая первая** попытка продолжить имевшиеся ранее традиции государственности. Поэтому давайте присмотримся к истории этой земли попристальнее.

Замечание III.5. Ради полноты стоит отметить также, что ныне среди наших историков и этнографов довольно таки распространенной есть та точка зрения, что исконным населением Карпат и Прикарпатья (из числа имеющих историческую идентификацию) на рубеже новой эры были племена карпов гето-дакийской группы племен. При этом южную часть этой группы племен подчинили римляне, от которых позже произошли румыны да молдаване, тогда как северная часть оставалась независимой до прихода туда славянских племен хорватов и волынян, которые и ассимилировали постепенно племена карпов. Но тем не менее и до сих пор галичане явно отличаются во многом от украинцев, а уж тем более – от малороссов, причем не только много большим уровнем

полонизации, но и своими обычаями, особенно у гуцулов – горцев Карпат, очевидно восходящими к весьма давним временам.

Однако после того как в конце X века там утвердился Владимир Красно Солнышко, эта Галицко-Волынская земля была известна уже под названием «Червенские грады» (или же «Червонная Русь»). В нее входили как Галицкая земля с ее главными городами Перемышлем, Галичем, Звенигородом, Требовлем и пр., так и Волынь – с городами Владимир (Волынский), Луцк, Брест, Дорогочин и др. Причем впоследствии Ярослав (Мудрый) выделил Галицию уже в особый удел, куда определил князем своего внука Ростислава Владимировича, хотя только на известном съезде князей в Любече в 1097 году она была признана «вотчиной» для потомков Ростислава, из которых стоит упомянуть двух князей – Владимира I (более известного как Владимирко – достаточно неприятной личности, если верить летописным источникам) да его сына Ярослава, известного как Осмомысл (см. о нем в [3]), правивших там с 1125 по 1187 годы.

Отметим, что довольно скоро эта земля фактически опять обособилась от Киевской, о чем упоминается и в выдающемся литературно-историческом памятнике «Слово о полку Игореве» (см. [11]), поскольку сильно укрепилась экономически, и в первую очередь – из-за смещения торгового пути по Днепру на таковой по Днестру. Поэтому она и стала притягивать к себе в те времена переселенцев из Поднепровья, вынужденных уходить отсюда как по причине учащавшихся половецких набегов, так и из-за княжеских междоусобиц. И здесь опять же сыграл роль географический фактор – это княжество отличалось обилием лесов и гор, недоступных простым кочевникам (но только не монголам, как мы уже знаем!). Причем характерной особенностью сей Галицкой Руси был громадный вес боярства в политической жизни ее, хотя упомянутые выше князья и умели ввести его в определенные рамки.

Стоит подчеркнуть также, что эта вроде бы отдаленная земля тем не менее сохраняла тогда тесные политические связи с другим отдаленным, но постепенно возвышавшимся центром Северо-Восточной Руси – Владимиро-Суздальским княжеством (см. выше) – к примеру, Ярослав Осмомысл был женат на дочери Юрия Долгорукого. Однако в 1198 году династическая ветвь Ростиславичей прервалась со смертью князя Владимира II, так что теперь уже один из волынских князей – Роман Мстиславич – сумел занять Галицкий престол и объединить затем земли в Галицко-Волынское княжество, хотя и достаточно условно.

Потому не случайно после его смерти в 1206 году там началась «замятня» (очень активное участие в которой приняли западные соседи – Польша и Венгрия), которую прекратил только новгородский князь Мстислав, занявший Галицкий престол в 1221 году, а еще до того выдавший свою дочь за Даниила Романовича. И естественно, что после смерти Мстислава в 1228 году именно Даниил занимает престол. Кстати, стоит отметить, что он еще юношей оказался участником первого боестолкновения с татаро-монголами на Калке (в 1223 году, откуда сумел вовремя убежать), а потому очень хорошо осознавал степень новой опасности.

Видимо поэтому Даниил употреблял большие усилия для укрепления своего княжества и расширения его – так, перед татаро-монгольским нашествием он занял Киев, а потом и контролировал его (хотя сам и не сидел на киевском престоле). Но в сам же момент нашествия, в конце 1240 – начале 1241 года, Даниил предусмотрительно находился в Венгрии, пытаясь найти союзников на западе для борьбы с новым врагом, однако безуспешно. Батый же прошел по Галицко-Волынской земле, как и везде – сметая все на пути, в том числе разорив дотла Галич – столицу княжества, так потом и не оправившийся от этого.

Князь Даниил затем последовал примеру многих других князей и подчинился Батыею, получив от него ярлык на правление в собственном княжестве. При этом стоит отметить, что татаро-монгольское нашествие помогло ему в чем-то даже укрепить свою власть, до тех пор постоянно расшатываемую крупным боярством (имеющим к тому же свои собственные внешние связи, которые как раз и были обрезаны нашествием). Как выяснилось впоследствии, этот князь и поднял Галицко-Владимирскую Русь (так изменилось к данному моменту ее название) на максимальную историческую высоту, достигнутую ею когда-либо. Он даже попытался построить независимое от монголов государство, и с этой целью заключил в 1246 году соглашение с Папой Римским о принятии католицизма (это была так называемая Данилова уния), а затем сумел в 1253 году даже получить титул *короля* от него! И понятно, почему – папе хотелось иметь хоть какой-то «буфер» между Западной Европой и Ордой, с одной стороны, а с другой – очень уж желательно было, чтобы таковой был именно католическим! Даниил также перенес затем столицу княжества в Холм – подальше от татар.

Однако все это было лишь желанием, да следствием скорее его умелой политики ловкого лавирования, поскольку реальной

силы, военной или экономической, для борьбы с Ордой у этого княжества так никогда и не было, что обнаружилось очень скоро. – Как только он попытался освободить от татарских гарнизонов Новгород-Волынский и Киев, так пришли татары в 1259 году с темником Бурундаем, и «навели порядок», заставив Даниила срыть все укрепленные им города, да вдобавок еще и наложили на него большую контрибуцию.

Убедившись на личном опыте в коварстве и папы Римского, и западных союзников вообще, Даниил отказывается как от королевской короны, так и от католицизма, а затем разрывает связи с Западом (вот так и закончилась *первая попытка введения унии* – еще до Лионской таковой, заметим)! Но вскоре – в 1264 году он умирает, пережив лишь на год своего двоюродного брата Александра Невского. Во время его правления, несмотря на все перипетии, Галицко-Волынская земля действительно могла еще привлечь к себе русичей из Приднепровья, да и привлекала, но увы, ненадолго! Кстати, уже сын Даниила – Лев (1264 – 1301), снова перенес столицу Галицкой земли, теперь уже восточнее – на сей раз в основанный Даниилом город Львов. А в политике же своей он еще изощреннее лавирует между монголами и Западом, пытаясь сохранить равновесие. Ту же линию продолжил и сын его Юрий I (1301–1308), но вот его сыновья так уже попытались отмежеваться от татаро-монголов, и в результате оба погибли от них в 1323 году.

А после них, в том же XIV же веке, эта земля попадает в поле геостратегических интересов как Польши и Литовского княжества (о которых будет идти речь ниже), так и Венгрии, которая сумела так «отхватить» себе Закарпатскую Русь (кстати, в Венгрии с начала XI века за славянским племенем, жившим там, закрепилось имя *русины* (или *ruteni*), потомки которых живут там и поныне!). Что же касается Галицко-Владимирской земли, то после смерти в 1340 году последнего князя – Юрия II (который на самом деле уже был поляком по имени Болеслав, но поменял имя, сев на престол), став вроде бы первым в истории правителем, назвавшим себя князем **Малой Руси** – единственное заметное его деяние, хотя эта Русь действительно была уж очень малой; впрочем, она уже к 1349 году была полностью поглощена Польшей. И подчеркнем, что находилась она в ее составе до 1773 года, когда именно Галицкая земля после раздела Польши была присоединена к Австро-Венгерской империи – почти на полтора века. А из нашей же общерусской истории (и цивилизации!) она исчезла на семь веков – аж до 1939 года!

Замечание III.6. В этой связи стоит остановиться на замечании А. Ефименко (особо подчеркну – сделанном ею сто лет назад!) по поводу ситуации, сложившейся после смерти Юрия II: «Началась долгая борьба Польши с Литвою, которая закончилась дележом русского наследства между этими соседями, – дележом, повлекшим за собою такие важные и длительные последствия, результат которых еще не исчерпан историей» ([6], с. 87). И если лет двадцать назад мы вряд ли обратили бы внимание на это замечание, то ныне оно снова приобретает весьма нетривиальный смысл – поскольку прежняя Галицкая земля, как оказалось, гораздо глубже инкорпорировалась в западную цивилизацию, чем это представлялось в объединительной эйфории 1939 года, и об этом будет идти речь в конце книги.

Итак, здесь наш вывод таков: история не дала Галицко-Волынской земле возможности продолжить традиции русской государственности – для этого требовалось их развить к новому укладу. Но для этого там не было ни времени, ни сил, да возможно, еще и потому, что не было тут исконных русских корней, что делало бы эту землю центром притяжения для россос – см. Замечание III.5.

III. 5. ПОЯВЛЕНИЕ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ АРЕНЕ КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

«В то время, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малоруссия нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству»

Ф. Энгельс

Интересно, что примерно в то же время, когда Энгельс писал эти строки (в [12]), дающие краткую, но достаточно точную картину произошедшего, южнорусский историк В. Антонович, которого мы не раз упоминали выше, писал докторскую диссертацию по истории Великого княжества Литовского, первая глава которой начиналась словами: «Первая попытка к образованию Литовского государства и, вместе с тем, первое появление литовцев на русской территории случились в половине XIII столетия; попытка эта увенчалась успехом только в начале XIV, обобщив под властью князей из литовского рода почти всю западную половину русской земли» ([10], с. 624). Диссертация эта была защищена им в Киевском университете в 1878 году (а текст ее был опубликован перед тем в «Университетских известиях»; см. в [10]), где доказывалось большее, чем утверждал Энгельс, а именно – что в действительности история еще в 30-х годах XIII века выдвинула на роль восстановителя государственности более реального кандидата, а именно – *Великое княжество Литовское*. И по-видимому этот историк XIX века (интересно, что его мать была полькой из шляхетского рода, а отец – венгерским революционером!) был первым исследователем, кто предложил серьезно рассмотреть эту альтернативу, а затем и попытался обосновать ее.

Давайте начнем рассмотрение этой темы (одной из главных в данном очерке), следуя линии его рассуждений, из вопроса о происхождении из литовских племен, и прежде всего – об их ме-

стоположении. Антонович пишет, что на рубеже первого и второго тысячелетий *«история застала литовское племя расселенным на Балтийском поморьи, между устьями Вислы и Западной Двины. Вглубь материка литовцы врезаются клином между славян, занимая нижнюю половину бассейна Западной Двины, по обоим сторонам этой реки, почти весь бассейн Немана и достигая крайними западными поселениями до низовьев Вислы и южными – до среднего течения Западного Буга. За исключением небольшого пространства у устьев Западной Двины, где литовцы соприкасаются с финским племенем – ливами, на всем остальном протяжении своих границ литовское племя было сопредельно со славянами: на юго-восточной границе – с русскими племенами: кривичами и дреговичами, на юго-западном – с польскими: мазовшианами и поморянами»* ([10], с. 624 – 625)

А из этого историк делает вполне логичный вывод, что *«такое географическое положение должно было поставить судьбу литовцев в зависимость от исторической судьбы славян и вести их, раньше или позже, в славянский мир»* (там же, с. 625). Так оно и случилось, только вот роли исторических акторов со временем не раз радикально менялись. Далее Антонович выделяет «народности, на которые распадалось тогда литовское племя», из которых выделяет два главных – жмудь и литву, которые находились в центре расположения племен – по бассейну Немана и его притоков Вилии, Дубисе и Невяжа, поскольку именно эти два племени *«призваны были течением исторических событий стать во главе борьбы... и им собственно принадлежала инициатива в составлении Литовского государства»* ([10], с. 625).

Однако тогда литовские племена существовали лишь как «этнические единицы», находясь на этапе родоплеменного строя, хотя он уже начал и разлагаться, в том числе и под внешним влиянием. Эти особенности, как и географическое расселение этих племен – в лесах и болотах, не пробуждали сколь либо заметного интереса у соседей-славян. В частности, во времена Киевской Руси известны несколько походов киевских князей на ятвягов и литву; первым из таковых был поход Владимира Святославича в 986 году, а последним – поход Мстислава, сына Владимира Мономаха, в 1132 году. Но результатов от них практических не было – дело в том, что *«городов у них нет; они подобно диким зверям, незнакомы с городскими стенами»*, как отмечал польский летописец даже в самом конце XII века, так что нечем было овладеть,

да и нечего было грабить! Не было у литовцев государства, а значит – и разделения на классы, как мы уже знаем, так что даже до половины XIII века, когда в летописях уже встречаются упоминания о литовских вождях, то многочисленность последних и отсутствие иерархии среди них свидетельствуют об отсутствии центральной власти. Правда, русские сами стали ставить там города – так, Ярослав (Мудрый) основал город Юрьев (впоследствии Дерпт, а потом – Тарту); были и другие, к примеру – Кольвань (затем Таллин), но все равно заметного проку от этого не было.

Так что на базе многих летописных данных и Антонович вполне обоснованно утверждал, что *«до половины XIII столетия литовское племя не составляло государства... Народы литовского племени объединялись только общностью этнографической и культурной: тождество происхождения, языка, быта составляли между различными народами литовского племени связь этнографическую; тождество преданий и религиозного культа служило связью нравственной, культурной»* ([10], с. 633), несмотря на то, что литовцы были язычниками. Рассуждая последовательно и дальше, историк подчеркивает: *«пока единственными соседями литовцев были славяне – русские и поляки, взаимные отношения обоих племен не принимали характера истребительной вражды...»* (там же, с. 633), хотя это вовсе не исключало набегов одних на других с целью грабежа или наложения дани. Но вот о подчинении или захвате территории речи не было до поры, до времени, ибо крупные набеги литовцев на русские земли известны с 1245 года, когда они напали на Торжок и Торопец (из новгородских земель), пограбив их. Правда, затем подоспел из Новгорода Александр Невский с войском и сильно потрепал их, отбив на некоторое время охоту к нападениям. Но и позднее, к примеру, в 1285 году литовский князь Довмонт совершил набег на тверскую волость Олешки, хотя в результате этого сам оказался в плену.

Однако, подчеркнул Антонович, *«обстановка резко переменилась с концом XII и началом XIII столетия, когда на границах литовской территории появился новый грозный сосед; почти в одно время на двух противоположных окраинах земли литовской поселились немцы, немедленно заявившие завоевательную тенденцию и устремившиеся на разрозненные литовские племена с неудержимой энергией»* (там же, с. 634).

Объясним теперь, что это были не просто «немцы», но католические рыцарские ордена – Тевтонский и Меченосцев, появив-

шиеся там буквально со второго года XIII века, да и действовали они не сами по себе, а представляя ту самую «западную цивилизацию» 2-го поколения, о которой шла речь в предыдущем очерке... Последний из орденов сделал своим центром окрестности Риги, т. е. устье реки Даугавы, и северную границу литовских территорий, быстро завоевав прибалтийские племена ливов, куршей, латов и эстов (исчезнувшие затем со страниц истории), и по этой причине его стали именовать просто Ливонским. На западной же границе, в Южной Прибалтике, к востоку от устья Вислы, где обитали племена пруссов, с 1230 года обосновался другой орден – Тевтонский, закабаливший для начала эти «туземные» племена. Хотя сперва между орденами и имелись разногласия, но имелось и общее, а именно – то, что экспансия на Восток изначально имела вид *крестового похода* против «неверных» – с целью установить независимое государство Ордена по образу и подобию того, которое им не удалось сохранить в Палестине.

Замечание III.7. Нам представилось уместным привести тут исключительно меткую характеристику этих рыцарей, данную Антоновичем: «Выставляя религиозную ревность к обращению язычников главной побудительной причиной своего натиска на Литву, германские рыцарские ордена пользовались сочувствием и материальной поддержкой всего католического мира; предлагая широкое поле для рыцарских подвигов, они указывали легкий и удобный способ удовлетворения отживавшим уже рыцарским увлечениям западноевропейских палладинов; вместо отдаленного, дорогого и трудного похода в Палестину, для рыцарей открывалось новое поле действия, столько же освященное религиозными мотивами, но более близкое и безопасное; вместо тяжелых переходов по знойным пустыням Сирии, вместо серьезной и опасной борьбы с воинственными и многочисленными полчищами турок и монголов, рыцари получали возможность с равной славой побывать в стране более близкой, порубежной с отечеством многих из них; им предстояли переходы по тенистым лесам берегов Немана; вместо опасных битв им приходилось истреблять огнем литовские села и мечом – почти безоружные, разрозненные и не представлявшие для закованных в железо рыцарей опасного сопротивления скопища литовской деревенщины; и, тем не менее, они пользовались в западном обществе славой военных подвигов, посвященных на служение церкви. С целью приобрести эту громкую и дешевую славу, показать рыцарскую удаль, не подвергаясь

очевидной опасности, толпы рыцарей являлись в начале каждой весны на подмогу немецким крестоносцам и раздвигали шаг за шагом границы их владений» (там же, с. 634). Это те страницы европейской истории, которые нынешние поборники «прав человека» стараются не открывать и даже не упоминать, причем и в той же нынешней Литве, называя все это благозвучно «политкорректностью»!

Но не только рыцарские ордена, а и сам Папа Римский официально призвал в 1236 году к крестовому походу против язычников, на сей раз – литовцев (а неофициально – и против Руси). Вот на этой-то основе ордена и объединили усилия в 1237 году, поэтому ниже будем говорить иногда просто «Орден».

Отвлечемся несколько в сторону от темы, но оставаясь еще весьма близко к ней во времени, и в пространстве, и дело тут в следующих обстоятельствах: Случайно или нет но, как мы уже знаем, именно *в том же году* Орда под водительством Батыея обрушилась на Северо-Восточную Русь, которой пришлось принять смертельный бой с доколе неизвестным, а потому вдвойне опасным врагом. Немецкие «псы-рыцари», естественно, сочли этот момент удобным для нападения на Русь с запада, по-видимому, с тем расчетом, что тыла-то у русичей не стало, так что экспансия станет делом нетрудным – как в литовских землях (см. *Замечание III.7* выше). Тем более, что к тому моменту у них обнаружился и ценный союзник – шведы, потомки варягов-викингов, которые только что завоевали Финляндию (точнее – племена на территории нынешней Финляндии), и точили зубы уже на русские земли.

Замечание III.8. Следует отметить, что по существу в таком же ракурсе видел этот период уже Н. И. Костомаров, который так характеризовал то время – будучи одним из тех, кто выделял роль Александра Невского в ряду стратегических гениев Руси, как следующего, по нашему убеждению, за Святославом Великим: «XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы. С северо-запада угрожало немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущее времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости был князь Александр Невский» ([13], с. 153), см. также и [14].

И беда для упомянутых «союзничков» – Ордена и шведов-неоварягов оказалась в том обстоятельстве, что не учли они одной вроде бы «мелочи»: на ту пору новгородцы призвали к себе княжить не кого иного, но (еще молодого) Александра Ярославича, сына суздальского князя, который сразу же стал *Невским*, разгромив в кратком бою на берегах Невы шведский десант, направившийся на захват Новгорода.

Таким вот образом шведы сразу были «выведены из игры», но ведь оставались еще немецкие «псы-рыцари», которые и начали генеральное наступление на Русь сразу после монгольского погрома, так что сумели к началу 1242 года захватить крупный русский город Псков, а также небольшие Ям и Копорье. Однако тут новгородцы снова призвали Александра Невского с дружиной, и они с отрядом новгородцев и псковичей уже зимой 1242 года выбили немцев из Пскова, а затем в апреле на Чудском озере разгромили и ударные силы Ордена, дав им урок и «новой Палестины», и нового «Саладина»! Надо сказать, что во всех упомянутых сражениях войска Александра несли довольно-таки незначительные потери, а ведь противостояли они тогдашним «бронетанковым войскам» – имея в виду бронированных конных рыцарей!

А уже после всего этого, обнаружив также и стратегический полководческий талант (снова-таки как у Святослава Великого – вот только время было тогда не очень-то подходящее для полной реализации потенциала таких личностей!), он установил и умело использовал союз с татарами, тем более что с 1252 года и до своей кончины Александр был князем всея Руси и великим князем Владимирским, так что мог быстро получить военную поддержку от хана. А монголов-то европейские рыцари панически боялись – они не могли, видимо, забыть разгром под Лигнице! Так что в конце концов и получился нужный для Руси результат – тогдашний *Drang nach Osten* был практически остановлен. А затем у рыцарей появилась еще одна проблема – открылся «литовский фронт»...

Замечание III.9. Тут самое время и место сравнить двух современников – Даниила Галицкого и Александра Невского, каждый из которых безусловно был Личностью (притом оба были настроены так или иначе на сохранение и возрождение Руси), как и их исторические роли. Однако выбор конкретного пути к цели для каждого был различным, а точнее говоря – эти пути были прямо противоположными. Тогда как первый из них «выбрал Запад, и с его помощью пытался бороться с Востоком», по выражению одного

из основоположников евразийства в начале XX века (и мы уже видели выше, к чему это привело), то второй «выбрал Восток и под его защитой решил отбиваться от Запада». Но вот именно второй путь, хотя и оказавшийся невероятно сложным и запутанным, все же – через упорнейшую работу Ивана I Калиты, через стратегический гений третьего человека в упомянутом выше ряду – Дмитрия Донского (праправнука Александра Невского), и таковой же Ивана III с его знаменитым «стоянием на Угре» (см. ниже), ко времени Ивана IV Грозного привел-таки к становлению 2-ЦЭСС-системы (как «русской православной цивилизации» 2-го поколения). Причем последний же первым выступил с предложением *о канонизации* Александра Невского (на Соборе в 1547 году), осознавая наверняка выдающуюся роль его в нашей истории. Примечательно и то, что следующим в ряду властителей, осознававших роль А. Невского, оказался не кто иной, как Петр Великий – именно он решил торжественно перезахоронить останки Александра Невского в Санкт-Петербурге, уже столице Российской империи, и более того – ввел ежегодное празднование его памяти 30 августа!

Но нам-то, потомкам, также не следует забывать и об отношении современников к А. Невскому: даже он, оказавший Новгородской земле (как и всей Руси!) «огромные услуги: сражался на Неве, на Чудском озере, усмирял воевавшие против Новгорода племена водь – и за это... отстранялся от руководства при помощи “демократической” процедуры – вечевого голосования», как отмечал Л. Гумилев (в [3], с. 160), что говорит об уровне пассионарности тогдашних русичей. С другой стороны, судьбу его с полным основанием нужно рассматривать как трагическую – он провидел будущее, как Кассандра, но далеко не всегда мог повлиять на него, даже через братьев или детей, и тем более – прочих современников... Но тем не менее, сделанное им продолжало жить даже после его преждевременной (по сути жертвенной!) смерти, и вот в каком плане: После его побед Орден изменил само *направление экспансии* на юго-восточное, на порабощение литовских племен! Таким образом, в результате деятельности А. Невского Русь не только избежала перманентной войны на два фронта, но и получила историческую передышку, да что там передышку – возможность выжить! И думается мне, что не случайно то, что впоследствии внук Александра – Иван Данилович (Калита) продолжил его дело именно в очерченных дедом направлениях. (Отметим, что все это было «не замечено» авторами 10-го очерка в книге [4] – они занялись лишь поиском «грязного белья»...).

Литовцы же в результате описанных выше событий получили передышку и, пока племена пруссов, ятвягов и пр. отражали натиск рыцарей, «успели создать более прочный государственный строй, и потому встретили борьбу с более стройными силами», как выразился В. Антонович в [10] (с. 635). А мы бы эту ситуацию выразили следующим образом – литовцы имели потом прямо перед глазами два примера: один удачный – Александра Невского, и другой – катастрофический, когда от соседних с ними племен пруссов осталось уже только название их земли (Пруссия)! Да понятно было уже и то, что остальные прибалтийские племена также ожидают весьма незавидная историческая участь... Несколько иначе подобную мысль можно представить так: само появление Литовского княжества в тех условиях явилось ответом на «внешние вызовы», используя терминологию А. Тойнби [9], впрочем, о подобных «стимулах» говорил уже и Н. Данилевский в [2]. Причем у литовцев на тот момент оказалось достаточно много пассионарных личностей (используя терминологию Гумилева из [3, 8]), в т. ч. и среди вождей, так что они естественно выбрали *сопротивление*, вдохновляясь именно первым примером.

Затем продолжим мысль Антоновича, приведенную выше: новые «стройные силы литовцы приобрели вследствие новых отношений, в какие они стали к Руси в течение XIII века» (там же). Далее историк описывает подробнее то «постепенное втягивание» литовцев во внутренние дела некоторых русских земель, в частности – упоминавшейся выше Полоцкой земли, в результате чего в 30-х годах XIII века образовался некий союз литовских племен, который возглавил Миндовг (или Миндаугас), объединивший затем территории Восточной Литвы и Черной Руси (вокруг города Гродно, т. е. бывшую Новгородскую землю кривичей). Правда, ныне же официальной датой основания Литовского государства Миндовгом там считают 1240 год, а причиной этого послужила «необходимость обороны своих земель от крестоносцев» (см. официальное литовское издание [15], с. 76).

Миндовг тоже попытался было идти путем Даниила Галицкого, практически параллельно с ним (и наверняка это тоже было не случайно, так как известно, что Шварн – сын Даниила, был женат на дочери Миндовга). Он тоже принял католичество в 1251 году – ранее Миндовг был язычником – и затем получил королевскую корону от папы Римского в 1253 году, причем за это ему пришлось отдать Ордену важную часть своей территории – Жемайтию, или

Жмудь ([15]). Об этой стороне его деятельности много интересного пишет Антонович, к книге [10] которого мы и отсылаем. Однако заметим, что местные племена (жмудь) не смирились с ролью этакого «подарка», а стали бороться с рыцарями самостоятельно, причем и побеждали их – к примеру, в битве при Бурбе в 1260 году!

Замечание III.10. И точно как Даниил Галицкий, так и Миндовг тоже не получил какой-либо реальной помощи от Запада, почему вскоре отказался от католичества (тем более, что его не хотел принимать народ!), вместе с королевской короной, повернув на иной путь. Дело в том, малоизвестном у нас, к большому сожалению, факте, что два выдающихся современника – Великий князь Александр Невский и Великий князь Литвы Миндовг уже в 1262 году заключили союз для борьбы с Ливонским орденом! Причем даже наметились совместные боевые действия, в которых не смог принять участия Александр Невский – из-за того, что его вызвали в Орду, откуда он приехал отравленным – чтобы умереть 14 ноября 1263 года в Городце под Нижним Новгородом. А Миндовг был убит – в результате заговора в том же году, оставшись в истории «первым и последним королем Литвы» (из [15]). Притом после его смерти в Литве наступила продолжительная «замятня», – в результате всего этого и был упущен *первый из возможных поворотных моментов не только в судьбах двух народов, но и нашей цивилизации...*

Впрочем, созданное Миндовгом Литовское княжество все-таки не погибло, а после перипетий, связанных с борьбой «литовской» и «русской» партий в нем, во главе государства в 1265 году становится старший сын Миндовга Войшелк (ранее не только принявший православие, но и удалявшийся в монастырь). Вот он-то как раз и проводил последовательно политику, давшую основание литовским летописцам говорить о Русско-Литовском княжестве, а под конец чуть не ввел Литву в состав Галицкого княжества, завещав корону своему шурина Шварну Даниловичу. Войшелк правил около двух лет, а в 1267 году был убит Львом Даниловичем – братом Шварна, который умер несколько раньше, так что раздоры в Галицком княжеском семействе загубили в результате и одно, и другое княжество, а тем самым и все дело. После чего в Литве взяла верх противная партия и снова на два десятка лет пришел раздрай, в результате которого Орден снова занял те позиции в Литве, которые утерял при Миндовге...

Однако в 1280-х годах ко власти пришел князь Витень, снова же представлявший интересы «русской партии», и опиравшийся на русские княжества в борьбе с рыцарями, да и с Польшей тоже. При этом привлекались не только русские полки, но и полководцы-воеводы, из которых летописи отмечают старосту гродненского Давида, бывшего соратником (и наставником) также и наследника Витеня, князя Гедимины. Этот выдающийся деятель Литвы великий князь (1316–1341) Гедимин, или Гедиминас, сумел затем не только объединить литовские земли, но и присоединить к ним города Минск, Полоцк, Витебск (с окрестностями) и др., что дало повод для А. Ефименко называть этого князя «великим собирателем воедино земель литовских и русских, «королем литовским и русским», как он титуловал себя» ([6], с. 91). Действительно, границы Литовского княжества при нем доходили до северных пределов земель Киевской и Волынской, так что «более двух третей Литовского государства состояло из земель, занятых русскими племенами» (там же). Потому при упомянутых князьях литовские же летописи так именовали свое государство: «Великое княжество Литовское, Жмудское и Русское» (см. в [10], с. 658), однако в официозе [15] обо всем этом – ни слова – так мы снова встречаемся здесь с квази-историей, как определенной нами в [1]!

Но давайте теперь присмотримся поближе к линии рассуждений малороссийских историков XIX века касательно Литовского периода нашей истории в целом, хотя у них и наблюдаются иногда очевидные «перехлесты», как убедимся в последующем, что следует иметь в виду при чтении цитат из их работ в дальнейшем. Так, тот же Антонович писал: «Таким образом, многочисленные русские земли оказались вновь соединенными в пределах быстро развившегося Русско-Литовского государства. Государство это состояло из двух элементов, разнородных в этнографическом, религиозном, бытовом и культурном отношениях. Иностранческое племя, положившее начало государству и выдвинувшее из своей среды княжескую династию, оказалось, после объединения западно-русских земель этой династией, слабейшим и в количественном, и в культурном отношениях. Занимая менее 1/20 доли всей территории Великого княжества Литовского, литовцы не обладали ни развитой культурой, ни письменностью, ни выработанными формами общественного быта, ни исторической государственной традицией. Между тем, вошедшие в состав Литовского государства русские земли, составлявшие более 9/10 всего его простран-

ства, принесли с собой старую общественную культуру, выработанную продолжительной исторической жизнью и почерпавшую постоянно новые силы в христианстве, единственном тогда проводнике высших форм развития. При взаимном воздействии обоих национальных начал, несомненно-литовское должно было подчиниться русскому, заимствовать его цивилизацию и занять в общем государстве второстепенное место. Действительно, в XIV столетии под руководством Гедимины и Ольгерда жизнь Великого княжества Литовского слагается в этом направлении. Русские области получили, благодаря объединению, гарантии для спокойного развития своей внутренней жизни. Литовские князья не только не стесняют этого развития, но с удивительным политическим тактом и беспристрастием поддерживают его и постепенно подчиняются его культурному влиянию, сознавая, что государство их может развиться, опираясь лишь на русское народное начало» ([10], с. 540).

Далее В. Антонович рисует (безусловно слишком уж идеализированную) картину «русификации» Великого княжества Литовского, когда якобы «...русский язык становится языком разговорным и официальным (! – Н. К.) при их дворе; на нем пишут грамоты и производят суд не только в русских, но и в коренных литовских землях. Православие распространяется мирным путем, незаметно, среди литовцев» (там же, с. 541).

И неудивительно, что он приходит в результате к следующему общему выводу: «Таким образом, Западная Русь, окрепнув в политическом отношении при почине литовской народности, приобщала последнюю к своей цивилизации путем мирного распространения своей культуры». Но вот беда: «к несчастью, этот естественный ход развития слагавшегося Западно-Русского государства встретил неожиданную преграду вследствие внешней политической комбинации. Сын и наследник Ольгерда, великий князь Ягайло, вступив в брак с наследницей польского престола, Ядвигаго, стал королем польским. Новое государство отвлекло его внимание от Литвы и вскоре этот слабохарактерный потомок Гедимины подчинился всецело влиянию окружившей его новой среды. Находясь под ее давлением, он видоизменил свои отношения к литовским своим подданным и наметил по отношению к ним то направление внутренней политики, которого впоследствии держались все его потомки. Направление это состояло в стремлении переделать государственственный строй и убеждения жителей Великого княжества

Литовского наподобие того строя, который выработала польская историческая жизнь. Ягайло считает своей задачей водворение в Литве католичества, польского общественного порядка, основанного на сословной дворянской исключительности, польских юридических установлений, и, наконец, приобщения к польской народности жителей Великого княжества Литовского» ([10], с. 541).

Этакое приобщение к «европейской цивилизации» в конце концов и увенчалось успехом, как известно из последующей истории – см. ниже, но для нас-то здесь более важно уловить общие тенденции развития этого социума. Уместно также напомнить здесь и о том сходстве ситуаций – в IX веке и почти пять столетий спустя – которое отмечал Н. Костомаров (о чем шла речь в предыдущей главе, в замечании П.5; также см. [14]). А здесь же нам представляется уместным привести и его же замечание, по сути состоящее в выдержках из рецензии на диссертацию В. Антоновича (см. в [10]):

Замечание III.11. Вот что писал Николай Иванович касательно обстоятельств выхода литовцев на историческую арену: «Древняя раздробленность литовского племени прекращается с той поры, как по соседству с ним явились немецкие рыцари. Под предлогом распространения христианской веры они покорили пруссов, пользуясь их раздробленностью, подчинили летголу или латышей, воспользовавшись враждой их с соседями, народами чухонского племени, и стали напирать на Литву и Жмудь. Литовцы увидели крайнюю для себя опасность и стали прибирать средства к защите; это возбудило в них долго спавшие силы и повело к созданию государственных форм...

Когда напор со стороны крестоносцев стал возбуждать в литовцах стремление к политической жизни, они, по примеру русских, стали строить у себя города, учреждать пункты власти и вместе с тем расширяться все глубже в русской стране. Русские были развитее литовцев в культуре, но литовцы покоряя себе русских, сами усваивали от последних обычаи, быт и язык» ([16], с. 167). Вот действительно точное резюме работы Антоновича, но сюда бы следовало добавить и то замечание, что до того литовцы не имели и своей письменности!

А через десятки лет после обоих вышеупомянутых историков также и А. Ефименко утверждала: «В XIV веке мы как бы заново присутствуем при начале русской истории, вторично наблюдаем процесс созидания русской государственности. Как некогда зага-

дочная Русь в виде немногочисленной воинственной дружины собирала из Киева воедино южнорусские племена, закладывая основы Русского государства, так и теперь относительно малочисленная воинственная Литва из своих отдаленных приеманских поселений собирает воедино все разрозненные политической смуты удельного периода и бедствиями татарского нашествия западные и южные русские земли, созидая новое Литовско-Русское государство, которое по составу своего населения с полным правом могло бы быть названо Западнорусским.

Процесс, каким совершалось объединение тогда и теперь, заключал в себе, по-видимому, много общего. Конечно, дело не обошлось без принуждения, насилия, но во втором случае, как и в первом, нельзя усмотреть, чтобы насилие приняло характер завоевания в настоящем смысле этого слова. Надо полагать, что навстречу объединительным стремлениям Литвы, как и древней Киевской Руси, шли если не сознательные, то инстинктивные симпатии народных масс, чувствующих потребность в защите со стороны сильного третьего, извлекающего выгоды из этой защиты» ([6], с. 90).

Исследовательница в своей книге затем коротко описывает предшествующую историю литовских племен, из которой опять-таки делает общий вывод: «... между литовским и русским народами существовала близость еще прежде, чем они появились перед нами, как объединители и объединяемые, в общей государственной связи» (там же). При описании взаимных связей, имеющихся между двумя народностями (хотя правильное следовало бы говорить – между этносами), она тоже подчеркнула то обстоятельство, что они находились на *разных* социальных уровнях (или в разных «социальных фазах», см. выше), так что тут мы опять встречаемся с ситуацией, где появляются «варварские племена», как и во втором очерке в [1], но затем уже *феодальный* уклад, как результат сего взаимодействия.

Потому возникает вопрос, с которым надо разобраться, а именно: так почему же история не повторилась полностью один к одному? Ведь последующее развитие событий показало, что на базе Литовского княжества так и не возникло нового цельного социального организма, причем не только чего-то вроде «Западно-русской цивилизации», но как увидим ниже, даже по сути и соответствующего государства?

Так что следует разобраться – была ли хоть сколько-нибудь *реальной* такая альтернатива той России, которая в то же время

параллельно рождалась (уже как новая Суперсистема – целая «цивилизация») на территории Северо-Восточной Руси, как то утверждают нынешние «историки» как на Украине, так и в России (думаю, что таковые имеются и в Литве)? Тут хочу отметить статью современного историка И. Данилевского «Выбирая, не ошибись...» [17] (кстати сказать, появилась она под рубрикой «Альтернативная история» и признаюсь, что она привлекла мое внимание именно фамилией автора, хотя он оказался явно не из числа потомков Николая Яковлевича!), в которой он обвиняет Москву, которая якобы отказалась от предложения Ягайлы «идти против Орды вместе с Литвой». И потому мол, «именно с этого времени наши пути расходятся радикально. И причина не в католицизме, ставшем государственной религией» Литвы (кстати, как раз прибить его впервые и попытался Ягайло, как увидим ниже).

Замечание III.12. Однако, по нашему мнению, восторги обеих цитированных выше историков – и В. Антоновича, и А. Ефименко, были слишком преувеличенными, мягко говоря. С одной стороны, они преувеличивали степень взаимной симпатии русичей и литовцев (впрочем, точно так же, как впоследствии Лев Гумилев преувеличивал роль Орды в истории Руси в положительном плане), хотя надо также учитывать, что у них не было того исторического опыта XX века, который ныне имеем мы. А вот с другой стороны, они не учитывали в достаточной мере и того обстоятельства, что все возрастающее давление на Литву с северо-запада, со стороны рыцарских орденов, а вдобавок и блокада ими же торговли с Западом, прямо таки вынуждали литовских князей обращать взоры на юг. Так что главным стимулом тут были вовсе не благие пожелания, да стремление к дружбе с русичами, а *поиск ресурсов для того, чтобы выстоять в борьбе с крестоносцами* (что признается и официально в [15], кстати), хотя о какой-либо религиозной розни между литовцами, пока они были язычниками, и православными русскими, нигде не упоминается.

Потому далее нашей задачей здесь должно быть стремление избежать обоих отмеченных выше крайностей, руководствуясь трезвыми (и прежде всего системными) соображениями. А они тут, в частности, таковы: как известно, с населения Северо-Восточной Руси татаро-монголы не брали дани первые двадцать лет (понимая, видимо, что слишком много разрушили да разграбили там), но вот для южных Киева и Чернигова такие отсрочки не предоставлялись. Более того, рассмотренная выше ситуация с Даниилом

Галицким показала степень уязвимости южнорусских земель и их беззащитность перед татаро-монголами.

Так что понятно – для южнорусских земель после постигшей их катастрофы, да с наличными соседями на юге, вхождение в состав государства, способного хоть как-то защитить их, имело прямой практический смысл; тем паче, что при этом появлялась возможность и жить более-менее самостоятельно. Предыдущий уклад (о котором шла речь в замечании III.4) там от Гедимина до Витовта (да и позже) практически не менялся, менялись разве что «удельные» князья, да и то не всегда. Тем более, что и структура Литовско-русского княжества была по сути федерацией, ничуть не более централизованной, чем при Киевской Руси, обязанности православных князей и бояр перед литовским государством были обычными, и до Кревской унии они были на равной ноге с литовцами. Несмотря на то, что литовцы вначале были язычниками, но каких-либо препон православным (в т. ч. и православным иерархам) не чинили, а скорее наоборот – сами становились таковыми, как отмечал Антонович (см. в [10] на стр. 543 – 544). Вот почему симбиоз Литва – Русь устраивал господствующие классы обеих сторон на протяжении почти полутора веков, а затем обстоятельства стали меняться...

Замечание III.13. Обращаясь теперь к противникам нашей цивилизации, следует признать, что последующее за погромом Руси владычество Золотой Орды над громадными территориями в значительной части Евразии принесло заметное оживление торговых и культурных связей между Востоком и западом (Европой). Они значительно упростились и расширились просто из-за восстановления в известной мере того «Великого шелкового пути», о котором шла речь в [1], только теперь в северном его варианте, что продолжалось примерно до времени Куликовской битвы.

При этом важнейшую роль в таком процессе сыграли генуэзские купцы (фрязины), которые после 1261 года появились в Черноморье, прежде всего в Крыму, породив новый очаг угрозы для Южной Руси. Генуэзцы обустроивались там капитально – до сих пор сохраняются остатки крепостей и городов, возведенных ими, упомянем, к примеру, Судак или Кафу – нынешнюю Феодосию, которая в XIV – XV веках была громадным городом, насчитывающим порядка 70 тысяч жителей, и одним из основных торговых центров в Черноморском бассейне. И самым прибыльным видом торговли тогда (как и прежде, о чем говорилось в преды-

душей главе, да и теперь тоже!), была торговля людьми. Потому быстро сложилась система, при которой татаро-монголы отлавливали людей в Южной Руси, да и в Польше, а европейцы-генуэзцы перепродавали их затем в Византии, да и в Европе – это еще до Крымского ханства, заметьте! Причем наиболее ценились русские рабыни – как наложницы, а затем – как кормилицы, о чем сохранилось немало свидетельств европейских средневековых хронистов. А ведь история с Европой да с рабынями-то повторялась не раз, в том числе и сегодня – вот вам и «вечные европейские ценности» – нет тут ничего нового под небом, если присмотреться поближе!

Однако, вернемся к Литовскому княжеству, где после Гедимины фактическим правителем (1345 – 1377) стал его сын Ольгерд (Альгирдас), сын Гедимины, который якобы, по утверждению А. Ефименко дал в ней *«настоящее преобладание русскому элементу»* ([6]), хотя «русским патриотом», как можно бы подумать при такой характеристике, назвать его ну никак нельзя – см. об этом ниже... Ольгерд безусловно был выдающимся правителем, и любознательно отметить, что правил он Литвой вместе со своим братом Кейстугом – тоже замечательной личностью, устранив от управления других сыновей Гедимины (тут снова повторилась история?). При этом у них были весьма разумно распределены сферы деятельности: на западе войной с Орденом занимался Кейстут, имевший явный военный талант, тогда как Ольгерд – главным образом Юго-Востоком, с целью присоединить как можно больше русских земель, став т. о. де-факто «наследником» Древней Руси. И это ему тем легче удавалось, что вроде бы *«есть полное основание думать, что он был православным»*, как писала та же А. Ефименко, но во всяком случае такой вот «политический дуализм» оказался весьма полезным для территориальной экспансии Литвы, особенно в южном и восточном направлениях – это бесспорно так.

К примеру, Ольгерд под предлогом «освобождения от ордынского ига» занял Смоленскую и Брянскую земли – вплоть до Курска. Правда, ни Антонович, ни Ефименко (как и И. Данилевский тоже) почему-то «не заметили» того обстоятельства, что с 1368 по 1372 год он также совершил и три похода на Москву, хотя желаемого так и не достиг. И будь сей «русский патриот» жив, он наверняка принял бы участие в походе Мамаю на Москву, как это попытался сделать его сын Ягайло. Сам же Ольгерд успел занять в 1362 году Черниговскую и Киевскую земли, а под конец – и Подолье.

Замечание III.14. Но тут было и простое везение, ибо дело это сильно облегчилось тем обстоятельством, что Орда тогда по сути распалась на ряд более мелких, да к тому же и враждовавших друг с другом, образований. Кроме того, и силы-то у каждой из них были далеко не те – не было уже и тех «железных туменов», как прежде, так что Ольгерд сумел использовать и удобный момент, и военные силы русских княжеств таким образом, что в том таки 1362 году в сражении с Подольской ордой на Синих водах (ныне река Синюха) – притоке Южного Буга – не только разбил ее, но затем и вовсе очистил от татар земли между Днестром и Черным морем, получив выход к Черному морю. А на берегах его впоследствии следующий князь Витовт основал ряд городов, в т. ч. Хаджи-бей (нынешняя Одесса), Дашов (нынешний Очаков), на Днестре – Тягинь (ныне Бендеры), по Днепру позднее был восстановлен Канев, основаны Черкассы, Кременчуг, да и другие города. Правда ненадолго – ибо всего полвека спустя они были в основном разрушены основателем Крымского ханства Менгли-Гиреем, о чем речь еще будет впереди.

А вот с расширением на юго-запад у Ольгерда ничего не получалось – хотя он и попытался присоединить Галицко-Волынские земли, но тут столкнулся с уже набиравшей силы Польшей, так что борьба тянулась с 1340 по 1377 год – почти до самой его смерти. В результате, как мы уже знаем, Галицкая земля отошла к Польше, но остальные земли – к Литве. Как раз к этим временам следует отнести описание В. Антоновича – когда вроде бы все шло к «преобладанию русского элемента» в Литовском княжестве – см. выше.

Однако процесс этот еще как-то шел до 1385 года – года Кревской унии, после чего в 1386 году состоялась женитьба литовского князя Ягайла (или Йогайлы, а в польском варианте – Ягелло) на малолетней польской королеве Ядвиге (дочери короля Людовика Анжуйского), после чего он правил Польшей – уже как король Владислав II (1386–1434). Об особенностях политики Польши тех времен, да и позднейших тоже, основывающихся на специфике польской государственности, в т. ч. и роли разного рода *персональных уний* с другими государствами в процессах расширения собственно Польши, мы будем говорить ниже в отдельном параграфе.

Причем в данном случае Ягайло стал основателем целой *династии Ягеллонов*, находившейся у власти почти два столетия (до

1572 года), при которой, с одной стороны, польское государство значительно расширилось и укрепилось, став к концу XVI века сильнейшей державой Центральной Европы. При них же проявились и по сути своей имперские амбиции (то самое «от *можжа* до *можжа*» – о чем еще будет речь ниже). А с другой стороны, именно при этой династии Литва глубоко инкорпорировалась в польский государственный организм, ставший Речью Посполитой, и через него и в «западную цивилизацию», став, однако, ее дальней периферией (а впоследствии – «задворками» Европы).

Касательно же обстоятельств восшествия Ягайлы на престол, то они уже описаны в приведенном выше отрывке из сочинения Антоновича, к чему следует добавить только то обстоятельство, что он в 1387 году признал католицизм официальной религией Литвы (см. [15]), что не значит, конечно, что весь народ «дружно встал и пошел в костел», как убедимся позже... Мы уже оценивали трактовку В. Антоновичем тогдашнего периода, как слишком «оптимистическую», мягко говоря (это же относится и к А. Ефименко, да и к другим известным нам дореволюционным авторам). Однако он в общем-то правильно определил точку *начала новорота* Литвы в сторону «европейской цивилизации», хотя таковой в тот момент скорее лишь обозначился. Причем сам поворот, особенно на русских землях, потребовал еще 200 лет времени и немалых усилий! Да и дал он не совсем те результаты, которых хотелось литовской верхушке, как показало последующее развитие событий (а в Южной Руси – так и *совсем не те!*), о чем речь еще впереди.

Впрочем, следует обратить внимание и на то что, описывая более или менее детально реальные события, никто из упомянутых авторов чаще всего не затрагивал корней, глубинных причин такого поворота, поэтому стоит попытаться хотя бы наметить таковые. В этом плане, прежде всего, по нашему убеждению, следует выделить ту буллу Папы Римского о Крестовом походе против Руси и русского православия, которую он издал еще в 1348 году! А ведь в те времена именно он олицетворял по сути весь Запад – уже как цивилизацию 2-го поколения, которая тогда была еще чисто католической! Причем это не был словесный лишь призыв – поскольку в качестве тарана Запада против Руси теперь мыслилась католическая Польша да полукатолическая пока Литва – вместо Ливонского ордена (о причинах этого будет сказано ниже), то все церковные сборы, обычно полагавшиеся

Риму, в данном случае отдавались им, а это было неслабое финансирование, скажем так! Кроме того, велось и «идеологическое обеспечение» намечаемых действий, так что и упомянутая выше женитьба была не каким-то случайным актом, но более того – она стала своего рода знаковым событием.

А параллельно тот же Запад не только финансировал татарского темника Мамай в его походе на Москву в 1380 году, но и поддержал его серьезной военной силой – генуэзской пехотой, широко известной в Европе, и вооруженной по последнему слову тогдашней военной техники. С запада же поддержать Мамай шло 80-тысячное литовское войско под водительством не кого иного, как Ягайла, и тут случилась интересная история, о которой пойдет речь в следующем параграфе.

Но прежде зададимся вопросом: почему же так засуетился Папа Римский? Ведь его вроде бы не интересовала судьба Северо-Восточной Руси во время нашествия Батые и сразу после него – в отличие от таковой Юго-Западной, которая должна была стать если не щитом, то хотя бы буфером между Западом и Ордой. Хотя стоит вспомнить в этой связи миссию якобы «монаха и путешественника» Плано Карпини в 1245 – 1246 годах, которого упоминают чаще всего в качестве свидетеля разорения Руси татаро-монголами. Однако вряд ли тут все так просто – именно в тот момент желающих путешествовать, считай – через всю Евразию, вряд ли легко было найти. Для этого следовало быть защищенным некими верительными грамотами от достаточно влиятельной структуры – а таковой и была Римская курия. И Плано Карпини был по сути папским послом – легатом, который по мере проезда через Чехию, Польшу, Галицко-Волынское княжество и далее, имел беседы с правителями соответствующих земель. А задачами у него были: поиск союзников и попытки обратиться в свою веру якобы ставшие «бесхозными» русские земли, обещая при этом всяческое содействие как самим князьям, с одной стороны, так и татарам – с другой, и известно, чем все кончилось. Но вскоре определился уже следующий центр возрождения государственности, который и определил вскоре сердцевину новой «цивилизации», новой Суперсистемы.

III. 6. РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО

«Вся эта буря (монгольское нашествие – Н. К.) прошла бы даже может быть почти бесследно (как без постоянного вреда, так и без постоянной пользы), если бы гений зарождавшейся Москвы не умел приспособиться к обстоятельствам и извлечь всей выгоды из отношений между покорителями и покоренными»

Н. Данилевский

Оказывается, что отношение Запада к нам стало меняться именно тогда, когда началось возрастание влияния одного центра – теперь в Москве, со времен Ивана I Даниловича (Великого князя с 1328 по 1340 год), а затем и возрождение русского православия, с укреплением церкви – тоже вокруг Москвы, в чем исключительно важную роль сыграл Сергей Радонежский. Но следует сказать и о том, что возрождение Северо-Восточной Руси началось после монгольского нашествия не только «сверху» – имеет вид в виду упоминавшаяся выше политика Александра Невского – она представляла собой скорее «сдерживание» Орды, но и снизу. Дело в том, что из попыток сопротивления нашествию Батые выросли новые традиции и способы сопротивления, начиная с «партизанского». Но главное началось в 1257 году – с момента, когда монголы решили ввести на Руси ту систему организованного и систематического ограбления покоренных, которую они обычно использовали ранее, а именно – систему вооруженных отрядов смешанного состава, т. е. состоящих из монгольского командного состава и воинов – как своих, так и из местного населения. При этом параллельно проводилась перепись населения, производился учет, и устанавливались соответствующие дани и повинности с каждого двора, а всем этим командовали так называемые *баскаки* из монголов.

В результате из этого на Руси получилась бесконечная война, в которой гибло не только местное население, но и завоеватели, тем более что на стороне русских было знание местности и всех приемов борьбы на ней, тогда как монгольская тактика нанесения массированных ударов при этом становилась недееспособной. Так что особой пользы для завоевателей эта система не принесла, скорее наоборот. И тогда монгольские ханы стали использовать «выгоды» удельной системы, натравливая одних князей на других, возвышая то одного, то другого. Впрочем, еще К. Маркс отмечал это: *«Натравливать князей друг на друга, поддерживать несогласие между ними, уравнивать их силы, никому не давая усиливаться – все это было традиционной политикой татар».*

Тем более, что среди князей личностей, подобных А. Невскому, тогда уже не появлялось... Но все же затем все усиливающееся народное сопротивление заставило монголов в начале XIV века совсем отменить систему баскачества и возложить сбор дани с населения на князей – они должны были ежегодно выплачивать так называемый «выход». А сумма такового была весьма высокой – к примеру, «новгородский выход» составлял 5 тысяч рублей серебром, а «московский» таковой и того более – до 7 тысяч! Вот тут-то и проявилась впервые роль Москвы – до того довольно незначительного удела – и ее князя Ивана Даниловича (впоследствии вошедшего в историю как Иван Калита), внука Александра Невского, который видимо всерьез воспринял заветы великого деда – в создании предпосылок для рождения государства нового типа на базе именно Московского княжества. Широко известно, что он преуспел в расширении пределов этого княжества мирным путем, чаще всего скупая земли обедневших князей, как это было с Ростовом Великим. Также общеизвестно, что Калита взял на себя выплату дани Орде за всю Русь – так называемого «выхода», а затем уже собирал ее сам из других княжеств, что давало возможность подготовить фундамент для построения нового государства. Затем он получил ярлык на Великое княжение Владимирское в 1328 году, который так и остался в Москве. О ее роли весьма выразительно и точно, на наш взгляд, сказал еще Н. Данилевский: *«Московские князья имели ту выгоду на своей стороне, что вся ненавистная сторона мытарства падала на орду, – орда же составляла ту силу, которая одной угрозой заставляла народ платить дань. Москва являлась если не избавительницей, то облегчительницей той тягости, которую заставляло нести народ иноплеменное иго»* ([2], С. 266 – 267).

Однако, при всем этом остается естественный вопрос: как же Ивану Калите удалось скопить «первоначальный капитал» – только ли из излишков дани, как было принято считать, или же он нашел более удачный и быстрый способ? Ведь если бы татарам стало известно о наличии в Москве «излишков», то они наверняка бы «пощипали» и ее, и князя. Вот тут нам представляется стоящим привлечь данные Г. Тюрина из [18], приоткрывающие источник успеха Ивана Калиты. Он учел, что в те времена основным товаром, дающим доход при экспорте, была пушнина (она же – «мягкая рухлядь»), на которой, кстати сказать, в значительной степени базировалось богатство и Новгорода, поскольку именно он контролировал издавна пространства европейского Севера вплоть до Урала (Каменного пояса), как и проживавшие там племена. Потом к этому делу подключилась и Тверь – просто в силу своего географического положения.

Иван Калита же сумел, с одной стороны, добиться своего контроля над значительной частью Севера (откуда и произрастают корни последующей вражды Москвы с Тверью, да и с Новгородом, по нашему мнению), а с другой – организовать *прямое* взаимодействие с итальянскими колониями в Крыму, как правило, с генуэзскими (см. выше Замечание III.13), которые контролировали большую часть рынков пушнины как в Европе, так и в Азии. Москве нужно было быстро получить финансовое могущество, не раскрывая максимально долго перед Ордой ни его источников, ни истинных масштабов.

Генуэзцам нужно было то же самое, и потому стороны договорились – Иван Калита отдал один из самых богатых районов, а именно – Печору, в «концессию» итальянским и греческим купцам на условиях выплаты ему 50% прибыли. В результате к середине XIV века в Москве обосновалась корпорация «сурожан» (по названию колонии Сурож – ныне Судак в Крыму), в основном генуэзцев и греков, через которых Иван Данилович получал не только деньги, но и информацию, а также и европейские технологии, в т. ч. военные. Кроме того – и просто вооружения, которые нельзя было получить ни от Литвы или Польши, ни от Швеции, ни – разумеется – от Орды! В числе таковых следует отметить арбалеты, восточный булат, а позднее и пушки, что очень скоро и пригодились в серьезном деле.

Правда, при сем надо еще отметить, что информация наверняка шла также и в обратном направлении – откуда и проистекает

осведомленность римской курии в восточных делах (а также упомянутая выше папская булла). Впрочем, после смерти Ивана Калиты дела с западными купцами пошли на спад, да и церковные деятели были против проникновения «фрязинов-латинян» в Москву, потому наверное, что знали об их деятельности в Крыму! А когда хан Джанибек взял Кафу – главную их крепость в Крыму, то это сильно пошатнуло их позиции...

Но обратимся теперь к другим *новациям* Ивана Калиты, следующая и главная из которых все же, как подчеркивал уже Гумилев, состояла в построении государства на принципе *этнической терпимости*, собирая под свои знамена и убежавших из Орды татар, и православных литовцев, и русских людей из других княжеств, но основным условием приема было *добровольное крещение*. Подобный прием попытался применить полвека спустя Витовт в Литве, однако там результат оказался далеким от желаемого, что позже будет описано подробнее. И вот тут мы хотим сделать следующее замечание:

Замечание III.15. Считаю уместным именно здесь привести любопытнейшую характеристику христианства на Руси, данную А. Ефименко (применительно к Киевской Руси, собственно говоря): «*Но раз христианство появилось и охватило Южно-русскую равнину своими идеями и учреждениями, оно сделалось сильным орудием сближения как отдельных племенных территорий между собой, как и дружинной Руси со славянским населением этих территорий. Новое мировоззрение с его единым источником всего сущего, с проповедью всеобщей любви и единой морали уничтожило значение родовых разграничений в умах и душах людей; церковь с ее иерархией, обрядами, письменностью объединяла фактически около известных общих и важных интересов. А кроме того, с христианством явился из Византии целый цикл новых понятий и взглядов, общественных и политических, соответствующих высшим формам культурной жизни, и эти новые понятия и взгляды захватили прежде всего князей и окружающую их дружинную среду. Учение и писание христианское выдвигали новый идеал государя-правителя, верховного судьи, законодателя управляемой страны, и князья не могли остаться чуждыми этому идеалу, который предьявлялся и истолковывался постоянно духовенством...*» ([6], с.34 – 35).

Однако, по нашему мнению, эта характеристика гораздо больше применима к временам, описываемым здесь – когда остатки

язычества, проявившиеся после монгольского нашествия, уже явно проявили свою непригодность для дела возрождения русского суперэтноса, потому тогда уже о какой-либо религиозной терпимости речи не было и не могло быть. Кроме того, как известно, именно при феодальном укладе, который как раз тогда начал складываться на Руси, религия – как идеология – играет важнейшую роль в соответствующем социуме, как его «скрепа», и мы еще остановимся позже, в параграфе XI, на этой ее роли в общем плане. А здесь отметим, что действительно вскоре именно на этой основе начался расцвет того «действенного русского православия», которое претерпело значительные изменения – в плане приближения к реалиям жизни именно русского народа за прошедшие три столетия. Причем на этой, *идеологической по своей сути* ниве вскоре не случайно выделился Сергей Радонежский, и прежде всего – своей идеей строить везде по Руси «общежительные монастыри» (т. е. по сути выстраивать «сетевую структуру», говоря современным языком), проводящие «духовную экспансию», как точно выразился Л. Гумилев, смотри его книгу [3] за большими подробностями (с. 190). Он так определял основу вознесения именно Москвы: «...совершившийся этнический синтез в фазе пассионарного подъема» – на фоне того, что в древних русских городах «происходило падение пассионарности, являя собой резкий контраст по сравнению с ростом ее в Москве» (там же, с. 191).

Впрочем, и после смерти И. Калиты фактический правитель Москвы митрополит Алексей весьма грамотно использовал «замятню» в Орде, сумев «получить ханскую грамоту, удостоверяющую, что великое княжение является наследственным правом московских князей из династии Ивана Калиты. Таким образом, политическая традиция Киевской Руси была отменена окончательно.

Ей на смену пришел абсолютно новый принцип наследственной, династической монархии» (там же, с. 199–200), что подтверждает и приведенные выше гипотезы А. Ефименко, но... именно уже при данных условиях, в описываемой здесь ситуации!

С другой стороны, и Золотая Орда в результате упомянутой выше «замятни» распалась на несколько частей: «отделились камские булгары, мордва и гузы, которые жили на Яике, а оставшаяся территория распалась на две части» (там же). Это обстоятельство сыграло большую роль как для Московской Руси, так и

для Литовского княжества, что мы уже отмечали. Причем западную часть Орды возглавил темник Мамай, имеющий и «прозападную ориентацию», а потому у него нашелся и «естественный» союзник – Литва во главе с Ягайлой. Они-то и договорились выступить против Москвы соединенными силами, поскольку как ни Ягайло, так и после него – Витовт, вовсе не скрывали своих планов экспансии на восток, да и проводили ее – насколько могли (это бы следовало учитывать И. Данилевскому в его статье [17] с самого начала)!

Однако тут московский князь Дмитрий Иванович сумел сыграть «на опережение». Он сразился сперва с одним Мамаем (имевшим 200-тысячное войско) на Куликовом поле, не дав ему ни времени, ни возможности соединиться с Ягайлой, хотя сам имел не более 150 тысяч бойцов. Из приведенных цифр видно, что по своему масштабу Куликовская битва просто не имела себе равных в Европе – достаточно сравнить с масштабами «битв» Столетней войны!

И тут следует выделить по крайней мере три момента, сыгравшие решающую роль в этой победе – первый (согласно Л. Гумилеву [3]) реализовал рязанский князь Олег, сумевший задержать на день 80-тысячную литовскую рать со своим всего лишь 5-тысячным отрядом.

Второй момент: Дмитрий Иванович четко осознавал, что он имеет дело с высокопрофессиональным в военном деле противником, тогда как его собственное войско было сборным и большей частью необстрелянным (да и необученным), состоя из простых пахарей и ремесленников. И он придумал совершенно гениальный план, выбрав поле битвы и построив на нем войска так, чтобы даже их поражение и бегство смогло послужить победе, т. е. я сказал бы, что план его был *динамически-прогностическим*.

Третий момент тоже был элементом его плана и примечательно то, что его блестяще реализовал 10-тысячный засадный полк из представителей киево-волынских земель под водительством Дмитрия Боброк-Волынского, вступивший в дело в хирургически точно рассчитанный момент времени и в нужном месте. Кстати, факт участия русичей из Южной Руси (из княжества Литовского) как раз и подтверждает сохраняющееся еще единство именно русичей, хотя и из разных теперь земель!

Но с другой стороны, кроме вышеупомянутых, довольно-таки известных фактов, имеется и иной, обычно замалчиваемый тако-

вой: литовское войско Ягайлы, большинство которого составляли западные русичи из-под Минска, Полоцка и Гродно, уже после битвы напали, как шакалы, на русский обоз и перерезали раненых (опять же согласно данным Гумилева [3]), причем там отмечено, что после битвы «на ногах» остались только около 30 тысяч русских, остальные были убиты или ранены! Возможно, что именно обстоятельство (а не «аргументы» из ([17]!)) так отдалило возможность союза Руси и Литвы? Впрочем, смотри ниже и о других обстоятельствах.

Так что в целом тут видим картину как единства, так и расхождения между тремя ветвями наследников бывшей Древней Руси, как бы предвосхищая возможность распада на иные (пока лишь потенциально) этнические общности, как подчеркивал Гумилев ([3, 8]).

Для нас же, как и для всей последующей истории, важно то, что отныне «*новая этническая общность – Московская Русь – стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения*» ([3], с. 209). Так что действительно в результате всех этих событий «*суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах*», как очень точно выразился Гумилев (там же, с. 208–209).

Замечание III.16. Нам же представляется, что и более того – победа эта вдобавок стала источником надежды и оптимизма также и для русичей из Южной Руси – ведь именно после нее русско-литовским войскам удалось *закрепить* прорыв к Черному морю. И все это проистекало так или иначе из разгрома Мамай, контролировавшего западную часть Дикого Поля. Но все-таки основным, глубинным, обстоятельством стало рождение по меньшей мере *сердцевины новой восточно-славянской цивилизации* (точнее – 2-ЦЭСЭС-системы) с центром уже в Москве, которая через 100 лет разделается с Ордой окончательно, а еще через 70 станет Россией! При этом хочу отметить, что и здесь потребовалась максимальная быстрота (всего полвека!) и точность действий – то есть те же моменты, которые уже наблюдались при рождении первой «нашей цивилизации» – Древней Руси (см. очерк второй в [1]).

Однако упомянутый путь оказался весьма и весьма непрямым, поскольку даже победа на поле Куликовом не устранила татарской угрозы. К примеру, уже в 1382 году ордынский хан Тохтамыш (недавний союзник!) совершил опустошительный набег, взял Москву,

ограбил ее и сжег, так что и потом еще долгие годы снова пришлось выплачивать дань Орде. И даже более того – еще два века спустя Москва оказывалась в пределах татарских набегов – аж до сокрушительного разгрома крымцев при Молодях в 1572 году...

Но все же именно Куликово поле стало *поворотным пунктом*, и стоит так отметить проницательность римской курии, как будто предвидевшей такое развитие событий, да стремящейся всеми силами предотвратить его! И большего, чем она сделала, тогда и нельзя было сделать – достаточно напомнить, что именно в период с 1378 по 1382 год Запад потрясли последовательно восстания «белых колпаков» во Франции, Уота Тайлера в Англии, и чомпи во Флоренции (Италия).

Потому думается нам, что польская королева Ядвига (как и корона Польши) как раз и стала «призом» для Ягайлы за его прошлые усилия, да и стимулом для будущих. Однако оказалось, что его дядя Кейстут, как и многие литовские князья, придерживались иной точки зрения (и иной этики!), почему они и вышвырнули Ягайлу с литовского престола. А новый великий князь Кейстут даже попытался завязать дружеские отношения с Дмитрием Донским! И кто знает, насколько быстрее возникла бы Россия, если бы иуда Ягайло вскоре не убил Кейстута, пригласив его на пир, оказавшийся смертельной западней для последнего, а его сына Витовта посадил в тюрьму.

Замечание III.17. Справедливости ради надо отметить, что в том же 1380 году монгольская «империя» получила удар в самое сердце – китайские войска взяли и разрушили ее столицу Кара-Корум. Кроме того, параллельно приближался конец монгольскому владычеству и в сердцевинных районах *исламской* цивилизации. Для начала напомним, что монгольские тумены с 20-х годов XIII века не раз проходили через Среднюю и Центральную Азию (доходя до Ближнего Востока), сметая по дороге остатки некогда могущественного исламского халифата. Попутно они вышвырнули из Азии и крестоносцев (последний оплот которых – г. Аккра, пал несколько позднее – в 1291 году), а также ликвидировали «гнездо» *исмаилитов* (или *ассасинов*) с центром в г. Аламут – вместе с их «Горным старцем». Они попросту вырезали всех их до ноги, после чего в тех местах надолго забыли об этих террористах-самоубийцах (тогдашних «шахидах»).

Как правило, на места прежних владык ставились монгольские ханы, и так было почти полтора столетия – до 60-х годов XIV века,

когда дело «исламского возрождения» взял в свои руки знаменитый Тимур (или Тамерлан, он же Железный Хромец), который происходил из монгольского (!) рода Барлас ([3]). Да так, что вскоре на рубеже XIV – XV веков, Золотая Орда получила от него ряд серьезных ударов прямо в центр, после которых прежней мощи она уже никогда так и не восстановила – аж до своего «официального» распада в 1502 году. Ясно, что это пошло на благо процессу становления Московского государства, хотя Золотая Орда все еще пыталась при том же хане Тохтамыше, для раздела этого государства использовать союз с Литвой.

Что же касается Тимура, то он также и на своих западных рубежах разгромил наголову войска нового претендента на лидерство в исламском мире – турецкого султана Баязета Молниеносного, тем самым продлив существование Византийской империи еще на полвека. А это последнее, в свою очередь, дало и Западной Европе соответствующую отсрочку в столкновении с Османской империей.

А что же в это время делалось на Южной Руси? Она была вроде как в стороне от эпицентра борьбы с Ордой, находясь в составе Великого княжества Литовского, которое со времен Ягайла становилось все менее русским, хотя время расцвета его было еще впереди.

III. 7. НАИВЫСШИЙ ПОДЪЕМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

«Экспансия Литвы в направлении православной России достигла наибольшего размаха приблизительно к середине XV века»

А. Тойнби

Действительно, упомянутый период как подъема, так и экспансии против России, в основном-то ассоциируются с княжением Витовта (Витаутаса), сына Кейстута, который – как уже отмечалось выше – после убийства отца попал было в плен к Ягайле, но сумел все же вырваться. Однако после этого он направился за помощью вовсе не в Москву – как наверняка сделал бы Кейстут, а к Ливонскому Ордену, смертельным врагом которого был его отец! Вот этот факт и проявленная им тогда беспринципность позволяют понять всю дальнейшую политику Витовта, который княжил в Великом княжестве Литовском с 1392 по 1430 год и преследовал свои цели, довольно-таки отличавшиеся от намерений Ягайла (Владислава II). Кстати, Орден за оказанную Витовту поддержку в борьбе с Польшей получил от него снова же Жемайтию (которую уже получал ранее от Миндовга). Касательно же отношения Витовта к «русской» части княжества, то А. Ефименко лаконично отметила в [6] (с. 99), что он *«совершенно утратил ту связь с русской народностью, не сроднился с нею, как его дядя Ольгерд»*.

Замечание III.18. Нам снова же представляется, что все это слишком эмоциональные оценки, не вполне адекватно отражающие ситуацию. А суть-то в том, что упомянутая выше беспринципность Витовта (которой отличались и многие его последователи), проистекала по нашему мнению, именно из того неопределенного цивилизационно положения, которое занимала Литва между

двумя цивилизациями – уже сформировавшейся западной, и только нарождающейся «русской православной» (точнее тут следовало бы говорить о 2-ЦЭСЭС-системах). Однако, как только столетием спустя выбор был сделан, то и политика (или, если хотите – «принципы») стала более предсказуемой.

Но это столетие оказалось, с одной стороны, временем наивысшего подъема Великого княжества Литовского, а с другой же – разделило его в конце концов на две уже несоединимые части. В данном и последующих параграфах мы довольно подробно описываем перипетии этого процесса, поскольку они до исследования В. Антоновича редко привлекали внимание историков, исключая А. Ефименко. А ведь именно в этот период были заложены, как мы убедимся, краеугольные камни другого, последующего за этим процесса, приведшего к Освободительной войне 1648 – 1654 годов.

Возвращаясь теперь к Витовту, следует отметить, что в одном отношении он всегда был последователен, а именно – желал он изменить как политическую, так и социально-экономическую систему Южной Руси, что и начал осуществлять сразу после восшествия на литовский престол. Как отмечала А. Ефименко, «*он разом (между 1392–1395 гг.) нанес удар удельной системе на всем пространстве Южной Руси... Правда удар этот оказался не настолько решительным, насколько желал бы этого Витовт*» ([6], с. 98).

Этот процесс в политическом плане хорошо просматривается на примере Киевского княжества. Так, киевский стол с 1331 по 1362 год занимал некий Феодор (что известно из Ипатьевской летописи; см. [11]), причем в то время в Киеве сидели ханские баскаки. А после присоединения Киевского удела к Литве их уже не было, что подтверждает утверждение о практически добровольном характере этого процесса, как уже упоминалось выше. Впрочем, Литва и не могла бы тогда особо воевать за киевские земли, ибо она с 1340 по 1377 год серьезно боролась с Польшей за галицко-волинское «наследство», что продолжалось практически все то время, когда Литвой правил Ольгерд. А на престол после его смерти вззошел уже известный нам сын его Ягайло, который вскоре резко «повернул руль» на сближение с католической Польшей. Потому упомянутая борьба закончилась в пользу поляков, как мы уже знаем из предыдущего.

После Феодора киевским удельным князем стал сын Ольгерда Владимир, о «прорусской ориентации» которого было хорошо

известно (подробнее см. в [10] на стр. 543–544), чего не мог ему простить только что ставший великим князем Литвы Витовт, который с войском в 1392 году занял сперва Житомир и Овруч, а затем вынудил Владимира уйти на княжение в городок Копыл в Белоруси (в том же году Витовт, кстати, занял и Крым). На киевский же стол Витовт посадил Скиргайла Ольгердовича (брата Ягайлы), видимо, в порядке компенсации за то, что перед тем устранил его (после продолжительной борьбы) с поста наместника Литвы (на который Скиргайло был поставлен самим Ягайлом и занимал его с 1388 по 1392 год).

Но вот незадача – и этот князь тоже оказался с «прорусской ориентацией»! Вероятно, поэтому-то он правил только по 1396 год, когда был отравлен, согласно преданию. И после него Витовт уже не стал давать киевский стол в удел кому-либо, но стал править им прямо – через наместников (история повторяется!), первым из которых стал некий Иоанн Альгимунтович, князь Гольшанский (1396–1399), и такая ситуация здесь сохранялась до самой смерти Витовта в 1430 году.

Замечание III.19. Касательно положения русской знати в Литовском княжестве в те времена, стоит привести пример волинского князя Федора Даниловича Острожского, который поучителен и в иных отношениях. Так, его еще в 1386 году король Ягайло, а затем и великий князь Витовт, утвердили во «владении княжеством Острожским, Заславским и Корецким на Волини» (по [10], с. 575). В истории же сей князь «...в первой четверти XV столетия появляется в числе сподвижников Сигизмунда Корибутовича, ходившего по поручению Витовта с сильным русским ополчением в Чехию на подмогу гуситам» (там же). Напомним сразу, что гуситы боролись не только с германским императором, но и с католическим Римом (тогда как Польша и в те времена была уже римо-католическим оплотом) – а Витовт посылает им подкрепление... Причем князь Острожский «в течение 8 лет (1422–1430) принимал весьма деятельное и видное участие в геройской борьбе чехов со всеми силами Германской империи» (там же)! Но нам важно и другое обстоятельство – именно этот князь привез на Русь из Чехии такое нововведение в военном деле, как «табор» – образованное несколькими рядами скрепленных друг с другом повозок передвижное оборонительное укрепление. Свою новую жизнь оно получило несколько десятилетий спустя у запорожских казаков, особенно в их борьбе с татарами, о чем подробно будет говориться в соот-

ветствующем очерке. Сам же князь Ф. Острожский оставил след в истории еще и тем, что освободил Подолье, захваченное поляками несколько ранее.

Вполне возможно, что именно все упомянутые выше «обстоятельства» как раз и поспособствовали тому, что Витовт «утратил темп» в восточной политике – несмотря на установленный им в 1395 году союз с Тохтамышем ([3]) – тем самым, который сжег Москву в 1382 году. (Этот факт, кстати, уже сам по себе дает ответ на заявления И. Данилевского из [17]). Однако вскоре – в 1399 году Витовт – теперь вместе с ханом Тохтамышем, потерпел сокрушительное поражение на Ворскле от мурзы Едигея, который затем и стал фактическим правителем Золотой Орды. А Витовт же, несмотря на то вроде бы благоприятное обстоятельство, что его дочь София стала (в 1390 году) женой Василия, сына Дмитрия Донского, начал занимать московские земли сам – например, в 1405 году занял Смоленск и Вязьму, но далее продвинуться не смог до конца своих дней.

Правда, не исключено, что ему в этом помешали другие обстоятельства, проявившиеся теперь на западе, а именно – в 1409 году против господства Ордена восстал Жмудь – тот самый «подарок» Миндовга ордену – а Орден, в свою очередь, объявил войну Польше, где все еще правил Владислав II (Ягайло). В силу же упоминавшейся выше Кревской унии, Витовт был обязан помогать полякам, да ему и самому наверняка хотелось избавиться от давления немецких рыцарей, тем более что им он был кой-чем обязан, как мы помним – это касательно его моральных «принципов»!

В результате на дальнейшую историю повлияло одно весьма существенное обстоятельство, которого почему-то не заметили ни В. Антонович, ни А. Ефименко, а именно: *битва под Грюнвальдом*, состоявшаяся 15 июля 1410 года, причем польско-литовские войска возглавил Витовт, тогда как орденскими войсками командовал сам великий магистр Тевтонского ордена (так и погибший в ней). Победа в этой битве, которую во многом обеспечили русские смоленские полки – находясь «в центре боя, они выдержали страшный натиск рыцарской конницы» ([5], с. 714) – положила конец экспансионистским планам рыцарей, во-первых, позволив тем самым стабилизировать положение на северных и западных границах Польши и Литвы. А во-вторых, она способствовала дальнейшему укреплению союза Литвы с Польшей, проявлением чего вскоре стала известная Городельская уния 1413 года (или Городель-

ский привилей), которая по сути своей была повторением предыдущей Кревской унии, уточняя ее так: в случае смерти Ягайла королем Польши становился Витовт, а если умирал он, то великим князем Литвы становился Ягайло; были там и другие моменты.

Замечание III.20. Что же касается битвы под Грюнвальдом, то тут следует отметить некоторые не слишком акцентируемые обстоятельства, а именно – Орден к тому времени пока еще не утратил роли форпоста Запада, хотя и не имел уже той «общеевропейской» поддержки, которая оказывалась ему в XIII веке. И дело тут в анти-папистской позиции рыцарских орденов – так, за сто лет до Грюнвальда французский король Филипп IV Красивый, при поддержке папы Римского Клементя V, буквально раздавил осенью 1307 года весьма влиятельный и богатый орден тамплиеров (иоаннитов), близкий по духу к тевтонским рыцарям. Польша же всегда занимала проримскую позицию, потому к XV веку уже именно ей предназначалась роль передового форпоста Запада в противостоянии с православием, и тем самым – с Русью. Вот что писал А. Тойнби: «к 1400 году западное и православное христианство, ранее полностью изолированные, соприкоснулись по всей континентальной линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана» (см. в [9], с. 144), хотя следует уточнить, что все-таки первым «соприкосновением» было то, которое кульминировало на Чудском озере в 1242 году! Впрочем, столетие спустя после Грюнвальда и в Германии, и в Ливонии верх взял протестантизм, так что опасения папы Римского были совсем не безосновательными...

Но при всем том в начале XV века Грюнвальд не привел к расколу Западной Европы, ибо в то время религиозный, идеологический фактор уже был сильнее этнических различий между западными славянами и германцами. Причем через четверть века сложившееся положение дел было закреплено Брестским миром 1435 года, а позднее некогда грозный противник – Тевтонский орден – вообще распадается, и остатки его владений в Восточной Пруссии, так называемая Лифляндия, в 1522 году становится простым герцогством Прусским (причем уже лютеранским!), васалом Польши. Также и позиции его партнера – Ливонского ордена – настолько ослабели вследствие внутренних феодальных расколов да религиозного раскола между католиками и протестантами, что к 1560 году, дабы избежать полного разгрома войсками Ивана Грозного, Орден переходит частично под протекторат

Польши, а частично – Дании и Швеции. Таким образом, он по сути с того времени перестал существовать, так что от него осталось одно название Ливония (это нынешняя Латвия да часть Эстонии), и позже – в начале XVIII столетия – Петр Великий включил эти земли в состав Российской империи. Но об этом еще будет речь в последующих главах.

А сразу после победы в Грюнвальде и Польша, и Литва стали больше внимания уделять внутренним делам, укреплению системы феодального уже государства, что естественно привело к возрастанию давления на русские земли. Впрочем, и предыдущее разрушение Витовтом удельного уклада в этих землях в 1392–1395 годах так же «естественно» вело к этому, потому сопротивление русичей имело под собой еще и эту подоснову тоже.

Замечание III.21. Важно отметить и то обстоятельство, что к тому времени резко усилился отток православного населения из западных земель в Приднепровье, и прежде всего потомков тех, кто убежал туда ранее. Возвращаться туда они стали как по той причине, что давление Золотой орды на эти земли резко ослабло после побед русско-литовских войск, вышедших к Черному морю, как уже упоминалось, и под влиянием Куликовской победы. А другой, и главной причиной интенсификации этого процесса в начале XV века стало усиление попыток колонизации и окатоличивания населения галицко-волинских земель, отошедших к Польше во второй половине прошедшего века, напомним. Об этом еще будет речь ниже.

С другой стороны, и основное население южнорусских земель стало проявлять стремление к обособлению, к независимости – также и по той причине, как только что отмечалось, что недавняя Куликовская битва обозначила уже новую сердцевину восточнославянской цивилизации – теперь с центром в Москве, причем вскоре (после известного «стояния на Угре» 1480 года) Русь и вообще сбросила ненавистное иго, о чем будет речь в последующем. Кроме того, можно было бы указать и на конкретные экономические преобразования в этих землях, но об этом достаточно подробно сказали уже и Антонович, и Ефименко, и можно обратиться к их трудам.

В политическом же плане процессу интеграции двух государств – Литвы и Польши – должна была послужить упомянутая выше Городельская уния, по которой все литовские и русские князья, бояре и служивое сословие получали равные с польской шляхтой

права, но... только при условии перехода в католическую веру! Потому процесс сразу же забуксовал, и более того – породил достаточно организованное сопротивление, которое вначале возглавил... Свидригайло Ольгердович – двоюродный брат Витовта. И тут последний снова поменял ориентиры и начал бороться уже за самостоятельность Литвы, с одной стороны, а с другой – с прорусской оппозицией Свидригайла, тогда витебского да полоцкого князя.

Правда, в то время постоянно возникали и новые угрозы – так, в 1416 году Едигей, победитель при Ворскле, снова разорил дотла Киев, почти как при Батые (не взяв только замок), но видимо, это не слишком трогало Витовта – мол, слабее там будет прорусская оппозиция. Тем более, что вскоре у него на московском направлении вроде бы появился новый шанс – там после смерти Василия Дмитриевича в 1425 году стала править Москвой княгиня Софья Витовтовна за своего 10-летнего сына Василия Второго (впоследствии Темного). Но и тут Витовт был верен себе – вместо того, чтобы усилить позиции собственного внука, да и дочери, он стал заключать договора с тверским да рязанским князьями – давними соперниками Москвы – хорош оказался дедушка! Это, кстати, следовало бы учитывать И. Данилевскому в [17].

Параллельно он добивался также королевской короны для Литвы, да почти и добился ее – на Луцкой «общевропейской конференции» 1429 года, где действительно были представлены большинство из европейских государств, было принято решение о *создании независимого Литовско-Русского государства!* Был даже назначен день коронации Витовта, но из-за интриг поляков дело застопорилось, а в следующем 1430 году он умер, и вопрос был закрыт «сам собой».

Замечание III.22. Теперь же, в связи с тем обстоятельством, что некоторые историки (особенно украинские, но отметим также и авторов типа [17]) делают особое ударение на роли Витовта в истории Литвы, стоило бы присмотреться не только к действиям, но и к *результатам* его правления попристальнее. Хотя он действительно был наиболее удачливым из князей Литвы, границы которой стали при Витовте максимальными, но в то же время оказывается, что практически ни одно из его начинаний, ни одно из предполагаемых им направлений развития не получило в дальнейшем позитивного продолжения!

Прежде всего – он не смог решить «татарский вопрос», и нам представляется, что он попросту не понимал его, хотя вроде и

пытался решать, причем в двух направлениях, по крайней мере. С одной стороны, как сообщает Ефименко, «он привлек в Литву массу татар, частью как пленников, частью как добровольных выходцев, вытесненных из своего отечества политическими смутами, и поселил их, щедро наделив и землями, и привилегиями» ([6], с. 96). То есть он фактически попытался скопировать тут политику Ивана Калиты (о коей шла речь выше) полустолетием позже, а вот получился ли из этого аналогичный результат? Скажем сразу, что нет, и тут ярким примером послужит род князей Глинских, о которых речь еще впереди.

С другой стороны, роль Витовта в подготовке к утверждению в Крыму новой Орды, и в частности – династии Гиреев, которой вскоре «удалось окончательно отделить Крымское ханство от Золотой орды» (там же, с. 97), что последовало после смерти Витовта, то она оказалась безусловно отрицательной в историческом плане. Ведь общеизвестно, что это ханство тут же стало опаснейшим врагом Литовско-Русского государства в первую очередь, хотя наша исследовательница почему-то оправдывает его тем, что «трудно было предвидеть» это?! Как тогда можно говорить о «мудром политике» Витовте?

Затем естественно встает следующий вопрос: зачем было стремиться к завоеванию новых земель на востоке, если и с теми русскими землями, которые уже были в составе Литовского княжества, отношения периодически обостряются, причем им же самим? И на каком же тогда фундаменте Витовт рассчитывал построить *независимое* Литовско-Русское государство? Оказалось, что на песке, ибо сама же А. Ефименко потом отмечает: «*всею десятию лет протекло со смерти Витовта, и от могущества его державы осталось лишь воспоминание*» ([6], с. 101)!

Потому оснований для утверждений, что Витовт-де был выдающимся государственным деятелем, как-то не видно. Скорее его можно бы охарактеризовать как ловкого, а часто просто удачливого политика, но вот *стратегического* видения ситуации у него явно не было... Тем более что, как отмечала уже Ефименко, уже к концу его правления «*этнографическая рознь русского и литовского племени успела... вырасти в рознь национальную и политическую; окраску политическую давали этой розни русские князья, стремившиеся отстоять остатки своей самостоятельности*» (там же, с. 100). В рамках же нашего видения правильнее это обстоятельство можно бы выразить так: под воздействием

упомянутых обстоятельств необходимо проявились различия цивилизационные, а возможно – и различие архетипов, если хотите.

Замечание III.23. Тут припоминается в чем-то сходная ситуация, сложившаяся в Хазарском каганате, рассмотренная в предыдущем очерке. Там тоже к X веку сложились непримиримые противоречия как этнического, так и религиозного характера, между правящим слоем и остальным населением Хазарии. Поэтому и оказалось достаточно одного, хотя и сильного удара, нанесенного по ней Святославом Великим, чтобы это образование буквально рассыпалось. Несмотря на то, что при феодальном укладе этнические различия во многом нивелируются, но когда они дополняются религиозной враждой, то дело кончается, как выше. Ведь и в Литовском княжестве сами литовцы составляли лишь десятую часть населения княжества, из которой и выделился правящий класс, тогда как русское население – остальные девять десятых (см. приведенные выше цитаты из [10]). И пока не было религиозной вражды, пока литовцы оставались язычниками, сосуществование этносов складывалось благоприятно. Но когда в игру включилась такая религия, как католицизм, равновесие между упомянутыми группами оказалось нарушенным.

Не спасла положение и династическая уния 1569 года, когда литовские феодалы значительно усилились польскими «коллегами» – большой силой, вообще говоря. Но об этом речь будет позже, а сейчас проследим коротко этапы упомянутой эволюции, и демонстрацией процесса стала последующая история, которую мы кратко изложим теперь.

После смерти Витовта Ягайло назначил наместником Литвы вышеупомянутого Свидригайла Ольгердовича, учтя при этом его непримиримую оппозицию Витовту. Но этот князь тоже показал себя «непримиримым врагом Польши и симпатиком русских» (по мнению и В. Антоновича, и А. Ефименко), хотя в отношении Руси он продолжил политику Витовта, т. е. был тем еще «русским патриотом»! Но главная его черта в том, что вел себя как во внутренних вопросах, так и во внешних сношениях – как великий князь именно Литвы. А самое «ужасное» – Свидригайло резко пресекал все попытки польских магнатов захватывать волыньские земли, а особенно – земли Подолья. Потому католическая партия через два года свергла его, устроив заговор, во главе которого встал Сигизмунд Кейстутович, т. е. его двоюродный брат, коего и поставили на место Свидригайла в 1432 году, провозгласив своего ставленника великим князем.

Однако сам Свидригайло сумел спастись от заговорщиков, «убежал в Полоцк и призвал на помощь русских князей», как писал В. Антонович. Он затем весьма красочно описывает дальнейшее развитие событий, и это стоит привести полностью: «В течение трех последующих лет Великое княжество Литовское распадается на две части, согласно племенному составу своих жителей: коренные литовские земли признают власть Сигизмунда, все русские князья и области стоят под знаменем Свидригайла. Оба великие князья вступают в упорную борьбу; но Свидригайло, располагавший без сравнения большими силами, лишен был и политического такта, и военных способностей, вследствие этого он терпел одно поражение за другим и, наконец, в решительной битве у Вилькомира был разбит наголову. Более 10 удельных князей русских пало на поле сражения или попало в плен; русские области и города – Смоленск, Витебск и Полоцк – сдались победителю, и литовско-польская католическая партия, казалась, окончательно восторжествовала» ([10], с. 547–548) – вот таков был накал борьбы!

Но и это еще не конец, так что далее Антонович продолжает: «В эту тяжелую минуту Свидригайло и остатки его партии нашли убежище в Киеве (вот она, роль стольного града! – Н. К.), который вместе с Волынью остался верным до конца своему представителю. Попытка Сигизмунда овладеть Киевом была успешно отражена киевлянами и их воеводой Юршей и обе земли в течение пяти лет (! – Н. К.) не признавали над собой власти этого великого князя литовского». Однако затем, как уточняет Антонович: «Это неопределенное положение прекратилось в 1440 году смертью Сигизмунда Кейстутовича, погибшего вследствие заговора, составленного волынскими князьями Чарторийскими, киевлянином Скобейком и некоторыми из литовских вельмож» (там же). Правда, по другим сведениям, он был убит другими заговорщиками – тоже из числа православных магнатов, но во главе уже с князем Четвертинским.

Так или иначе, но в том же 1440 году на княжеский престол Литвы избрали 13-летнего Казимира, младшего сына Ягайлы, который впоследствии – в 1447 году, стал также и королем Польши – после смерти старшего брата Владислава III. Но это снова была не династическая уния, а лишь персональное временное объединение двух корон на одной главе (а такие ситуации были не редкостью для Польши, о чем будет речь в следующем параграфе), и

так вот Казимир IV правил аж до 1492 года, остерегаясь делать слишком резкие движения – потому видимо и прожил так долго на этом месте.

И действительно, показательным тут есть следующий пример – сразу после смерти Сигизмунда, в том же 1440 году для стабилизации ситуации было решено восстановить Киевский удел, который получил Олелько Владимирович – сын смещенного Ольгердом еще в 1392 году Владимира, который являлся зятем московского Василия Дмитриевича! Человеком он был не только родовитым, но и умным, да вдобавок, авторитетным в народе, хотя и правил Олелько недолго, скончавшись в 1445 году.

Однако в отношении к Руси Казимир IV продолжал политику предшественников и активно вмешивался в «феодалную войну», в т. ч. влез и в новгородские дела (см. [5], с. 784). Таким образом, как наверняка уже заметил читатель, мы все чаще упоминаем Польшу, как одного из главных «игроков» вокруг Южной Руси, потому представляется уместным в отдельном параграфе хоть кратко остановиться на ее истории, дабы понять, что это было за государство, и почему главное направление его интересов все чаще обращалось на восток.

III. 8. ПОЛЬША В X – XVI ВЕКАХ

«В окруженной горами Чехии долее сохранялась славянская самобытность... Напротив того Польша,... одна из славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе, – а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи, изменившим общим славянским началам, стремившимся распространять, насилием и шлобазном, враждебный славянскому миру католический и шляхетско-аристократический принцип в самую глубь России»

Н. Данилевский

Николай Яковлевич не зря упомянул в своей книге [2] (с. 321) эти страны, ибо известно, что Польша и Чехия были одними из первых государств тех западных славян, которые уже со времен готского нашествия пошли своим историческим путем, отличным от пути восточных славян. Однако эти пути впоследствии неоднократно пересекались, особенно таковые Польши и Руси, притом что польско-русская граница была достаточно протяженной, но чаще всего – не мирной, несмотря на то, что единое польское государство возникло столетием позже Киевской Руси (см. в [1]).

Замечание III.24. Как раз во время работы над последним вариантом сего очерка автору попал в руки роман «классика польской литературы», историка XIX столетия Ю. Крашевского «Старое предание», посвященный «жизни славянских племен в IX веке» (в кавычки мы берем слова из аннотации на книгу). И вот что бросилось в глаза: нет в романе ни единого упоминания о восточных славянах, т. е. о наших предках! Да и более того, там под «полями» подразумевается «одно из племен польских славян», а некие племена «древлян и укров» оказываются «прибалтийскими славянскими племенами»... – вот так видели историю некие польские «классики» даже в конце XIX века, т. е. во времена рас-

цвета «панславизма», напомним. Видимо, от них-то и «танцуют» наши нынешние национал-«историки»...

Но основателем же польского государства считают Мешка I (960 – 992), бывшего ранее князем одной из восточных областей Польши (и от которого пошла династия Пястов), причем уже при нем в 966 году правящая верхушка приняла христианство в западном его варианте – католическом. Надо признать, что это заметно ускорило последующую инкорпорацию Польши в «западную цивилизацию», причем не только в культурном плане, но и в социально-экономическом, тем более, что соседом ее на западе была Германская империя (точнее – Священная Римская империя германской нации). Однако принятие католицизма вовсе не спасало Польшу от прямой экспансии немецких феодалов, хотя следующий князь Болеслав I (992 – 1025) вел с ними как довольно успешные переговоры, так и борьбу, а в 1025 году принял титул короля.

Как раз при нем началось достаточно быстрое развитие централизованного государства, с одной стороны, а с другой же – дуальной – пошел интенсивный процесс закрепощения ранее свободных крестьян – кметей, земли которых переходили во владение дружинникам и слугам князя, становящимися мелкими феодалами, тогда как крупными становились местные князья и вожди (детальнее об этих процессах см. в [5]). Надо отметить также, что Болеслав I был склонен к военным авантюрам в отношении славянских же соседей, таких как Киевская Русь (о чем упоминалось во втором очерке в [1]) и Чехия, тогда как с германским императором ему удалось сохранять статус-кво, а то и отвоевать кое-какие земли, к примеру – полабских славян. Однако к концу его правления пострадавшие соседи перешли в наступление, так что уже при наследнике его – короле Мешко II (1025–1034) Польша потерпела ряд крупных поражений, а в результате к 1039 году так вообще стала вассалом Германской империи, внутри же страны вскоре наступил период феодальной раздробленности.

И новый подъем там начался только во второй половине XIII века, а о едином государстве снова можно говорить лишь с 1314 года, когда один из польских князей – Владислав Локетек – сумел объединить земли Великой и Малой Польши, и в результате он был объявлен королем Владиславом I в 1340 году. Однако на южных, западных и северных границах все еще шла борьба с Венгрией, Чехией, Германской империей и Тевтонским орденом,

захватившими немало польских земель. Так что только следующему королю – Казимиру III (1333 – 1370) удалось достичь соглашения сперва с Люксембургами, правившими Чехией, а затем и с Тевтонским орденом, пойдя при этом на существенные территориальные уступки.

Взамен же польские феодалы стали менять направление интересов (и экспансии) на восток – на Литву и южнорусские земли, как более слабые, но сулившие неплохие перспективы, как им казалось. Они и захватили к 1350 году галицкую часть Галицко-Волынской земли, тогда как волынская была за Литвой, потому между ними и началась борьба, как мы уже знаем. А помимо внешних проблем, приходилось решать и внутренние, главным образом – укрепление и развитие феодальной структуры, включая закрепление крепостной зависимости крестьян от феодалов. Так что к XV веку в центральной Польше практически уже не оставалось свободных крестьян – они обязаны были теперь платить «единообразный оброк – чинш, вносимый натурой и деньгами» ([5], с. 708), хотя кроме этого, сохранялись и другие поборы разных видов. Так, в пользу католической церкви взималась «десятина», оказавшаяся весьма обременительной для крестьян.

В городах же увеличивалось число ремесленников, равно как и разнообразие их профессий, объединявшихся соответственно им в цеха – по специальностям. Большую роль там играла также торговля, в т. ч. и внешняя, а в результате всего этого уже в XIV – XV веках ряд крупных городов, таких как Краков, Вроцлав, Познань и др. получили самоуправление и известную независимость от князей. Однако верхушка городской общины состояла во многом из немцев, тесно связанных с германскими (в т. ч. ганзейскими) городами, что делало города не слишком зависимыми и от королевской власти.

Уже при короле Казимире III были выработаны своды законов, так называемые *Вислицко-Петрковские статуты* 1347 года, носивших ярко выраженный феодальный характер, и еще более ухудшавших положение крестьян. Но в них затрагивались также и права феодалов, ограничивавшихся – в пользу королевской власти, с чем они согласиться не хотели и стремились всячески этому препятствовать. Вот тут и начинается та история, которая продолжалась последующие четыре века – вплоть до распада Польши в конце XVIII века, и состояла она в борьбе феодалов и светских, и церковных, с одной стороны – против королевской власти, с

другой. Если на современный лад, то можно бы говорить о «борьбе за демократию» и это верно, если понимать под этим установление «шляхетской республики» и демократии исключительно для шляхты!

Началом этой борьбы, по-видимому, следует считать призвание магнатами на престол своего тогда довольно-таки слабого государства – после смерти Казимира III – его племянника Людовика (Лайоша) Анжуйского (1370–1382), бывшего тогда королем Венгрии, провозгласив таким образом *персональную унию между Венгрией и Польшей*. Дело в том, что польским феодалам была хорошо известна его деятельность на венгерском престоле, где Людовик I еще в 1351 году издал свод законов, усиливающих полное и бесконтрольное владение феодалов над крестьянами, обращенными в крепостное состояние. Землей владеть могли теперь только и исключительно дворяне, они же имели право суда над крестьянами, да и более того, эти последние обязаны были платить «девятину» своему феодалу, т. е. новый налог – сверх всех остальных!

Конечно, шляхта только и мечтала о подобном короле, тем более что Людовик был «пришлым» и не имел корней в Польше. Он очень скоро оправдал их надежды, издав в 1374 году так называемый *Кошицкий привилей*, по которому и магнаты, и шляхта освобождаются от всех повинностей, кроме военной службы, да еще символического налога на землю (в 2 гроша «за лан», т. е. за 20 га с лишком земли! – см. [5], с. 711–712). В результате магнateria приобрела в Польше громадное политическое и экономическое влияние, так что не случайно после смерти Людовика она сразу же возвела на престол его несовершеннолетнюю дочь Ядвигу. Ту самую, с которой позже сочетали династическим браком уже известного нам великого князя Литвы Ягайлу, ставшим королем Польши Владиславом II, к которому «пристегнули» и Кревскую унию с Литвой (которая, правда, при Витовте в 1398–1401 годах прерывалась).

После смерти Ягайла в 1434 году польский трон (но не литовский стол!) унаследовал его сын Владислав III, который 1440 году был приглашен – теперь уже венгерскими магнатами, и на престол Венгрии (как Ласло V), возобновив т. о. польско-венгерскую унию. Последним же объединение сил нужно было перед турецкой угрозой, поскольку как раз тогда османы начали широкую экспансию в Европу. Владислав III этой проблемой главным образом и занимался вплоть до 1444 года – до самой своей гибели

в битве с турками под Варной. Кстати, именно после этой победы турки смогли полностью овладеть Балканами, а затем (в 1453 году) взять и Константинополь, а польско-венгерская же уния тоже прекратилась.

Но затем, как мы уже знаем, по инициативе польских феодалов возобновилась польско-литовская уния – с избранием на престол Польши великого князя Литвы Казимира IV, который и правил по 1492 год. Это при нем еще сильнее укрепилась «демократия» шляхты – в 1454 году были приняты *Нешавские статуты*, которые еще сильнее ограничивали королевскую власть, так что к концу его правления земские (воеводские) сеймики и генеральные (общегосударственные) сеймы феодалов превратились в важнейшие государственные органы. Кроме того, шляхта добилась права на создание и собственных *земских* судов и, с другой стороны – разделения центральных властей, в виде отделения должности королевского наместника – старосты, от таковой местного земского воеводы, запретив совмещение этих должностей. Более того – без согласия сейма король не мог издавать законы, нанимать армию и объявлять войну!

Замечание III.25. И во внешних сношениях к полякам пришла удача – уже в 1471 году снова была установлена личная польско-чешская уния. А позднее, в 1490 году, к чешскому королю Владиславу – сыну Казимира IV – перешла еще и венгерская корона! Таким вот образом Польша вместо врагов или соперников, на юге и юго-западе, периодически получала, как минимум, мощное подкрепление. А если вспомнить, что она начала в 1454 году войну с Тевтонским орденом и выиграла ее (причем без участия Литвы), и результаты сей победы были закреплены Торуньским миром 1466 года, согласно которому Польша вернула себе Восточное Поморье с Гданьском и часть Пруссии, получив снова выход к Балтийскому морю – то тем более. Позднее же, в 1522 году, и Лифляндия в форме герцогства Прусского стала вассалом Польши, затем аналогичные события произошли и с Ливонским орденом (о чем мы уже упоминали), так что с крестоносцами на севере и северо-западе к началу XVI века вопрос был решен. А на востоке, когда после смерти Казимира IV на престол Польши возшел его старший сын Ян-Альбрехт (1492–1501), то стол Литвы занял его младший брат Александр, так что польско-литовская уния снова оказалась разорванной. Однако затем, после смерти Яна-Альбрехта, Александра избрали также и королем Польши, и

уния снова возобновилась! Кстати, также и на юге Польша принимала попытки завладеть Молдавией, в конце правления Казимира IV, а затем Яна-Альбрехта, однако в 1497 году ее армия была разгромлена наголову, так что в 1499 году пришлось заключить мир.

Но особенно быстро и заметно позиции Польши стали укрепляться с начала XVI века, когда она силою обстоятельств выдвинулась пожалуй что на ведущую роль среди держав Центральной Европы. Ведь раньше, хотя она и имела неплохие отношения и с Чехией, и с Венгрией, как мы видели, но все же была вынуждена постоянно держать их в поле зрения. Однако в 1526 году в битве при Мохаче Османская империя нанесла крупное поражение венгерским войскам, а Чехия примерно тогда же входит в состав империи Габсбургов, потеряв независимость на четыре века. Польша же в тот момент оказалась на периферии событий, которые происходили на фронте между этими двумя империями, от чего сама она только выигрывала.

Следует отметить и новый экономический подъем ее в то время – быстро развивались города, на селе уже получила достаточно широкое распространение фольварочная (точнее – фольварочно-барщинная) система хозяйства, причем это было связано не только и не сколько с ростом внутреннего рынка, но скорее рынка внешнего, ибо страны Западной и Северной Европы нуждались в продукции сельского хозяйства, в первую очередь – в хлебе. Это и породило быстрый переход к новой системе хозяйства, оборотной стороной которой являлся рост барщины путем все более глубокого закрепощения крестьянства. Это явление хорошо известно в истории, как *феодалная реакция* в Восточной Европе – в ответ на быстрое развитие капитализма в Западной Европе (см. [5]).

При этом убыстрялся процесс обезземеливания крестьян, а также юридическое оформление крепостнических отношений, и последовательными этапами тут стали: Конституция 1496 года, ограничившая переход крестьян к новым владельцам, а затем и 1518 год, после которого за правосудием они могли обращаться *только к своим феодалам* – таковой была та «демократия»... Впрочем, с 1543 года вообще всякие переходы крестьян были полностью запрещены!

Далее надо сказать, что не менее ожесточенная борьба велась и в стане феодалов – между магнатерией, и мелкой да средней шляхтой, хотя шла она с переменным успехом. Но они все вместе противились установлению сильной королевской власти, ограничив

ее решениями сейма, где в верхней палате – сенате – заседали магнаты, а в нижней палате – посольской избе – шляхта, но вот ни горожане, ни крестьяне не принимали никакого участия в государственной жизни. Тогда как во многих странах Западной Европы устанавливался абсолютизм, в Польше этого не произошло – в том числе и из-за отсутствия самостоятельных городов, могущих стать опорой королевской власти. В результате борьбы разных фракций класса феодалов в конце концов конституция Польши, оформившаяся в 1569–1573 годах, закрепила политические позиции шляхты, хотя не подорвала и могущества магнатории, как светской, так и духовной. Главным принципом ее стала выборность короля Польши. А после смерти в 1572 году короля Сигизмунда II Августа – последнего из Ягеллонов – именно шляхта стала решающей силой в выборе короля.

И первый же избранный по ней король Герих Валуа (1573–1574) более чем оправдал надежды шляхты, приняв так называемые «Генриховы артикулы», т. е. право выбора короля, его отчет перед сеймом каждые два года. При короле имелся постоянный сенатский совет, и ни права объявлять войну или мир, ни созыва всеобщего феодального ополчения (посполитого рушения), король сам не имел. А принципом голосования в сейме стал *liberum veto*, т. е. единогласие, и т. д.

Замечание III.26. Кроме того, в Польше шел гораздо более последовательный, чем в Литве, процесс ликвидации влияния православия, и всего с ним так или иначе связанного, причем начинал его все тот же престарелый король Польши Владислав II – Ягайло. Наблюдая в Литве очередную «замятню» после смерти Витовта, обусловленную наличием в княжестве большей части православной знати, он начал решать «православный вопрос» изданием так называемого Едлинского привилея в 1433 году. Надо сказать, что по содержанию своему он был вполне аналогичен упомянутому выше Городельскому привилею, принятому в Литве двадцатью годами ранее, но так и оставшемуся там лишь на бумаге. В Польше же через три года (в 1436 году) издается указ, запрещающий не только строить православные храмы, но даже ремонтировать уже имеющиеся!

И это прямое наступление на православие было не случайным, поскольку очень скоро – в 1439 году, проявилась и попытка «обходного маневра», а именно *церковной унии* – Флорентийской, которая на сей раз оказалась безуспешной (ради полноты надо

отметить, что до этого была еще и Лионская попытка унии 1274 года – тогда еще с Византией). Таковой она стала по следующей причине: видимо, в Ватикане очень спешили, и потому эта уния предполагала просто *поглощение* православной церкви церковью католической, причем без каких-либо экивоков и промежуточных этапов. Стоит напомнить, что в те времена, когда влияние папы Римского намного перевешивало власть любого светского европейского владыки (тут достаточно напомнить известное «путешествие» императора «Священной Римской империи германской нации» Генриха IV в Каноссу, который тот был вынужден совершить по воле папы Григория VII (1075–1085)!), из подобной унии вытекало прямое подчинение Риму любого государства, принявшего ее... Однако сама идея не умерла, и с ней мы еще встретимся ниже.

В тогдашней же Польше интересы Рима и государства были достаточно близкими, хотя и не тождественными (подробнее о связанных с этим нюансах еще скажем позднее), но в отношении православных они совпадали. И потому *«лет через сто после его (Едлинского привилея – Н. К.) издания в Галицкой Руси, среди ее высшего сословия, уже не было больше православных: все старые русские бояре перешли в католицизм, чтобы воспользоваться выгодами шляхетского положения»*, как отметила А. Ефименко в [6] (с. 157). Но и более того, вскоре *«привилегированность и католицизм сделались синонимами в других сферах жизни»* (там же), в т. ч. и для других сословий. В частности, это касалось и мещан в городах с Магдебургским правом, из которого фактически были вычеркнуты православные мещане, о чем еще будет идти речь ниже.

А для основного производственного класса кметей-крестьян положение изменилось вообще радикально, ибо упомянутый привилей «просто» передавал землю, которой они до того владели, в руки шляхетского сословия, так что в стране вводился настоящий «европейский» феодальный уклад! И в результате всего этого, как подчеркивает А. Ефименко, очень скоро такие, до тех пор почти независимые земледельцы, попадали уже в крепостное положение. А следствием этого оказалось, по словам исследовательницы, что *«XV век, век издания Едлинской привилегии и ее практического утверждения на почве Галицкой Руси, был вместе с тем и веком крестьянских волнений, ... народ уходил, села и местечки безлюдели так, что населенные места заменялись пустырями»* (там же, с. 159).

А куда было уходить православным? – Естественно, на старые южно-русские земли, память о которых была жива, и которые вскоре назвали Малой Русью. Тем более, что давление на них с юга после походов Витовта заметно ослабело, хотя и не надолго, как оказалось вскоре – до создания союза Крымского ханства с Османской империей в 1475 году! А пока процесс ухода православных русичей из Галицкой Руси и прилегающих территорий – главным образом в Приднепровье (т. е. на земли Литовского княжества), резко усилился.

С другой стороны, что оставалось делать феодалам, особенно русского происхождения, которые теряли главную ценность – рабочую силу? Достать убежавших крестьян в другом государстве они не могли, приходилось использовать кметей – этнических поляков, которым бежать было некуда, да и свыклись они со своей долей за прошедшие столетия – такова была социальная психология. Но ведь в силу специфики феодального уклада лучше всего было, когда и господа, и крестьяне придерживаются одной веры, что побуждало и феодалов к переходу в католическую веру, причем они могли тогда *«воспользоваться всеми выгодами шляхетского положения»*. А вот еще остававшихся православных их подданных это обстоятельство только подталкивало к уходу, так что процесс был двусторонним.

III. 9. ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАП РУССКО-ЛИТОВСКОГО ПЕРИОДА

«Вся эта буря (монгольское нашествие – Н. К.) прошла бы даже может быть почти бесследно (как без постоянного вреда, так и без постоянной пользы), если бы гений зарождавшейся Москвы не умел приспособиться к обстоятельствам и извлечь всей выгоды из отношений между покорителями и покоренными»

Н. Данилевский

Так образно описал историк последний этап существования независимого Литовского княжества (в [10], с. 622–623), хотя вряд ли можно согласиться с его определением Польши, как «государства, гораздо более слабого материально», особенно к концу XV-го – началу XVI века, как мы узнали из предыдущего параграфа. Тем более что, во-вторых, к тому времени в самом этом княжестве все более усиливаются и этнические, и конфессиональные разногласия, так что стоит приглядеться к этим процессам пристальнее, для чего продолжим рассмотрение истории Южной Руси в период после Витовта.

После смерти Олелько Владимировича в 1445 году, а затем – после двухлетних раздумий – Казимир IV все-таки передал Киевский удел сыну Олелька Симеону, *«но лишь в пожизненный лен»* ([10], с. 549). Однако и этот князь оказался поборником православия, да и оставался им аж до своей смерти в 1471 году! Причем его правление пришлось на очень сложный период – как раз тогда на юге в результате вялотекущего распада Золотой орды появился новый опасный противник в лице Крымского ханства, и процессу этому, как мы помним, очень поспособствовал «мудрый политик» Витовт. Так что князь Симеон Олелькович, как пишет Антонович, *«обладая военными дарованиями и храбростью, оказал*

важные услуги Киевскому княжеству, отражая с большим успехом нападения Крымской Орды, наносившей в XV столетии самые тяжелые удары Киевской области и разорившей в несколько приемов стольный ее город» (там же; с. 549).

Правда, надо уточнить, что самые тяжелые удары были несколько позже, и возможно, по следующей причине: Казимир теперь не хотел доверять Киев Олельковичам (Слущким), хотя и был еще один, младший сын Михаил. Но что ему были Киев и киевляне? Так что Казимир убрал и сего претендента, причем с помощью войска, поскольку киевляне-то все были за Михаила...

Вот как описывает дальнейшее развитие этой ситуации Антонович: «Впрочем, удалением Олельковичей из Киева не была ни подавлена окончательно русская княжеская партия, ни устранено значение Киева, как главной поддержки этой партии. Еще два раза город этот был свидетелем и участником последних попыток русских князей к восстановлению прав народного начала, все более и более отстраняемого польским правительством. Первая попытка относится к 1482 году и одним из главных действующих лиц ее является князь Михаил Олелькович» ([10], с. 551). В результате сей главный герой заговора, вместе с князем Гольшанским, были арестованы (тогда как еще одному руководителю – князю Федору Ивановичу Бельскому, тоже внуку Владимира Ольгердовича – удалось убежать в московские пределы), а затем «в Киеве, на лобном месте, перед воротами Киевского литовского замка, 30 августа 1482 года киевляне увидели обезглавленный труп одного из представителей излюбленного ими княжеского рода, которого некогда они призывали как своего отчича на княжеский стол своей земли (там же, с. 552).

Но тут же – в том же году – крымский хан Менгли-Гирей совершает опустошительнейший набег на Киевскую землю, разорив Киев почти так же, как и Батый когда-то, причем захватил в плен и киевского воеводу И. Ходкевича вместе с семьей... Именно с этого набега (вместе с предыдущим набегом 1479 года на Подолье) и началась новая эпопея татарского обезлюдивания Южной Руси, продолжавшаяся три столетия – аж до 1768 года! Причем литовское государство так никогда и не смогло предоставить хоть сколько-нибудь эффективную защиту для своих русских подданных. А это стало, по-видимому, одной из главных причин того, почему население Южной Руси отвернулось от литовских правителей, да и впоследствии встретило Люблинскую унию 1569 года

довольно-таки равнодушно, хотя наверняка теплилась еще надежда на защиту мощного государства Речи Посполитой, но она оказалась напрасной, увы...

А в описываемый момент, в конце XV века, в верхушке литовского государства заметно обостряется борьба за выбор направления дальнейшего развития. Да так, что после смерти Казимира IV в 1492 году «русская» православная верхушка Литвы сумела таки порушить персональную унию, избрав на литовский престол Александра Казимировича (тогда как старший его брат Ян-Альберт сел на польский престол, так что повторилась ситуация полувековой давности). Причем теперь независимость Литвы еще сильнее была подчеркнута постановлением о запрете для поляков не только жить и покупать землю в Литве, но и показываться там! Вдобавок Александр Казимирович был женат на дочери Великого князя Московского Ивана III Елене.

А там, на востоке, ситуация после многих лет неустойчивости и усобиц, наконец изменилась – с восшествием на престол уже упоминавшегося Ивана III Васильевича. Это при нем Московская Русь не только окончательно сбросила в 1480 году ордынское иго, но и объединила вокруг себя – во время его правления (1462 – 1505) основные восточно-русские княжества. Забегая наперед, отметим также, что он сумел увеличить в 6 раз (!) свои владения, в которые вошли земли и от Литвы – вдоль среднего Поднепровья, как и его притоков, а также бывшая Новгород-Северская земля. Да и вообще Москва быстро накапливала силу для восстановления своих прежних пределов.

Во всяком случае, после 1480 года Москва именно на западном направлении получила значительные успехи. Она в то время заключила союз с только что образовавшимся Крымским ханством, направленный как против Золотой Орды, так и против Литвы, что заметно снизило (на время) степень угрозы с юга. В результате же войны с Литвой 1492–1494 годов Москва вернула себе ранее завоеванные той города, к примеру: Вязьму, Мценск и др., впрочем, чаще всего вместе со своими князьями. Да и население встречало своих, открывая городские ворота, как правило. А вскоре новое наступление католицизма в Литве на права православных привело к новой же войне (1500 – 1503 годов), начавшейся с победы в Ведрожской битве и завершившейся, как упоминалось, возвратом древних русских территорий с городами Путивль, Новгород-Северский, Стародуб, Рылск, Трубчевск, Доро-

гобуж и т. д., а затем и Чернигова, а в общем к тому моменту были присоединены 120 городов и 70 волостей! Позднее присоединили Смоленск и Брянск, причем тут следует отметить важнейший для последующей истории факт: во время этих войн, в 1508 году, уже при Василии III, русские войска впервые столкнулись с польскими, пришедшими на помощь литовцам!

Но о делах московских речь будет позже, а здесь нас, прежде всего, будут интересовать дела в Южной Руси, и в частности, тот момент, который мы назвали «княжеской фрондой» – последняя попытка православной княжеской верхушки вернуть статус-кво (типа того, что был при Ольгерде). Антонович выразился об этом следующим образом: на Киевщине в начале XVI века произошла «последняя попытка реакции русских князей против польско-литовского направления» ([10] с. 552). Точнее, она «вспыхнула в 1508 году под руководством князя Михаила Львовича Глинского» (там же), выходца из татарского рода, кстати, получившего прекрасное европейское образование, имевшего большой жизненный опыт, притом и европейский (он побывал на службе у многих государей в Германии, Италии и Испании), и репутацию «даровитого военного человека» (там же).

Хотя князь вернулся на родину уже не молодым, но именно он возглавил ту «многочисленную группу русских князей: Олельковичей, Гольшанских, Мстиславских и т. д.» (там же), которые сумели, как уже отмечалось, возвести на престол Литвы – после смерти Казимира Ягайловича – его младшего сына Александра Казимировича, естественно благоволившего к Глинскому. Тот стал дворовым маршалом при Александре и вообще его правой рукой.

Как раз тогда и произошло последнее укрепление влияния «русской партии» в Литве – при его активнейшем содействии. Литовская «католическая партия» немедленно стала в оппозицию против Глинского, однако в 1506 году, после смерти киевского воеводы князя Дмитрия Путятича, это место занял брат Михаила Глинского Иван Львович, несмотря на протесты католиков. Так было до самой смерти Александра, последовавшей в 1507 году, когда на его место сел младший брат – Сигизмунд Казимирович (позже поименованный Старым), выросший и воспитанный в Польше.

После этого верх в Литве взяла «католическо-литовская партия» и началось давление на русских князей. Сразу стали устранять русских князей из всех важных мест, в т. ч. из Киева устранили

Ивана Глинского, поставив на его место литовца Юрия Монтовича. И Михаил Глинский, как пишет Антонович, только тогда «осознал, что путем законным русские не успеют добиться не только причитающейся им доли влияния в Великом княжестве, но и обыкновенной справедливости суда, и решился прибегнуть к другим средствам» (там же, с. 554).

Замечание III.27. Отметим, что практически та же мотивация была и у Богдана Хмельницкого 140 лет спустя – перед началом Освободительной войны, как увидим впоследствии. Впрочем, и не только у него, так что следует констатировать – ляхи-католики всегда были весьма последовательными в создании себе врагов! Однако все же думается нам, что русские князья имели не только и не столько те мотивации, которые приводит Антонович. Надо вспомнить, что после Нешавских статутков, о которых уже шла речь выше, все большую роль в Польше стали играть мелкие и средние феодалы (т. е. шляхта), и в том же направлении шел процесс в самой Литве, да и в Западной Руси – на белорусских землях. Потому южнорусским князьям, которые привыкли к удельным по сути порядкам, когда они были практически полными владыками в своих землях, это вряд ли могло нравиться. В этом плане им явно предпочтительнее были порядки в Московском государстве, хотя и там дело шло к радикальному разрушению удельной, вотчинной системы (что и произошло вскоре, уже в царствование Ивана Грозного).

А если учесть и религиозные соображения, то в описываемое время совершенно естественно – для сложившейся тогда в южнорусских землях ситуации, что теперь уже и М. Глинский «вошел в сношения с Василием Ивановичем Московским и, заручившись его помощью, решился отторгнуть от Литвы ее русские области. Весной 1508 года он поднялся с братьями и небольшим вооруженным отрядом в окрестности Гродна, захватил и приказал казнить своего главного врага Заберезинского, и направился, медленно подвигаясь к востоку, навстречу московской рати, зазывая на помощь все русское население края и предлагая ему отложиться от Литвы; в то же время он отправил брата Василия с такими же предложениями в Киев. Жители Киевского княжества встретили Василия Глинского радушно. Узнав, что попытка Глинского клонится к восстановлению самостоятельного русско-княжества, города открывали ему ворота, земляне являлись в его лагерь и приносили присягу. Знаменитый староста черкас-

ский и каневский, Остафий Дашкевич, соединился с ним во главе ополчения своих поветов. Киевляне полагали, что пришло время, когда город их опять станет главой обширного русского княжества. К несчастью, ... другие русские земли отнеслись далеко не с таким сочувствием к попытке восстановить народное дело» (там же, с. 555).

Замечание III.28. А. Ефименко уточнила последний момент следующим образом: в отличие от Южной Руси, в Белой Руси «земляне Западного края, главная военная сила, находили шляхетский строй, приближавшийся к им из Польши посредством Литвы, вполне для себя выгодным и не желали отделения» ([6], с. 106). Но оба историка приходят в результате к единой констатации результатов сей «фронды»: выражаясь словами Антоновича, «...московская помощь медлила, а с Польши шел Сигизмунд с сильной польской армией...», почему князь М. Глинский «... вместе с братьями и более скомпрометированными сторонниками отступил в пределы Великопольского княжества Московского. Так закончилась последняя попытка княжеской Руси, предпринятая им в защиту своего народного дела» ([10], с. 555).

Конечно, мы должны уточнить, что в действительности для князей речь шла о своем «удельно-княжеском» деле, а точнее следовало бы говорить о максимальной «самостийности и независимости», достижимых в те времена (см. также замечание III.27 выше), а потому и предлагаем этот период, охватывающий большую часть XV века и начало XVI, назвать периодом «княжеской фронды», по аналогии с позднейшим феноменом Фронды во Франции в середине XVII века (хотя причины этих явлений и не тождественны). Ее неудача обусловлена, как вполне правильно отмечал Антонович, тем обстоятельством, что княжеские «сословные понятия, удельно-федеративные идеалы были в то время уже анахронизмом, они не обнимали интересов всего населения и не могли подвигнуть его на борьбу за общее народное дело. Княжеская партия сталкивалась с интересами или равнодушием других сословных групп и оказалась для своего времени немогущей. Первый акт борьбы Западной Руси с польским влиянием, веденный под стягом русско-литовских князей, был проигран» (там же, с. 556).

Замечание III.29. Кстати, с самим Михаилом Глинским мы еще встретимся позже, уже в Москве, как и с семейством Глинских – там князь Михаил выдаст племянницу Елену Васильевну

(будущую мать Ивана Грозного), за самого царя Василия III! Заметную роль в последующей истории сыграют и другие русские «верховские» князья, ушедшие от Литвы вместе со своими землями в верховьях Оки и Десны. Имеются в виду князья Белевские, Воротынские, Вяземские, Новосильские, Одоевские и др., многие из которых полвека спустя убежали уже на Запад – не подходили им новые порядки теперь уже и здесь!

Антонович же после рассказа о всей этой истории отмечает: «Но в недрах Киевской земли, стойко поддерживавшей до конца этот стяг, скрывались зародыши новых общественных сил, которым суждено было вступить в борьбу с большим успехом в последующую эпоху» (там же). И нашей задачей в последующем будет: описать эти силы, их возникновение и эволюцию. Но с этим связана и тема, к которой мы прикоснулись в самом конце предыдущего параграфа, а именно – о массовом исходе православных из галицко-волыньских земель на Приднепровье, и о том, что они принесли с собой. Этому посвятим специальное весьма длинное замечание:

Замечание III.30. Мы уже знаем, почему уходили православные из западных земель, но надо сказать также, почему они возвращались в Приднепровье с конца XIV века. Наверняка потому что знали о победах русско-литовских войск при Ольгерде (а затем и при Витовте), начиная с битвы на Синюхе в 1362 году. Хотя Витовт и потерпел поражение от Едигея на Ворскле в 1399 году, все же приднепровские земли в начале XV века стали более спокойными, поскольку главный натиск Золотой орды направлялся на Северо-Восточную Русь, на Московское княжество. Да еще переселенцы помнили, что приднепровские земли были богатейшими, где можно было прожить, так что хотя вряд ли они несли с собой особый скарб, однако несли они нечто большее – несли они достаточно богатый опыт, приобретенный за многие десятилетия жизни в иной социально и этнически среде, знание новых приемов хозяйствования, включая ремесла, но в основном – аграрные навыки, хотя далеко не все им было нужно, по-видимому.

Но нам важно отметить и большее: как раз ко временам упомянутого выше «исхода» православного населения из оказавшихся теперь польскими земель относится и появление в Южной Руси элементов украинского языка, как особого наречия древнерусского. Тему языка мы уже затрагивали во втором очерке, в Замечании II.14, в связи с чем напомним здесь, что в Древней Руси, кроме

племенных диалектов, к XII веку уже существовал хорошо разработанный общий язык, известный нам по летописям. Отметим тут же, что никаких следов украинского языка ни в письменных источниках периода Киевской Руси, ни в древнерусских сказаниях никто так и не обнаружил, хотя позже и ляхи, и «национал-историки» очень старались...

А вот как он появился: уже отмечалось, что русичи (россы) из Приднепровья стали уходить на запад и на северо-восток уже в XII веке, причем особенно массово это происходило во времена Батыева нашествия. Тем из них, кто попал на галицко-волинские земли, довольно скоро пришлось столкнуться с поляками, как мы знаем. В силу известной близости языков, в новом этнокультурном окружении происходило естественное заимствование чужих слов, причем наверняка не только русичи заимствовали слова у поляков, но шел и обратный процесс. Однако, после отмечавшегося выше процесса перехода земли в руки новых владельцев – шляхты, крестьянам-русичам при общении с господами, с их управителями, слугами и т. д., уже волей-неволей приходилось употреблять все больше новых польских слов.

Теперь же, уходя обратно в Приднепровье, они приносили с собой и новые слова, приживавшиеся в основном среди крестьянской массы, поскольку большинство пришедших были так или иначе привязаны к земле. Тем более что спустя некоторое время оказалось – то, от чего они убегали, последовало (через какую-то сотню лет) за ними – уже и на новые земли, в Малую Русь. Дело в том, что с середины XVI века, особенно после династической Люблинской унии 1569 года, шляхта бурным потоком ринулась сюда «осваивать» эти земли, а если говорить по сути, то колонизировать их, а этот процесс принес новую волну и языковых влияний – по описанному выше образцу. Конечно, до этого на данных землях имелось и некоторое литовское влияние, но в языковом отношении на Малой Руси оно практически не оставило следов. А поскольку Южная Русь, а затем и Малая Русь находились дольше всех русских земель в зоне татарского влияния (через Крымское ханство), то был и татарский «вклад» в словарный запас так формирующегося украинского языка. Отсюда к нам перешло несколько больше двух сотен слов, но зато каких слов! Перечислим лишь некоторые из них: **козак**, **куринь**, кіш, **майдан**, **могорич**, **ненька**, **куркуль**, килим, кохана (любимая), байрак (овраг), тин (забор), лелека (аист), гаманець (он же – кашпук) и

т. д.... Да и специальный сравнительный анализ, причем проведенный несколькими авторами, подтверждает сделанные выводы, причем наибольшее влияние имел польский язык – более двух тысяч слов из разговорной в основном речи имеют польские источники. А затем, если учесть и то весьма немаловажное обстоятельство, что аж до 70-х годов XIX века в составе господствующего класса именно поляки преобладали на Правобережье и в экономическом, и в культурном плане (в том числе и в образовании!), как убедимся в последующих главах, то стоит удивляться только тому, что так немного заимствований оказалось!

Однако еще до наплыва поляков оказалось, что переселенцы попали «из огня – да в полымя!», ибо с юга надвинулась «новая-старая» опасность, а именно та, от которой бежали их прадеды – те самые татары, которые ранее были монголами! А ведь переселенцы бежали на вольные земли, где только и могли прокормиться своими руками, но они-то и оказались самыми опасными – как выражался Н. Гоголь в [19], в XV веке это была «земля страха» – ибо мещан хоть как-то да могли защитить городские стены... Мы посвятим этой теме следующий параграф, а тут заметим, что вскоре и в городах, как и на достаточно обжитых землях, тоже начинало доставать старое (только «поновее»), а именно – попытки окатоличивания, хотя сперва все это шло в более «мягкой» форме унии.

Причем это была только одна из сторон той ситуации, которая сложилась на Южной Руси, да и в Литве, после описанной выше «фронды» и перехода многих княжеских уделов на левом берегу Днепра в Московское подданство. Тогда же жизнь породила еще несколько важнейших феноменов, в частности, именно в те времена «*впервые произносится... слово «казак»*» ([6], с. 159), из которых жизнь выковала из наших предков людей особого рода. С ними связан и новый, специфический именно для Малороссии, этап социального развития, на котором история отвела именно *казачеству* выделенную роль, чему будет посвящена отдельная глава. Как уже упоминалось, в то время снова замаячил и призрак религиозной унии, но поскольку общекультурный уровень и городской населения, и массы рядового православного духовенства, заметно вырос и расширился, тут проявился и другой феномен, специфический для Южной Руси, а именно – образование *православных братств*. Правда, можно бы провести некую аналогию с феноменом движения гуситов в Чехии в XV веке, но тут специ-

фики было заметно больше. Впрочем, можно бы также провести и аналогию между казачеством и таборитами из той же Чехии, хотя опять-таки достаточно условно. Однако и у нас между обеими движениями существовала тесная связь – так, казачество (запорожское в первую очередь) впитывало в себя идеологию сопротивления, вырабатываемую упомянутыми братствами, и воплощало ее на практике, так сказать. Занял же весь этот процесс полтора, а то и два века, достигая кульминации своей в Освободительной войне 1648–1654 гг.

Особенность его, и отличие от чешского – в том, что носил он явно «общесцивилизационный» характер, поскольку возник и развивался на *разломе сразу трех цивилизаций*: с запада и северо-запада – западной католической, с юга – тюрко-исламской, а сами же казаки находились на переднем крае русской православной.

А что же касается общего состояния дел в Литовском княжестве к тому времени, то стоит привести следующее:

Замечание III.31. Представляется уместным вспомнить здесь свидетельство хрониста-современника, известного как Михалон Литвин, которое приведено в его сочинении «О нравах татар, литовцев и московитов» (см. [20]), относящемся примерно к середине XVI века. Оно касается в основном состояния морали соответствующих социумов (отражая тем самым степень пассионарности их, согласно [3]). Этот Литвин сравнивал, так сказать, «изнутри» общества Литвы (до ее объединения с Польшей) и Московского государства, и пришел к следующим любопытным выводам: «Силы москвитян и татар значительно меньше литовских, но они превосходят литовцев деятельностью, воздержанием, храбростью и друими добродетелями, составляющими основу государственной силы». Более того, попутно он развенчивает и стереотипы, упорно навязываемые теперь уже нам длительное время: «Так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их славятся ремесленниками, прилежно изготавливающими различные изделия; они снабжают нас деревянными чашками и посохами, также седлами, саблями, конскою сбруею и разного рода оружием, получая за эти предметы наше золото». Причем оказывается, что и водка-то в России появилась столетием позже, нежели в Литве (а значит, и в Малой Руси тоже! – Н. К.), в которой, по свидетельству М. Литвина, «...день начинается пттием водки, еще лежа на кровати кричат: «Вина, вина!» и затем пьют этот яд мужчины, женщины и юноши на улицах, на площадях, даже на дорогах; омарченные напитоком, они не способны ни к

какому занятию и могут только спать!» Хронист также рисует и картину «правосудия» в Литве: «*Наши производят суд каждый в одиночку, в пьяном виде, и удалив посредников и свидетелей; таким образом они могут делать что угодно*». – Согласитесь, получается выразительная картина, кое-что напоминающая ныне и нам...

Заметим, что все это относится к периоду и ситуации, которая сложилась на Южной Руси, да и в Литве, после описанной выше «фронды» и перехода многих княжеских уделов на левом берегу Днепра в Московское подданство. Т. е. в начале XVI века, в период правления двух Сигизмундов – Первого (или Старого; 1506–1548 годы), а затем и Второго (или Августа; 1548–1572 годы). А точнее, нас интересует то, как ситуация менялась. Сначала, при Сигизмунде Старом, казалось, было, что попытки окатоличивания русского элемента в Литве совсем прекратились, и более того, при нем ведь был принят в 1530 году и так называемый «Литовский статут». Он оформлял особое политическое, административное и культурное устройство великого княжества Литовского, причем и написан был на тогдашнем литературном, то бишь – на древнерусском (впрочем, ныне бытует мнение, что на старобелорусском) – языке. Так что язык этот приобретал государственный статус на всей территории Литовского княжества, что говорило о серьезной уступке русскому населению его*).

Вторая же уступка по сути своей повторяла вышеупомянутое постановление Александра Казимировича, утверждая запрет для поляков занимать какие-либо официальные должности и на Руси, и в Литве, равно как и запрет для них приобретать недвижимость в княжестве. Конечно, это было вынужденной уступкой русско-литовской знати и крупному духовенству, поскольку им гарантировались тем самым все их старые права и привилегии, в том числе признавалось право исповедовать православие. Это преследовало цель интегрировать вышеупомянутые сословия в польское общество – после опыта, полученного в русско-литовских войнах, когда целые княжества переходили на сторону единой Московской.

Еще один важный момент связан с упомянутым Статутом, а именно: дарование Магдебургского права многим городам Ли-

* При этом любопытно заметить, что формально действие этого Статута в Малороссии, т. е. на Левобережье, продолжалось 250 лет, до 1781 года, а на Правобережной Украине – 312 лет, где он был отменен только в 1842 году.

товского княжества, и тем самым – достаточно широкого самоуправления местичам, т. е. мещанам – жителям городов. Правда, они должны были объединяться в корпорации, к примеру – в цехи по западноевропейскому образцу – что давало известную защиту от посягательств шляхты. Но далеко не все тут было так безоблачно, как это пытаются представить ныне многие (особенно украинские) «историки». Причем это было прекрасно известно уже В. Антоновичу в 1874 году, который-то и дал тогда четкое описание *реальной* ситуации на примере Киева. Вот что он писал:

«Магдебургское право, по статьям которого должно было управляться и судиться киевское мещанство, представляло кодекс, сложившийся в другое время, среди другого племени и при других исторических условиях; его юридические понятия, формы городского суда и самоуправления могли быть вполне применимы к быту саксонских городов X – XI столетий, где сложилось и магдебургское право, как результат понятий и нужд своего времени и своей страны, но право это не имело ничего общего с русскими городами вообще, развивавшимися на других началах, стремившимися к порядку вечевому, а не коллегиальному, и следовавшими в обычном праве другим юридическим понятиям и воззрениям. Не вытекая из местных потребностей, не выработавшись на местной почве, магдебургское право представляло юридическую почву, незнакомую, непонятную для жителей русских городов и притом весьма часто противоречившую их убеждениям и взглядам... Случилось то, что бывает обыкновенно в странах, управляемых по законоположениям заимствованным, не выросшим на данной почве; формальная истина противопоставалась правде по народному пониманию и, никем не считаясь правдивой, послужила лишь оружием в руках дельцов, пожелавших воспользоваться ею для личных выгод...» ([10], с. 160–161; а вам, уважаемый украинский читатель, это описание ничего не напоминает?).

Более того, такое положение дел приводило и к следующему явлению (типичному не только для описываемых тут времен): «... каждое лицо, желавшее поживиться и стать в ряды городской аристократии, должно было представлять известный, мало привлекательный образ: для этого было необходимо отречься от народных воззрений и народной морали, – отказаться от правил совести, принести все нравственное свое достоинство в жертву личному интересу и стремлению к наживе, искать точки опоры вне своей

общины, постоянно враждебно настроенной к кружку своих заправителей, в силах внешних, чуждых или враждебных ей, и только при таких условиях можно было... производить всевозможные действия, правда, весьма выгодные для усиления богатства и значения дельцов, но далеко не отвечавшие ни законам, даже азбучной, справедливости, ни интересам всей городской общины» (там же). Далее Антонович рассматривает конкретные примеры, демонстрирующие справедливость его замечаний, см. [10].

Это касательно горожан, а что до крестьянства, то Статут этот лишил его и тех прав и обычаев, которые сохранялись еще со времен Киевской Руси, а прежде всего – земли, равно как и остатков вечевого устройства. Однако давайте остановимся хотя бы на основных характеристиках феодализма, как специфического уклада, которые в рассматриваемый период определяли направления общественного развития.

III. 10. РУСЬ И (БЫВШАЯ «ВЕЛИКАЯ») СТЕПЬ В XV – XVI ВВ.

«Впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу удалось не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав пастбища в крестьянские поля, стойбища – в оседлые деревни»

А. Тойнби

Это мнение знаменитого историка подчеркивает, между прочим, беспрецедентность случившегося с Русью, хотя следует отметить также, что процесс этот был вовсе не одномоментным, а после Куликовской битвы (действительно положившей начало процессу распада Золотой орды) он растянулся все-таки более чем на столетие. Правда, любопытно, что окончание самого «татаро-монгольского ига» произошло *ровно через 100 лет* после нее, когда в 1480 году Иван III стратегически «перестоял» хана Золотой (точнее – уже просто Большой) орды Ахмета на речке Угре. А через 22 года Золотая орда перестала существовать, так сказать, и «официально», но стали ли безопасными южные границы Руси?

Что касается Московского государства, то еще 70 лет над ним висела серьезная татарская угроза – причем в 1571 году даже была сожжена сама Москва – но уже через год, после сокрушительного разгрома татар при Молодях, эта угроза практически исчезла, ибо они больше никогда не заходили вглубь государства. А ведь за эти два с лишком века Русь пережила около полусотни крупных набегов, не считая уж «мелких» таковых. Но и более того – все это время «*кровавое болото татарского рабства не только давило, но и оскорбляло и иссушало саму душу народа, ставшего его жертвой*», как заметил еще К. Маркс.

Но теперь, начиная с 1479 года, уже Южная Русь стала такой же жертвой татарских набегов, или можно сказать, она получила некое новое издание «татаро-монгольского ига» в худшей его форме, причем на целых триста лет! А ведь предыдущие сто лет южные границы ее были довольно-таки спокойными, однако с указанного момента роль жертвы татарских набегов надолго перешла к ней. И все это породил распад Золотой орды – она ведь не испарилась, но лишь распалась на несколько «осколков».

Причем первым из таковых оказалось Крымское ханство, объявившее «независимость» еще в конце первой четверти XV века, и первым ханом тут стал Хаджи Гирей, которого в его начинании поддержал литовский князь Витовт (см. параграф VII выше). Признал новое ханство и Московский князь Василий II Темный (1425–1462), поддерживал отношения с ним (часто даже союзные) и его сын Иван III (1463–1505) – ведь главным для них было ослабление Золотой орды, как непосредственного и самого близкого врага.

Тем более это стало важным, когда вслед за Крымским, во второй четверти того же века появилось и Казанское ханство, ставшее при первом хане Улу-Мухаммеде, который как раз и «разгромил волжских болгар на Средней Волге» [24] (а затем и при его сыновьях), самым агрессивным соседом Московского княжества. Этот хан уже в 1445 году разбил под Суздалем войско Василия II, даже взяв его в плен!

Замечание III.32. Именно это обстоятельство привело к трагическому повороту его судьбы, ибо хотя татары и отпустили Василия через три месяца с условием выплаты выкупа, но в самой Москве его ждал заговор бояр, «сдавших» его главному и давнему противнику – галицкому князю Д. Шемяке. Сей тип возник вроде как прямо из века удельных распрей – XII века, с его злодействами, ибо это он сделал Василия Темным, ослепив в тюрьме – проведя «шемякин суд», по-видимому. Правда, долго не удержался в Москве и был вскоре изгнан, хотя еще не один год бродил у ее границ «аки волк лютой». И находил он поддержку не где-нибудь, а в Новгороде – еще одном «реликте Древней Руси», по выражению Л. Гумилева. Кроме всего прочего, это обстоятельство объясняет отношение к Новгороду вернувшегося на княжеский стол Василия Темного, разбившего первый раз войско новгородское в 1456 году, равно как и его сына Ивана III, взявшего город без сражения (что вообще характерно для него) в 1477 году, а затем «четверг, 15 января 1778 года, стал последним днем феодальной республики. Вече

уже не собиралось... Боярская республика пала, но за этим не последовало ни казней заложников, ни нарочитых грабежей и насилия над ними» ([24], с. 108). Однако к полной покорности привел Новгород только Иван Грозный через сто лет.

Но вышеупомянутые события сразу же поставили задачу также нейтрализации и Казанского ханства, а для начала – недопущения объединения его с Крымским. А когда в середине XV века в низовьях Волги образовалось еще одно ханство – Астраханское, то после распада Большой орды в 1502 году уже крымские ханы постоянно пытались образовать союз этих трех ханств, направленный против Руси. Затем, на просторах между Волгой и Иртышом кочевала Ногайская орда, представлявшая значительную военную силу, особенно в соединении с упомянутыми ханствами. Потому угроза Руси с юга и востока была в начале XVI века не меньшей, а возможно и большей, нежели во времена поздней Золотой Орды!

Но в конце XV века самую реальную опасность представлял собой главный осколок ее – Большая орда, и громадную роль в отражении ее сыграл Иван III, которого не зря именуют «первым Государем всея Руси». Ведь еще до того, в основном в 70-х годах он включил в состав Московского княжества большинство земель Северо-Восточной Руси (с Карелией включительно), что дало возможность покончить с «татаро-монгольским игом» навсегда.

Как упоминалось, это произошло в 1480 году, но опять же не в результате большой битвы, а так называемого «стояния на Угре», которое представляется нам высшим проявлением стратегического таланта Ивана III. О самом этом событии написано очень много (например, см. [24]), но всю ситуацию вокруг этого короче всех и лучше всего, на наш взгляд, выразил Ф. Энгельс: «В России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III» ([22], с. 163). Соглашаясь с этим, мы бы внесли сюда небольшую поправку: сломал остатки «удельщины» все-таки не Иван III, а его внук Иван Грозный.

Замечание III.33. К самому же событию «стояния на Угре» следовало бы добавить еще следующие немаловажные обстоятельства: 1) В 1479–1480 гг. ливонские рыцари во главе с магистром совершили нападение на союзный Москве Псков. 2) Польско-литовский король Казимир IV (см. выше) тоже собирал войско в помощь Ахмед-хану, и, по-видимому, намеревался повторить действия Ягайлы столетней давности? 3) В тот же момент факти-

чески шел мятеж удельных князей и княжат, недовольных централизаторской политикой Ивана III, притом во главе заговора стояли его братья Андрей и Борис! Так что ситуация была пожалуй похуже, чем в декабре 1941 года под Москвой... И можно только преклониться перед мужеством и выдержкой Государя – заслужил Иван III это название!

Заслужил он его и тем, что сумел использовать противоречия между разными «осколками» Орды – так, крымский хан Менгли-Гирей, по договоренности с Иваном Васильевичем, совершил перед этим набег на Подолье – литовскую тогда территорию, чем доставил хлопот для короля Казимира IV у него же дома. А затем выдержка, и последующее примирение Ивана Васильевича с братьями, дали ему не только спокойный тыл, но и значительную военную поддержку, да и псковичи в то же время, получив поддержку, отразили набег «псов-рыцарей». В результате всего этого Ахмед-хан ожидаемой поддержки ниоткуда так и не получил, а когда пришел холода, то направил за добычей свои войска на земли... союзника Казимира IV! После чего направился в низовья Волги, где и был ногайскими татарами убит – в Орде не любили неудачников...

А через семь лет, летом 1487 года, Иван Васильевич вроде бы обуздал и Казанское ханство – в том году его войска впервые взяли Казань, но ... только для того, чтобы посадить на престол своего ставленника Мохаммед-Эмина. Как видим, это было довольно характерно для Ивана III – смещать неудобных правителей, и ставить на их место других – так он поступал и с Новгородом и с другими княжествами; см. в [24]. Но тогда как этого было достаточно в большинстве ситуаций на Руси, в случае же Казани сие не сработало, как показали последующие события, да и в Новгороде тоже далеко не сразу... Но о Московском государстве речь следует вести отдельно – очень большая это тема, особенно в правление от Ивана III до Ивана IV, когда за столетие Московская Русь расширялась в невиданном темпе!

Сейчас же рассмотрим положение, складывающееся вокруг Южной Руси, особенно в литовской ее части, и тут прежде всего следует обратиться к тому, как развивалась ситуация в Крыму в XV веке. Напомним, что впервые татаро-монголы появились там еще в 1223 году, перед Калкой. Понятно, что присутствовали они там и в последующие двести лет, хотя главным образом в степной, да частично – в горной части Крыма. Однако, экономическая

жизнь-то была почти полностью сосредоточена на побережье Черного моря, где преобладали греки (и с очень давних времен), а также армяне и генуэзцы – напомним, что это последние построили там такие города-крепости, как Кафа (Феодосия), Солдайя (Судак) и ряд других. Затем, на месте нынешнего Севастополя существовало греческое княжество Феодоро, а в степной и в горной части Крыма жили также и караимы – потомки хазар. Также и татары, жившие в горных районах, к середине XV века практически стали оседлыми, и занимались в основном огородничеством и садоводством, торгуя продуктами с прибрежными городами. Но именно степные татары представляли военную силу ханства, и кочевали они как в Крыму, так и за Перекопом, хотя это уже были далеко не те кочевники, которые составляли некогда костяк монгольского войска времен Чингиз-хана. Например, на зиму они уходили в Крым, где жили уже не в юртах, но в глинобитных (а то и в каменных) домах, у которых часто тоже имелись огороды.

И хотя татары периодически делали набеги на южные окраины Руси, но опасность они представляли сперва лишь для небольших разрозненных феодальных уделов на южных границах Литвы, Польши и Молдавии. Да и после образования отдельного Крымского ханства, его ханы сами боялись, к примеру – Большой орды, которая действительно сильно потрепала Крым в 60–70-х годах XV века. Потому-то крымчаки и шли на союз с Москвой, да и с Литвой, о чем уже упоминалось выше. А в общем-то Крымское ханство скорее всего ожидала судьба Хазарии, но тут ситуация стала резко меняться, начиная с середины 70-х годов, по следующим причинам: Во-первых, в Причерноморье появился новый, очень активный и мощный «игрок» – Османская империя, о которой следует сказать более подробно. На Черном море она появилась после падения в 1453 году Константинополя, столицы Византии, которая до того запирала вход в него. Да и вообще Византия многие столетия служила щитом для Европы от натиска с юго-востока – и от арабов, и от монголов, и от турков, была она в этом плане буфером и для народов Причерноморья, в т. ч. и для Руси.

Турки же имели громадный по тем временам флот, который вошел в Черное море буквально в следующем 1454 году и начал очень активно превращать его – как и море Азовское – в одно большое «турецкое озеро». И «осваивали» они его методично и целеустремленно, начав с северного побережья Малой Азии, а затем пришли в Крым, разрушили княжество Феодоро, взяли гену-

эзские крепости, вышвырнув оттуда европейских купцов, и остались единственным гегемоном в регионе. Так что и крымскому хану Менгли Гирею в 1475 году пришлось поступиться своим суверенитетом и независимостью, став вассалом единой Турции, хотя ханство, получив такую «крышу», от этого только выиграло, надо признать. Причем в результате этого определилось и направление всей жизни Крыма на несколько веков. Как мы уже видели в [1], самым выгодным видом торговли была и есть торговля людьми, так что как раз Крымское ханство заняло эту «нишу» в экономической жизни Турции, громадной империи, простиравшейся на трех континентах – от Индийского океана на юго-востоке, до Атлантического океана на западе – всегда нуждавшейся в рабах. Ведь, несмотря на то, что Турция находилась на этапе феодализма в те времена, рабский труд играл в ее жизни очень важную роль, да и не только тогда, а вплоть до XIX века.

Более того, Османская империя включала в себя большую часть *исламского мира* и, как таковая, представляла исламскую цивилизацию, а крымские же татары стали представлять собой ее форпост в Причерноморье и Приазовье. И этот форпост, имея столь мощный тыл, и в то же время необъятный рынок сбыта основного «товара» – рабов, стал исправно выполнять свою главную задачу – наполнять его. Тем более, что в 80-х годах того же века, после распада Большой орды, исчезла опасность для Крыма с востока, так что он становился вообще главным «игроком» в районе Дикого поля, чем тут же и воспользовался – он начал попытки установить союз с Казанью и Астраханью, как уже отмечалось. Позже проявился еще один фактор, резко усиливший военные возможности Крыма, но поскольку он выходит за принятые в данном очерке временные рамки, то речь о нем пойдет в следующих главах.

Но Крымскому ханству и наличных тогда у него возможностей хватало для опустошения Южной Руси, в доказательство чего представляется уместным привести тут своеобразный *мартиролог* – в виде списка *только самых крупных* из татарских набегов на нее – *только за последние 20 лет XV века*, когда в Крыму правил Менгли Гирей (Кровавый – следовало бы добавить):

Как уже отмечено, в 1479 году был отмечен очень крупный набег на Подолье. А затем, в 1482 году, последовал тоже вышеупомянутый опустошительный набег на Киевскую землю, причем полностью разрушены были и Киев, и Житомир, не говоря уж о более мелких городах и селениях.

Через два года – в 1484 году – татары совершили успешный набег на Подолье и галицко-волынские земли. Дальше, вплоть до 1489 года отмечались менее крупные набеги, и лишь в этом году польско-литовское войско сумело-таки неожиданно напасть на татар, но только в тот момент, когда они уже возвращались из набега с ясырем (пленными), и награбленным добром. По польским данным, тогда якобы было уничтожено 15 тысяч татар, а затем разгромлен и второй отряд, уничтожив 10 тысяч врагов. Скажем сразу, что цифры эти представляются нам сильно завышенными, но обоснуем это подробнее в другом месте – когда будем описывать татарское войско и его приемы. Тем более что, согласно тем же данным, зимой 1490 годы татары снова совершили набег на Подолье и якобы тогда их снова побили, уничтожив около 9 тысяч!

Но уже через четыре года, в 1494 году, орда с большими силами нагрянула на Подолье и Волынь, причем теперь уже татары разгромили польское войско (под Вишневецом).

Затем в 1497 году крупные татарские отряды два раза напали на Киевскую землю, разорив по пути Олевск и Мозырь, несмотря на некоторые попытки дать отпор.

В мае следующего 1498 года выявился новый тревожный момент – на Подолье и галицкие земли вторглись уже *совместно турецкие и татарские* силы, дойдя в конце концов аж до Вислы, и угнав в плен 100 тысяч людей! Причем через два месяца на Подолье и Волынь был совершен повторный набег, а одновременно же другой отряд дошел аж до Чернигова, разорив все по дороге и уведя множество пленных... Это им, видимо, понравилось, и той-таки осенью татары *снова* посетили свой «питомник». Однако тут в дело включился «генерал Мороз», уполовинив их ряды, по данным летописцев.

Ну и что же? – В следующем 1499 году татарва снова совершает набег по тому же маршруту, дойдя до Люблина и Бреста, и далее, снова достигнув Вислы, а затем с большим «уловом» беспрепятственно вернулись в Крым!

А в последнем году века – в 1500-ом – татарские набеги снова прошли по той же дороге, *притом дважды*, а затем «посетили» они и Киевские земли – видимо, мало взяли ясыря. И снова же разорили Мозырь.

Но и в первом году нового века – 1501-м – повторилось то же самое!

Каким же был результат сих набегов – может, литовские власти приняли меры к защите своих южных окраин, укрепив города

и т. п.? Как бы не так – великий князь Литовский Александр как раз в 1500 году дает разрешение Менгли Гирею собирать дань на южнорусских землях поголовно со всех, обеспечив, таким образом, юридически «право на разбой»! Это весьма наглядно по сути продемонстрировало, что литовское государство практически отказалось от защиты своих подданных, а мартиролог можно продолжать и далее.

Кроме того, в приведенных выше цифрах надо учитывать и то, что на одного пленника приходилось несколько убитых, включая стариков и маленьких детей! Так что представьте себе, с какой силой работал татарский «насос» на обезлюживание Южной Руси, не получая должного отпора от властей. А ведь Крымское ханство тогда не набрало еще той мощи, которая у него появится через полвека!

Кстати, тогда же татары начали систематически нападать уже и на земли, отошедшие к Московскому государству, почему и пришли к концу союзные отношения между ними. Однако Москва сумела-таки постоять за себя, и уже в 20-е годы XVI века, при Великом князе Василии III (1505 – 1533), были построены укрепленные линии, преодолеть которые татарам было совсем не так просто. И вот это было весьма наглядной демонстрацией отношения государства к защите своих подданных, о котором знали ведь и соседи из литовских земель, почему и пошли они так массово к московским государям в те времена. Да и вообще было явно видно, насколько быстро и мощно пошло развитие Москвы в конце XV – начале XVI века.

Тогда татары снова стали «работать» главным образом на южнорусском направлении, и успешной их «работа» была почти до середины XVI века, когда отпор им во все большей степени стала оказывать им новая сила, зародившая тут еще в конце XV века «сама по себе» – казачество. Но об этом речь впереди, да и мартиролог тоже будет тогда продолжен.

А теперь пора привести давно обещанные соображение о роли некоторых характерных именно для феодализма характеристиках его.

III. 11. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФЕОДАЛЬНОГО УКЛАДА

«Я говорю, что даже и религия есть понятие, подчиненное цивилизации»

Н. Данилевский

Отметим, что такое наблюдение Николая Яковлевича из [2] (с. 141) является достаточно необычным для славянофила того времени, хотя и безусловно верным, впрочем – даже более того, что уже отмечалось в [1]. В том же очерке мы тоже неоднократно так или иначе касались вопросов генезиса феодализма (как нового социально-экономического уклада), обстоятельств его рождения и развития, но главным образом на примере южнорусских земель. Хотя тут он зарождался уже в XII веке, а то и ранее, однако же оформился, так сказать, только в литовский период, а в Северо-Восточной Руси – в монгольское и постмонгольское время, но в разных формах.

Надо отметить, что уже Н. Костомаров заявлял, что «*Северо-Восточная Русь с половины XII века до конца XV пережила период феодализма*» ([12], с. 187), но дело-то в том, как он понимал этот уклад! Дадим ему слово: «*Мы принимаем слово феодализм в значении его общих признаков и разумеем под ним такой политический строй (подчеркнуто нами – Н. К.), когда весь край находится в руках владетелей, образующих из себя низшие и высшие ступени, с известного рода подчиненностью низших высшим и с верховным главой выше всех. Такой строй существовал на Руси вполне*» (там же).

Таким образом, Николай Иванович имел в виду наличие феодальной иерархии, что является верным наблюдением, но ведь этого мало для удовлетворительной характеристики феодализма – прежде всего, тут вовсе не упоминается об отношениях собствен-

ности, т. е. о самых фундаментальных характеристиках способа производства! Вернемся на момент к Древней Руси, о соответствующих отношениях в которой нередко приходится слышать, как о «коллективной форме феодальной собственности», что представляется нам совершенно неверным. Правильнее там следовало бы говорить о «групповой форме собственности» – как разновидности таковой «азиатского способа производства», что уже отмечалось выше.

А вот А. Ефименко, касаясь вопросов о собственности, упоминает тезис Гизо о феодализме как о «*соединении верховной власти с землевладением*» ([6], с. 120), хотя на самом деле она и сомневается в приложимости этого понятия к литовско-русскому социуму (там же, с. 121). Потому естественно затем обратиться к другим, восходящим к Марксу, особенностям сего уклада, уточняя его характер. Классики марксизма подчеркивали, что феодализм резко отличается от предшествующего ему уклада как усиливающейся индивидуализацией отношений собственности, базирующихся на владении феодалами основным средством производства – землей (но не самими производителями), так и характером процесса производства. Общеизвестно ведь, что при феодализме производственные связи были минимальными, ибо там господствовало натуральное хозяйство. А это выделяло естественно такие общественные слои, как купцы и ремесленники – в качестве необходимого дополнения, почему они и становились весьма существенным структурным элементом феодального общества. Но это, в свою очередь, предопределяло дальнейшее развитие городов, как и рост их числа, в частности.

Замечание III.34. Стоит напомнить, что в начале новой эры в древнем Риме тоже происходили вроде бы подобные процессы, однако же феодальный уклад получился там только через несколько столетий – тогда, когда произошло «...*завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства*» ([21], Т.20, с. 643), где классик имел в виду германские племена. Аналогичную роль «кристаллизатора» тех элементов феодального уклада, которые, впрочем, прорастали уже в «удельный период» на западно-русских землях, сыграли литовцы. Причем это и породило там феодальную иерархию, когда имеющаяся уже стратификация в литовских племенах (в частности, наличная родоплеменная «аристократия» – вспомним сказанное выше об их вождях) переходила в феодальную иерархию (т. е. в земельную

аристократию – уже без кавычек!). Это, кстати, объясняет и «естественность» тех замен русских князей на литовцев, о которых говорилось выше. Правда, на собственно южнорусских землях такие процессы шли гораздо медленнее и слабее, и понятно почему. Ведь положение феодала в иерархии, которое было жестко фиксированным и передаваемым по наследству, определялось в общем-то наличной у него *военной силой* – не надо забывать, что при этом укладе война была постоянным, а часто и единственным занятием феодала, особенно на ранних этапах феодализма. Но чтобы иметь военное могущество, ему требовалось иметь достаточно много подданных, в первую очередь более мелких феодалов-вассалов (на польско-литовских землях это как раз и была шляхта). А для этого, в свою очередь, феодалу нужен достаточно крупный земельный фонд, который он (а не князь, как ранее!) имел право отдавать «в держание» своим вассалам. Ясно, что у магнатории такая возможность имелась, причем тут крупные вассалы могли «делегировать» земельные владения более мелким и т. д. – аж до так называемых «однодворцев» (тоже шляхтичей).

Вот таким образом и получалась феодальная лестница, причем существенно то, что внизу ее была массивная «основа», на которой она и держалась – крестьянство и мещане, как раз и содержащие своим трудом высшие «ступеньки» ее. И чем больше было таких «ступенек», тем тяжелее оказывалось состояние этой «основы». Все это объясняет сословность феодального общества, его жесткую структурированность, ибо оно было столь слабо связано экономически, производственно, что скрепить его, придать ему устойчивость можно было только силой.

Впрочем, не только и не столько голой силой – общеизвестно в этой связи значение идеологии, которая при феодализме практически полностью воплощалась в религии. Причем тут и религия была совсем уже не такой, как в рабовладельческом обществе, а как правило – монотеистической, и могущей служить другой тотальной скрепой общества феодального. В общем, вопрос этот достаточно сложен, и мы ограничимся здесь простым примером, объясняющим роль единой для данного общества и государства религии.

Известно, что феодальное общество было предельно индивидуализированным, потому личные связи между людьми играли тут важнейшую роль. В частности, на всех ступеньках феодальной иерархии вассалы приносили присягу своему сеньору на верность,

крепость которой обеспечивалась клятвой на Библии. Таким образом, преданность принимала сакральный характер, освящаясь именем единого Бога. И в том случае, когда религия была одна и для сеньора и для вассала – вплоть до последнего воина, вот тогда и верность становилась нерушимой, поскольку ренегаты (т. е. вероотступники) в феодальном обществе были наиболее презируемыми людьми. Для иллюстрации отношения к таковым достаточно напомнить не только описания религиозных войн (сотрясавших мир именно в Средневековье) с их крайней ожесточенностью, но и описание ада в Дантовой «Божественной комедии», где ренегаты помещены в последнем его круге!

Кстати, это обстоятельство не следует забывать и при обсуждениях таких ситуаций в нашей истории, как в случаях измен А. Курбского Ивану Грозному, и гетмана Мазепы – Петру Великому, соответственно. Хотя первые вроде и не меняли веру, но все же попрали клятву верности на Библии, притом данную главе православной церкви – царю! Но вот нашим современникам этого понятия не дано, увы...

Замечание III.35. Отметим, что несколько позже – уже в середине XVI века, в результате религиозных войн, в Европе сформулировали принцип «*Qujus regio ejus religio*», который обычно выражают как «Чья страна, того и вера» (например, см. в [23], с. 187). Но буквальный-то перевод таков: «*Чей режим, того и религия*!» Напомним, что этот принцип, по сути, кратко резюмировал сущность Аугсбургского религиозного мира, заключенного в 1555 году, который распространял суверенитет каждого властителя (в т. ч. князя) и на веру, так что «каждый князь определяет религию своих подданных» (подробнее см. в [23]). Но напомним, что уже в XIV – XVI веках в Московском государстве придерживались именно подобного (европейского!) принципа, так что в этом контексте становится более понятной и обоснованной политика Ивана Калиты, да и последующих московских князей, о которой шла речь в шестом параграфе – и тогда уже главную роль играла вера, и система отношений, задаваемая ею, а не этническая принадлежность! А вот в Южной Руси сей фактор тоже сыграл свою (и выдающуюся!) роль, но несколько позже, хотя по сути проявлялся уже во времена «княжеской фронды», впрочем. Здесь, пока князья и бояре были такими же православными, как и их подданные, присяга последних на верность носила сакральный характер. А вот процесс перехода упомянутой верхушки в католическую

веру, наметившийся в Галицких землях еще в XV веке (и который уже отмечался выше), менял весь характер отношений подданных с их господами – ведь последние аннулировали тем самым сакральный характер отношений между ними! Потому соблюдение присяги православными таким магнатам становилось не просто нестоящим, но и **греховным** деянием – ведь после 1054 года католики были для них еретиками. А сами же православные – вполне симметрично – были еретиками (точнее, схизматиками) для католиков!

Поэтому-то магнат, собирающийся стать ренегатом (что было в общем-то выгодным для них делом в Польше), должен был знать и о неизбежной потере существенной части своего войска, а потому и могущества – так что было над чем подумать... Вот тут и появляется мысль о некоем «обходном маневре» в виде принятия унии, т.е. «греко-католического обряда», при котором внешняя, обрядовая сторона вроде бы сохранялась, а менялись лишь «мелочи», вроде признания папы римского главой церкви!

Но не тут-то было – началась идеологическая борьба, выразившаяся на Южной Руси в частности, в появлении православных братств, как оплота православия, с одной стороны, и поиска путей к унии, с другой... Наибольший накал этой борьбы пришелся на вторую половину XVI века и начало следующего. Надо отметить, что в те времена и в Московском государстве проявлялись подобные тенденции, однако они быстро были свернуты, но к этим темам мы еще вернемся в дальнейших главах.

Приложение

После обсуждения материалов этого и предыдущих очерков товарищи предложили мне включить в качестве приложения статью одного из наших коллег, приуроченную к празднику 355-летия Переяславской рады, «*чтобы читатель мог увидеть перспективы обсуждаемого исследования Н. Кравчука «истории Отечества», к какому моменту оно должно подойти, и к чему привести»* – это формулировка из решения специального заседания теоретического семинара организации ОСА (Объединение Славянского Актива).

Поскольку в главных моментах я согласен с оценками автора приведенного ниже материала, он и включен сюда.

М. КОШЕМЧУК

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОРДОСТИ МАЛОРОССОВ: К 355-Й ГОДОВЩИНЕ ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ

«Малороссы – это просто россы из Малой Руси»

Антон Кошемчук

На первый взгляд могло бы показаться странным следующее утверждение: Самым острым и актуальным вопросом на Украине ныне является не «газовый вопрос», не «кризис», не вступление в НАТО, и даже не возрождение и героизация фашизма, но... *национальный вопрос!* Хотя нельзя сказать, что он не обсуждался, скорее наоборот – дебатруется уже много лет, причем разброс мнений тут самый широкий, что ныне вполне позволительно, ибо графа «национальность» в наших паспортах исчезла... Но исчезла ли с нею в реальности, на практике, национальная или этническая принадлежность человека? Думается, каждый скажет – нет.

Давайте теперь обозначим границы упомянутого выше диапазона мнений – крайне справа находятся те, кто утверждает: мы исконные «украинцы», происходящие прямо от некоей орды «уков», прибудившихся в наши края еще в незапамятные времена и сперва построивших трипольское «государство», а впоследствии – и Киевскую Русь. А вот великороссы к этой-то Руси (а потому и к нам) никакого касательства вообще не имеют – так вот! Причем самыми яркими адептами такой «кочки зрения» являются большая часть «западенців» – тех самых, которые в общем-то ни к первым, ни ко вторым никакого отношения не имеют, в чем убедимся ниже...

На другом же краю диапазона находятся те, которые доказывают (нередко посредством объемных книг), что на самом деле никаких украинцев вовсе нет, а есть только русские, предполагая в уме, что несколько «подпорченные», да и язык имеют соответствующий этому обстоятельству! А между этими полюсами, посредине, имеется множество иных вариантов, как правило, с существенными расхождениями. Все это можно видеть на страницах разных газет и журналов, а в таких, как популярная лево-либеральная газета «2000», имеется «всякой твари по паре», как говорится, притом на одной и той же странице! И «толкут воду в ступе» многие годы, призывая к «единению и злагоде», не задаваясь главным вопросом – *а возможно ли оное в принципе?*

Следует сказать, что в конце 1980-х – начале 1990-х бешеную активность на этом поле развили т. н. «украинские буржуазные националисты» (т. е. сторонники первой точки зрения), поскольку именно они захватили контроль над большинством СМИ, особенно электронных – при поддержке как правящего класса республики, так и Запада (ибо тогда это было выгодно и тем, и другим).

А потому сумели «объгорить» значительную долю населения Украины, в т. ч. и немало великороссов! Дело им облегчалось тем обстоятельством, что в советское время история Украины излагалась довольно таки «облегченно», отрывочно и, как выяснилось в наше время, совершенно неудовлетворительно. А ведь когда десятки лет вам твердят: мы – «украинский народ» или «украинская нация», а то и: «*один народ, одна история, одна судьба*» (это РУ-Ховский лозунг, ставший затем лозунгом и президента Ющенко, который очень похож на известное «*один Народ, один Фатерланд, один Фюрер*»!), то немудрено в это поверить – как говорится: «*повторяй человеку каждый день, что он – свинья, то через пол-*

года – захрюкает! Вот так многих и превратили в хрюкающее стадо...

Поэтому прежде всего надо бы разобраться – а есть ли «один народ» (он же – «украинская нация»)? И была ли у него «одна история, одна судьба»? А без истории не узнать – «*чия правда, чия кривда, і чії ми діти*», как утверждал Тарас Шевченко! Конечно, мы не сможем тут детально излагать ее, отметим лишь некоторые моменты, существенные здесь.

Древняя Русь была государством восточных славян, базировавшимся на *восточно-славянском* Суперэтнотесе. Существовала она около четырех веков – срок немалый, так что первоначальная племенная общность привела к образованию древнерусской народности, а коротко – русичей (позднее их потомков стали звать *россами* – термином византийского происхождения). При этом правящий класс Руси вел происхождение от одной династии – Рюриковичей. А, кроме того, к XIII веку достаточно прочные позиции на территории Руси занимала единая православная церковь.

К тому времени наша древнерусская цивилизация оказалась на удельно-вечевом этапе (что естественно вело к состоянию раздробленности – как и в Европе), а потому пребывала в кризисе, и еще неизвестно, какой бы была ее судьба. Но тут пришли татаро-монголы и решили все очень просто – смели с лица земли города и веси, уничтожили массу народа (а попутно и государственные институты).

Именно в результате такого катаклизма единая древнерусская народность расщепилась на несколько ветвей, и дальнейшее развитие каждой из них шло своим, особым путем. Однако впоследствии оказалось, что пути эти были *параллельными*, а не расходящимися, поскольку суперэтническая общность сохранялась несколько веков – даже в таком «расколоте» состоянии. Выдающуюся роль в сохранении ее сыграл такой исторический феномен, как *запорожское козачество*. Знаменитый британский историк XX века А. Тойнби сумел выразить эту роль в нескольких словах: «*казаки – это пограничники православия*» (имея в виду также и донское, терское, яйцкое...), но мы бы уточнили это так – *пограничники русской православной цивилизации!*

Но из них *только запорожские* казаки оказались в решающий момент сразу на границе *трех* цивилизаций – и западной католической, и тюрко-исламской, принадлежа сами к православной, находясь т. о. на «цивилизационном разломе». Именно они и об-

разовали ядро сопротивления народа Малой Руси (как к XVII веку называли Южную Русь) всем попыткам закабаления его чуждыми пришельцами. А затем это привело естественно к Воссоединению с той ветвью нашей общей цивилизации, которая к тому времени стала – посредством *собственных* усилий – основной, а именно – (велико-) русской, или московской. Здесь есть множество мало-известных страниц, для изложения которых нужны целые тома, о чем уже говорилось, но результат известен: Богдан Хмельницкий, «Гетман малороссийского Войска Запорожского...», в январе 1654 года – после совета с народом – подписал Переяславское соглашение о Воссоединении. Сам Богдан тоже оказался уникальной фигурой в нашей истории, о чем надо бы писать особо, тем более что после его смерти так и не нашлось достойного продолжателя его дела. Наоборот – на поверхность тут всплыли разного рода авантюристы, предатели и ренегаты, опозорившие нашу историю, как это делают и сегодняшние их последователи!

Вот мы и подошли к основной нашей теме: *историческим фактом* есть то, что к моменту Воссоединения Малая Русь состояла не только из Левобережья, но и достаточно большой части Правобережья, Полесья и даже Подолии! Таким же *фактом* есть и то, что совершили освобождение этой территории от ляхов *сами малороссы* (расшифровку см. в эпитафье, как это сделал мой прадед Антон, с которым я имел счастье общаться, и хорошо запомнил эту формулу. А ведь прадед происходил из славного козацкого рода, как видно из его фамилии, да и сам имел Георгиевский крест за войну с Японией!).

Причем Переяславское соглашение подавляющее большинство из них скрепили собственноручными подписями. Это сделали 127 тысяч 338 свободных людей, являющихся главами домохозяйств (так что каждый представлял 7–10 человек в среднем), что и позволяет оценить число жителей Малой Руси тогда. К сожалению, через три с половиной года Богдан умер, и вскоре после этого пришло к нам время, названное коротко и страшно – «Руина». Когда я читал недавно сочинение известного историка XIX века Н. Костомарова под таким заглавием, то скажу вам – тяжкое это было чтение!

Но вот что при этом обнаружилось – название «Украина» появилось как раз тогда (и созвучно слову «руина», заметьте!), причем у Костомарова оно обозначает именно *Правобережье*, тогда как *Левобережье оставалось Малороссией* – вот это и дает раз-

гадку нашего вопроса, как и других! Изменник И. Выговский, получивший обманном путем гетманскую булаву (*и тоже «в третьем туре»!*), сразу начал процесс, обратный к начатому Богданом, а именно – переговоры с ляхами на предмет присоединения уже к Польше. С другой же стороны, он начал репрессии против малороссов – сторонников Москвы, как из числа «старшины», так и рядовых козаков!

И уже через год после смерти Богдана этот иуда заключил с ляхами т. н. «Гадячское соглашение», по которому Украина и Малороссия снова входили в состав Польши как якобы «самостоятельное» Русское княжество. Но ни народ, ни «старшина» из Малороссии не поддержали Выговского, и несмотря на победу над русскими войсками под Конотопом – одержанную главным образом благодаря татарам, ляхам да наемникам, через два месяца после нее он был вынужден позорно бежать в Польшу – так что имеем и в своей истории яркий пример «пирровой победы»!

Однако именно упомянутое соглашение послужило в дальнейшем юридическим *основанием* для польской агрессии на Украине и нескольких войн ее с Россией, чего многие не понимают, а «историки» замалчивают! Потому уже с 1660 года началось **раздельное** существование Украины (она же Украина – по Т. Шевченку) и Малороссии – при разных гетманах там и тут. Это и привело очень скоро к массовому исходу малороссов из Украины – от гетманов-«самостийныков» типа П. Тетери да П. Дорошенка, торговавших ею в угоду то Польше, то Турции, то Крымскому хану, – на Левобережье, в Малороссию, а то и прямоком в Россию (и можно сказать, что они тогда **проголосовали ногами!**)

А на Украине же тогда и появились «украинцы» – люди с особым менталитетом жителей окраины, живущих согласно принципам: „якось воно та буде...”, „може, так воно й треба...”, а также – «*моя хата скраю, нічого не знаю*» – тем более, что Правобережье-то и потом находилось под Польшей – аж до ее раздела в конце XVIII века. Таким образом, специфика «украинского менталитета» объясняется в первую очередь многовековым угнетением не просто инородцами, но представителями чужой цивилизации – теми самыми «европейцами»-ляхами. Казалось бы, это должно сплачивать народ, но учтем, что во время постоянных восстаний на Правобережье, т. е. на Украине, погибали лучшие – пассионарии-малороссы. Да и чаще всего покоя панам-ляхам там не давали те, кто приходил с левого берега Днепра – примерами

есть славный полковник Семен Палий с соратниками, а полувеком попозже – и гайдамаки. А выживали-то большей частью те, кто мог приспособливаться, из них потом выделялись суб-пассионарии – активнейшие антиподы пассионариев – в терминологии Гумилева, которые и ныне правят бал в Украине!

А ведь и после присоединения Украины к Малороссии основную массу помещиков там составляла все та же польская шляхта (даже в Харьковском университете в первой половине XIX века заправляли иезуиты, по свидетельствам современников!), несколько потесненная только после шляхетского восстания 1831 года, но главным образом – лишь после такового 1863–1864 гг. Да и вообще такая практика была проявлением общей политики русского правительства при присоединении новых территорий – оставлять на месте правящие группы и классы, и только в администрации краев были представлены кадры из русских. Кстати, автор, читая не так давно историю городов и сел на Полесье, не сразу смог уяснить себе, почему это подавляющее большинство помещиков даже перед самой революцией 1917 года были польского происхождения?..

Так что реально «москалей» на Украине до конца XIX века мало кто и видел, кроме солдат русской армии (которые в народе, впрочем, как раз и назывались «москалями», хотя среди них немало было уже и малороссов), причем благодаря этим солдатам она и была наконец освобождена. А мифы о России, как о «тюрьме народов», давно запущенные западниками, начиная с Герцена, были результатом серьезного преувеличения, а точнее, видимо все же результатом «идеологической диверсии»! Впрочем, если читать внимательно «Кобзарь» Т. Шевченка, то паны у него сплошь и рядом – именно ляхи-католики, а вовсе не «москалии», как нас учат.

А уж «западникам» говорить о «московском угнетении» и прочем вовсе не приходится – они были то «под ляхами», то «под австрияками», в общей сложности семьсот лет! Т. е. все это время они находились в чужой нам западной цивилизации, потеряв всякую цивилизационную связь с нами, и прежде всего – *чувство общей исторической судьбы...*

Хотя вполне возможно, что им тогда было легче – ведь этнически большинство из них не только не малороссы и не украинцы, но *даже не славяне*, поскольку ведут свое происхождение от племен *карпов* – из группы племен гето-дакийских корней – прямых

предков нынешних румын! А мы еще удивляемся сходству музыки и плясок карпатских гуцулов и румын...

Итак, видим, что никакой «единой украинской нации» не было и нет, ее только начали творить в 20–30-х годах XX века «украинизаторы» – причем «большевички», что мне, как человеку левых убеждений, признавать это сразу было весьма неприятно. Но ведь они-то запретили даже и слово «малоросс», сознательно трактуя его – вослед за Грушевским и иже с ним – в уничижительном смысле. Обращаясь к эпиграфу, вспоминается, как дед Антон меня предупреждал: «не говори об этом с отцом, он ведь партейный, но сам запомни!». Кто бы мог подумать в том далеком 1951 году, что еще придется вспоминать его слова...

Однако факт есть факт – именно так «украинизаторы» понимали ленинскую национальную политику (которая как раз наоборот, должна была вести к «стиранию национальных различий»), и совсем не зря «поправил» их в конце 30-х тов. Сталин! Хотя он сам тут же, в 1939 году, не обдумав как следует вопрос, присоединил к Советской Украине совершенно чуждое ей тело – Западную Украину (совершив пресловутую «злуку», и продолжив тем самым через 20 лет дело своих врагов – петлюровцев)! Но вся искусственность сих конструкций выявилась с началом «мутных» 90-х годов – во времена новой «Руины» стало ясно, что в действительности на нашей территории (исключая из рассмотрений русский Крым) имеется несколько этносов:

Первым по значению и численности являются *малороссы* – потомки и наследники тех людей, которые победили в Освободительной войне 1648 – 1654 гг. и скрепили своей клятвой воссоединение Руси в единую державу. Говорят они, как правило, и на украинском, и на русском языках. Однако надо сказать, что до сих пор малороссы о себе – *как о наследниках дела Богдана* – по сути еще не заявили. И уж тем более *неверно* утверждать ныне, что «все мы – малороссы» (т. е. все живущие на Украине), это утверждение встречалось все в той же газете «2000»!

Ибо есть еще близкородственный (суб-)этнос украинцев, а точнее – «*окраинцев*», о которых шла речь выше (хотя еще в 1920-х годах известный украинский публицист и сатирик Остап Вишня определял их как „*чухраїнців*” – очень удачно, надо сказать!).

Третьим главным этносом есть русские, т. е. *великороссы*.

Четвертым – те самые «западenci», хотя точнее было бы говорить – *галичане*, поскольку не все на Западной Украине поддер-

живали украинскую разновидность фашизма – бандеровщину. Язык у них тоже свой, особый, хотя об этом они стараются не распространяться, украинский же изучают по словарю, хотя их легко узнать по произношению – «шипящему». А вот закарпатские русины, так те наоборот – являются издавна анклавом нашей цивилизации россов.

Тут требуется пояснение – никто из пишущей братии на Украине (и не только) такого анализа не проводил – максимум, о чем говорили и писали, так это делили ее на две части – западную и остальную, причем редко обосновывая это разделение, хотя все понимают, что «западенцы» – это нечто совсем иное, отдельное.

А суть в том, что по Украине с давних пор проходит «цивилизационный разлом», как уже отмечалось; об этом упоминал даже С. Хантингтон. Но почему-то никто до сих пор не догадался посмотреть ближе на этот **«разлом»**, учитывая исторические обстоятельства. При этом оказывается, что **он вовсе не есть какой-то тонкой и четкой линией, а проходит через весь массив Центральной Украины**, оказавшись результатом упомянутой выше «Руины» и последующей эволюции, породив особый субэтнос «окраинцев»!

Кстати сказать, и религиозные различия тут более размыты, нежели в Малороссии, где и сейчас безоговорочно доминирует УПЦ Московского патриархата, а вот в Центральной Украине, кроме УПЦ Киевского патриархата – подручной организации для нынешних «ляхов», встречаются даже униаты – те самые „*католицькі недовірки*“, которых презирали и 400 лет назад малороссы да терпеть не могли запорожцы (уничтожая сразу при встрече), первой заповедью которых было *«стоять за віру нашу православну»!*

Несмотря на все различия, три первых этноса близки друг другу, как понятно из вышеизложенного, и не только генетически. При этом большинство малороссов и великороссов проживают на Юго-Востоке, а точнее – на территории исторических Малороссии и Новороссии, включая сюда Таврию и Слобожанщину. Кстати, и в самой России проживает множество малороссов, не испытывая и там каких-либо неудобств в общении с великороссами, подтверждая тем самым давнее наблюдение Н. В. Гоголя о взаимодополняемости характеров обоих.

Впрочем, это объясняется и тем, что строили единую Супердержаву СССР с самого начала и малороссы: на I Всесоюзном съезде Советов, принявшем 30 декабря 1922 года Декларацию и

Договор об образовании СССР, за это голосовали 364 делегата от УССР, вместе с 1727 делегатами от РСФСР, 30-ю от Беларуси, а также 91 – от Закавказской федерации. Причем ведь и столицей Советской Украины был первоначально город Харьков.

Да и победу в Великой Отечественной они разделили с другими советскими народами, причем в те времена «окраинцев» было намного меньше, хотя и у них чувство общей исторической судьбы все же сохраняется – как архетип... Большинство из «окраинцев» проживает в Центральной Украине, включая и Киев – когда-то бывший главным оплотом малороссов.

Ну а «западенці» – ясно – занимают Западную Украину. Я хотел написать вместо «ясно» – «по определению», но тут вспомнился любопытный факт – в довоенном Львове их было лишь 8% от всего населения города! Зато ихние бандеровцы в Отечественной войне воевали на другой стороне фронта, точнее – в нашем тылу, как все мы тут знаем из рассказов наших отцов и дедов, а вовсе не из «советской пропаганды», как ныне пытаются уверять молодежь необандеровцы! Наоборот – официальная пропаганда говорила разве что об отдельных бандеровцах, замалчивая тот факт, что они имели поддержку местного населения – «западенців». Более того, нас уверяли что «западенці» – наши братья, хотя среди моих земляков говорили и говорят о них несколько иначе: *Вони нам такі «брати», як чорт козі – «дядько»!*

Однако у довольно многих «окраинцев» был утрачен иммунитет к «чужинцам», которыми они для нас всегда были и остаются. Впрочем, у всякого объективного исследователя должен бы вызвать интерес вопрос: как, имея долю населения в Украине не более 10% (а ныне так не более 6 – 7% – из-за массового выезда за рубеж) и ничтожный вклад в производство страны, включая сюда и аграрный сектор, и будучи всегда дотационным регионом, «западенці» смогли приобрести такое влияние в современной Украине?

Причем этот «процесс пошел» еще в начале 1960-х при активной поддержке новых «украинизаторов» в правящей верхушке Украины; «западенці» уже тогда становятся чуть ли не «носителями прогресса и культуры», проникают во все в сферы общественной и культурной жизни, занимая там достаточно прочные позиции (благодаря также и своей сугубо племенной сплоченности). И если смотреть на вещи трезво, то надо признать, что они уже тогда напоминали своим поведением действия панов-ляхов XV–XVI веков на территории Украины – с такой же наглостью и напористостью.

Да так, что в среде «окраинцев» они сумели овладеть инициативой, навязать свои представления и ценности, выдать свои песни и пляски за «общеукраинское» культурное достояние и широко их пропагандировать по всему Союзу. Более того, бандеровские в недавнем прошлом кадры сумели пролезать и в правящую партию – КПСС, разлагая ее изнутри.

Потому уже с 1990 года правящий класс (и в первую очередь партноменклатура во главе с первым секретарем ЦК КПУ!) на Украине решил сделать ставку на идеологию «украинского национализма» (на самом-то деле – западноукраинского, ибо иного уже просто не существовало), а «западенці»-галичане, имея мощную поддержку с Запада, получили непропорционально большое влияние в политической и культурной сферах Украины, о чем говорилось выше. Надо признать, что в первую очередь им удалось оболванить «окраинцев», превращая их постепенно в стадо баранов (т. е. в то самое «быдло», в которое паны-ляхи 400 лет назад пытались превратить наш народ, хотя тогда он выстоял), тупо идущих туда, куда их загоняют – сперва с помощью пряника, но скоро будет и кнут!

Именно они уже 18 лет проталкивают во власть своих «западенцев» (вроде первого (П)резидента), либо холуев из «окраинцев» (вроде обоих последующих), а всякие «рухнутые», «юхнутые» да «майданутые» (они же «май-дауны») из «окраинцев» активно им помогают в этом! Главным образом именно они оплевывают **нашу** историю, глумятся над нашей памятью и над могилами **наших** отцов и дедов. А ведь это **их** отцы и деды **стреляли в спину нашим** во время Великой Отечественной, однако как раз их делают ныне «героями» Украины! Это они открыто и нагло разворовывают и распродают созданное нашими предками достояние, они готовы и землю нашу продать, вместе с народом, в кабалу тому Западу, который не раз зарился на это, ибо рассчитывают стать при этом, как минимум, надсмотрщиками над нами, как это уже делали их отцы и деды!

И не зря поют тот гимн, который они нам навязали, ныне так: *«Ще не вмерла Україна, / Але вмерти мусить/ – Якцо з голоду (холоду) не вимре, / то Ющенко додушить»* – с помощью бандер!

Выводы:

Из всего сказанного выше вытекает простой и ясный вывод: *Нет в нынешней Украине «единого народа», не было у нас «одной истории», а потому не может быть и «одной судьбы»* – определяемой (по задумке) Западом да его холуями у нас!

Но одновременно пора спросить и у малороссов, живущих как на Украине, так и за ее пределами:

Осталось ли у нас чувство ответственности за исторический выбор, сделанный 355 лет назад нашими предками?

Доколе мы будем наблюдать молча, как новые «ляхи» разворачивают тут новую «Руину», как вымирают миллионы соотечественников, как распродают «*неньку*» уже по частям, и на вынос?

Вопросы можно множить и множить, но все они упираются в главный вопрос:

Так есть ли национальная гордость у малороссов?

От ответа на него и зависит дальнейшая судьба и народа, и Отечества.

08.01.2009

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравчук Н. В. История Отечества глазами малоросса. Метаисторические очерки. – М.: АИРО-XXI. – 2009.
2. Данилевский Н. Россия и Европа. – М.: Древнее и современное. – 2002. – 548 с.
3. Гумилев Л. Н. От Руси к России. – М. Изд. АСТ. – 2003
4. Очерки истории России. М.: – 2008.
5. Всемирная история. Т. III. – М.: Госполитиздат. – 1957.
6. Ефименко А. Я. История украинского народа. – Киев, Лыбидь. – 1990.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд 2-е. – Т. 21.
8. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М.: 1992.
9. Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс. – 1991.
10. Антонович В. Б. Моя сповідь. Вибрані історичні та публіцистичні твори. – Київ, Либідь. – 1996.
11. Русская литература XI – XVII веков – М.: Художественная литература. – 1988.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд 2-е. – Т. 22. – с. 18 – 19.
13. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях важнейших деятелей. Книга 1, вып. 1, 2, 3. – М.: 1990.
14. Костомаров Н. И. Русский мир. – Киев, Радуга. – 2006.
15. Литва. – 2008.
16. Костомаров Н. И. Русские инородцы. – М.: Чарли. 1996.
17. Данилевский И. Выбирая, не ошибись... // Знание – сила, №10, 2006. – с. 81–85.
18. Тюрин Г. Италия и Русь // Знание – сила, №2, 2007.
19. Гоголь Н. В. – Арабески – М.: Молодая Гвардия – 1990
20. Литвин, Михалон. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. – Киев. – 1890.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд 2-е. – Т. 20. – с. 643.
22. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. – М.: Политиздат. – 1953.
23. Всемирная история. Т. IV. – М.: Госполитиздат. – 1958.
24. Алексеев Ю. Г. Государь всяя Руси. – М.: Наука. – 1991.

Серия
«АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века»
Вып. 28

Н. В. Кравчук

История отечества глазами малоросса.

Очерк третий

Русь расщепленная.
XIII – XV вв.

Научное издание

Дизайн *Сергей Щербина*

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

Подписано в печать с оригинал-макета 14. 10. 2010 г.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офс. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 6. Тираж 300 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Тел.: (495) 466-16-35
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

ИЗДАНИЯ АИРО
В 2001–2010 ГГ.*

2010

- Стивен Коэн.* Утраченное наследие Горбачева. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Э. Б. Гурвич.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. («АИРО – первая публикация»). Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах / Под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт.
- Г. А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти (Проект «Политика истории в СССР/России»).
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. «Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”». Вып. 7.
- И. Б. Карина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». «Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”». Вып. 8.
- А. Цыганок.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд
- А. Посадский.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге 1917–1921.
- А. Л. Носович.* Красный Царицын. (Записки белого разведчика).
- Е. В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.)
- Н. К. Веселовская.* Записки выездного врача скорой помощи. 1940–1953. («АИРО – первая публикация»).
- А. В. Кыласов.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Мировой кризис и Япония. Сб. ст. под. ред. Э. В. Молодяковой
Япония 2010. Ежегодник

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И.* Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. — М., 1998; *Они же.* Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. — М., 2003.